

Фирюза

Мой Дьявол

Москва 2007

Фирюза Янчилина
Мой Дьявол. – М.: Эдиториал УРСС, 2007.

Читайте! Такого вы еще не читали!

Чувственное, интеллектуальное произведение.

Это роман-поэма, роман-философия, роман-мечта...

Дьявол показывает не только силу, но и слабости...

Исполняет скромные желания нескромной девушки.

Ох, уж эти дьяволы! Не по зубам им наши женщины.

© Фирюза Янчилина, 2007

1. Мечта

У меня много свободного времени. Его я расточительно отдаю всяким мыслям. Сначала они вертятся где-то вне меня. Затем прилетают ко мне, чтобы продолжить кружение в моей голове – в только им доступных лабиринтах. Вылетают. Снова прилетают... Они порой так выматывают...

Они покидают меня не изменившимися. Таково свойство мыслей без ответов. Куда они направляются дальше, не знаю. Что представляют собой лабиринты вне меня, я понятия не имею. Знаю только, что в них они могут крутиться сколько угодно долго, также абсолютно не изменяясь.

Лишь только я возвращаюсь домой и сажусь на диван, чтобы отдохнуть, расслабиться, эти мысли сразу же, галопом, скачут в мою сторону. Наверно, им нравится моя голова.

Иногда я замечаю, что уже целый час обсасываю какую-то из них. Причем бессмысленно и безрезультатно. Этим мыслям-жвачкам только дай волю! Если их не контролировать, они с удовольствием поселяться где угодно, в любой, свободной от других мыслей клеточке мозга. И станут терзать, терзать, терзать... Они это любят – терзать и выматывать. Поэтому я, когда замечаю, что напрасно выбросила на них целый час, усилием воли выпроваживаю их вон из моей головы и начинаю развлекать себя другим, более приятным способом. Например, книжкой.

Но читать каждый вечер и целый вечер – это тоже слишком. На это мне страшно жалко времени. Так можно и оторваться от реальности, не заметив, что уже прошла вся жизнь. Читаешь себе, читаешь и вдруг замечаешь, что прошло много, очень много лет, и ты уже старая. Подходишь к зеркалу и видишь дряхлую старуху с единственным зубом на весь рот, который так живописно и символично желтеет на нижней челюсти, говоря, что время-то твое кончилось, а ты все книжки читала! Книгами не стоит слишком увлекаться. Я это поняла, одиноко просиживая на диване долгими

вечерами. Кстати, спасибо за это мыслям! Это они додумались. Иногда они все же доходят до чего-нибудь интересного и важного: что, например, книжкам все вечера дарить не стоит. Вы считаете, мысли не умеют думать? Напрасно. Они это делают превосходно.

Поэтому вечерами я не только читаю книжки. Я еще смотрю телевизор. Но это еще более жестокий поглотитель времени. Не мне вам объяснять. Это прописная истина, что экран – один из самых мощных пожирателей минут и часов.

Короче, везде нужна сила воли – читаешь ли ты что-нибудь или смотришь телевизор. Ничто нельзя пускать на самотек. Иначе превратишься в беспомощную марионетку – в руках мыслей, книг или телевизора.

Но когда лето... Я совсем забыла про лето! А оно ведь такое короткое и чудесное! И его всегда так мало, любого лета так мало!

Когда наступает лето, я почти забываю о телевизоре и совсем забываю о книгах. Какие могут быть книги, когда теплые вечера так и манят к себе, так и зовут на улицу. А на улицах люди радостные – потому что лето. Чтобы быть радостным, часто достаточно одного – чтобы было тепло, и вечера стояли светлыми. Разве этого не достаточно? Во всяком случае, для меня достаточно. Поэтому, когда наступает лето, мне не приходится предоставлять свою голову бессмысленным долгоиграющим мыслям – почти не приходится. И не приходится читать книги или смотреть телевизор. Я просто выхожу на улицу. И чувствую себя от этого такой счастливой! Так просто.

Но сегодня было не так легко. Меня не радовал безумно теплый вечер. Мне не хотелось его мягких, невесомых объятий. Мне было грустно и одиноко. Так грустно и одиноко, как никогда. Хотя нет. Мне часто бывало грустно и одиноко, как никогда, – сто, а, может, даже и тысячу раз. Просто каждый раз, когда грустно и одиноко, кажется, что так плохо еще никогда не было.

Когда тоскливо, не хочется ничего. Это самое неприятное – когда плохое настроение, вдобавок ко всему еще и ничего не хочется. Не хочется даже окунуться в летний, пьянящий вечер. И остаешься сидеть на диване. Просто сидишь и безвольно позволяешь глупым мыслям вытворять с тобой что угодно. В такие минуты хорошие мысли тебя не посещают. Хорошее не любит мрачное. Хорошим мыслям нужны светлые состояния.

Когда тоскливо, на ум приходят только не решаемые мысли-проблемы. И одна из них, которая стала посещать меня, начиная с некоторого времени: «Почему я одна?» Противная, ужасно противная

мысль, не правда ли? Что может быть хуже для одинокой, скучающей девушки, чем крутить в голове такой вопрос?

Но эта мысль не безответная. Ответ на этот вопрос есть. И я знаю его. Все дело в том, что я идеалистка. Вот и все. Вот и весь ответ. Оттого-то я и одинока в свои двадцать шесть. Тем не менее, несмотря на то, что я знаю ответ, эта мысль «почему я одна?» снова и снова приходит ко мне. Снова и снова приходит ко мне. Ужасно нудная и ужасно назойливая мысль. Будто не знает, что у меня на нее есть ответ.

Я слышала, для того, чтобы сбылась мечта, ее нужно нарисовать. Говорят, если создать в себе сказку и начать в нее верить, она обязательно сбудется. И вообще, сказки всегда сбываются.

Иногда мой мир становится маленьким. Очень маленьким и тесным. В такие минуты мне не хватает воздуха. Остро не хватает воздуха. Совсем нечем дышать. Я начинаю задыхаться.

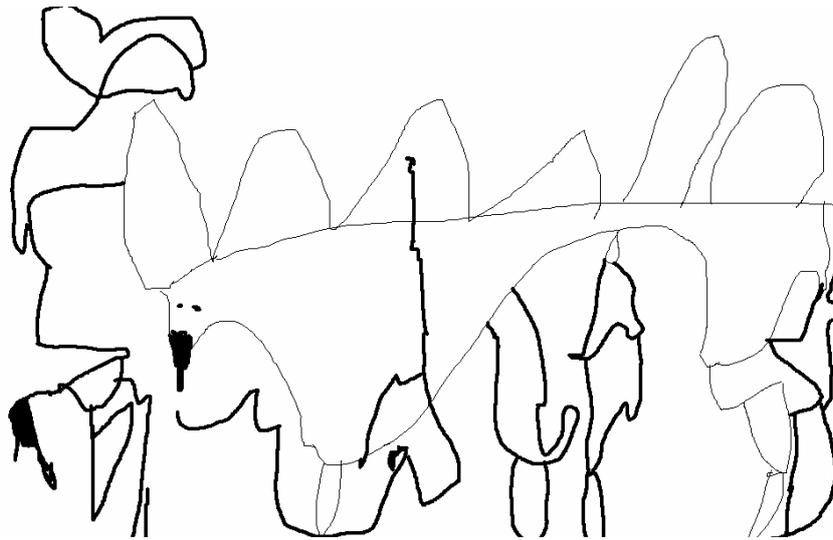
Но самое неприятное – мне некуда вырваться. Потому что за спиной – другой, равнодушный мир. Он знает меня не знает и не желает принимать. А впереди – пропасть, мечтающая заполучить меня.

Воздух есть только над пропастью. Я вытягиваюсь над ней и вдыхаю пьянящий глоток. Тут же начинает кружиться голова. Я вытягиваюсь еще дальше и чувствую, что начинаю терять равновесие.

Но я не падаю! Мой маленький мир находит где-то силы вернуть меня.

Вот если бы явился Дьявол. Вот если бы... Вот если бы. Мир стал бы куда интереснее!

Но я не хочу злого, хитрого, бездушного беса. Я хочу другого. Наверно, это смешно: я хочу дьявола, но чтобы он был не таким, каким его все представляют. Да, я хочу другого, но чтобы это был непременно Дьявол! И все. Не меньше. Меньшее будет скучным.

2. Бедный дьявол

Внутри огромного-преогромного леса удобно расположилась маленькая полянка. И это было чудом: потому что тот лес был не только огромным. Он был еще и непроходимым. Деревья в нем крепко цеплялись друг за друга колючими ветками. И даже если случайно, каким-то непонятным образом, появился бы в том лесу хоть маленький кусочек пустой земли, он враз бы зарос деревьями. Не могло быть в том лесу пустого места, никак не могло быть. И ни один человек не мог ступить в тот лес даже на шаг.

Поэтому маленькая светлая полянка и являла собой чудо в безнадежно диком лесу. Ни одно дерево не могло зайти на нее ни краешком своего корня, ни веточкой, ни даже тенью. Вот такая была полянка.

Не меньшим чудом было и то, что на полянке стояла маленькая избушка. Самая обыкновенная деревянная избушка. И в ней жил

Дьявол. Это был тот Дьявол, который устал парить в вечности и быть всемогущим. Этот Дьявол хотел стать человеком. Самым обыкновенным человеком. Он хотел заново начать свою жизнь.

А для этого ему нужно было забыть все, что он знал, и все, что он умел мастерски творить. Ему нужно было вычеркнуть из памяти свое прошлое. А это было совсем не просто. Даже такому всемогущему, как он, было очень не просто вычеркнуть из памяти прошлое.

Но он старался. Он очень старался. И понемногу – по капельке, по крошке – стирал из памяти прошлое. Бережно и аккуратно, чтобы не слишком больно было. И – по капельке, по крошке – становился беспомощным и счастливым. А, может, это ему только казалось?

Он учился заново жить. Но уже по-другому. Так, как все люди живут.

Поэтому он наблюдал за людьми. Ведь потом он хотел прийти к ним. Для этого ему и нужно было учиться у них всему тому, что они умели.

Первое, что понял Дьявол, – все люди должны где-то жить. У каждого должен быть свой дом. Этот дом обязательно должен быть. Не у всех, может, он есть, но у каждого должен быть. Это Дьявол понял сразу же, как только явился в земной мир.

Люди жили в самых разных местах и в самых разных домах. Но Дьявол не мог там жить. Во-первых, потому что никто и не думал предоставлять какому-то Дьяволу свой дом или хотя бы маленькую квартиру, или даже кусочек комнаты. Во-вторых, и это намного важнее, он не совсем был похож на человека. Было в нем много того, что выдавало в нем нечеловека. К тому же, он был необыкновенно красив. Человек не может быть так красив. Человек может быть красив, но не так, как Дьявол.

У него были длинные, черные, вьющиеся волосы и статное могучее тело. А в глазах сверкал головокружительный адский огонь. Глаза-то его как раз сильнее всего отличались от человеческих – из-за того самого адского огня.

Поэтому идти к людям Дьяволу было пока рано. Сначала ему нужно было стать человеком, а потом уже идти к ним. Поэтому он и решил поселиться далеко от всех, в дремучем лесу, и там осваивать непростую науку под названием «быть человеком».

Для начала он подсмотрел, как в самом ближайшем селении крестьяне строят свои незатейливые домишки из бревен. Внимательно изучил этот процесс от начала до конца и в результате построил себе маленький домик – на той самой полянке, которая была чудом в диком

лесу. Пилу, молоток и прочие инструменты он незаметно взял у одного крестьянина. А когда избушка была готова, также незаметно положил инструменты обратно, на то же самое место, где и взял их. Крестьянин даже не успел заметить пропажи. Он в это время уезжал в город по делам.

Избушка была хоть и маленькая, но в ней было все необходимое. Даже печь была. И кровать, и стол, и стулья тоже были. Учиться мастерить эти предметы Дьяволу нигде не пришлось. Он сам додумался, как их делать. Посмотрел, как они выглядят у крестьян, и создал их. Потому что после того, как он построил избушку, его мастерство сильно выросло.

Возле избушки Дьявол вскопал несколько грядок и посадил картофель. Можно подумать, зачем Дьяволу картофель? Так опять ведь для того же – чтобы почувствовать, каково быть простым человеком, сажающим для себя овощи. Сажать картофель он тоже научился у крестьян. Ему особенно понравилось, как это делала одна маленькая старушка. Она доставала из погреба ведро с прошлогодним картофелем и по одной картофелинке закапывала содержимое ведерка в землю. Затем она снова шла к погребу и снова доставала из него очередную порцию картошки. Все это она делала для того, чтобы к осени вырос новый урожай – на всю следующую долгую зиму.

Дьявол выследил, когда бабушка отвернулась, и выкрал у нее полное ведро картофеля. Старушка повернулась, а ведерка-то нет. Куда делось ведро?

А Дьявол уже был на полянке и сажал картофель. Ведро он потом вернул бабушке. Зачем оно ему? Без картофеля, правда, вернул. Но в погребе у старушки было много картофеля – с запасом.

Вот только денег у Дьявола не было. Ведь чтобы заработать их, ему нужно было прийти к людям. А он пока не мог себе этого позволить. Поэтому деньги он создавал из ничего. Как волшебник. Он ведь все-таки был еще Дьяволом. Он раскрывал ладонь, и на ней появлялись деньги.

С этими деньгами Дьявол шел в селение, заходил в магазин и покупал самое необходимое. Он старался покупать только самое необходимое: соль, хлеб, ну еще кое-что.

И, конечно же, он не остался незамеченным в той деревне. С такой-то красотой! И с такими-то огнями в глазах!

Вера, продавщица в магазине, с нетерпением ждала каждого его прихода. И когда он заходил, улыбалась ему, кокетливо дергая плечами. А он лишь делал покупки и, даже не улыбнувшись ей в

ответ, уходил. Он ведь только учился быть человеком и еще не знал, как ему следует отвечать на улыбки продавщицы. Можно подумать, что в той его жизни, в вечности, ему никто не улыбался!

А Вера, когда Дьявол уходил, начинала тяжело вздыхать и снова ждать его появления.

«Опять вздыхаешь по нему?» – спрашивала Веру подруга (только ей по секрету рассказывала продавщица о своей тайной любви к странному покупателю). Вера вздыхала и кивала. «Боже, как он красив!» – говорила она. «Но ведь красота не главное», – отвечала подруга. Вера соглашалась и все равно продолжала тайно любить Дьявола. «Даже если бы он был уродом, мне кажется, даже в этом случае я продолжала бы его любить. Потому что есть в нем что-то такое...» Дальше Вера не знала, что сказать. Потому что она не понимала, что же в нем было такого. «Вот только глаза его... – говорила она, не в силах описать глаза Дьявола. – Если бы я не смотрела в них, может, и не сохла бы по нему». – «А ты не смотри в них, – советовала подруга. – Зачем смотреть, если после этого ты места себе не находишь?» Вера снова кивала и, закрыв лицо руками, начинала плакать. «И откуда он такой взялся? – всхлипывая, говорила она. – Ведь не было его раньше». – «А, может, ты ему тоже приглянулась?» – предположила подруга. Вера сначала вроде обрадовалась, но потом помотала головой: «Нет. Если бы я приглянулась ему, то он смотрел бы на меня по-другому. А он даже не улыбается. Он только берет продукты, достает откуда-то деньги и протягивает их мне. А денег-то у него всегда так мало! И покупает не только соль да хлеб, да еще что-нибудь – совсем немного покупает. Такой бедный!» – «Может, он боится тебе улыбнуться, потому что денег у него мало?» Вера заплакала и сказала: «Я его и без денег люблю. Зачем деньги? Был бы только он рядом». – «А ты ему так и скажи в следующий раз», – посоветовала подруга. «Прямо так и сказать?» – удивленно спросила Вера. «Прямо так и скажи, что деньги для тебя не главное».

А Дьявол продолжал создавать свой мир в мире людей, не замечая, что у него уже есть первые жертвы. Пока, правда, только одна. Пока только Вера.

Когда Дьявол возвращался в избушку, он первым делом смотрелся в зеркало. Это зеркальце, вернее осколок, он нашел случайно.

Как-то, когда он шел из магазина, почти у самого леса его глаза ослепил свет. Это было странное ощущение – когда глаза слепил свет. Не адский, а совсем другой, безобидный, но очень яркий свет.

Посмотрев внимательнее, Дьявол увидел осколок. В одно мгновение он оказался рядом с ним. Теперь осколок лежал в его руках. Дьявол глянул на него – кто-то глянул на Дьявола. Дьявол догадался, что это был он. Это его отражение глядело на него.

Так у Дьявола появился осколок, и он стал его помощником. Он честно, без лести и притворства показывал Дьяволу его истинное лицо. Более честно о его лице больше никто не говорил. И Дьявол, смотря в него, понимал, что человеком он пока не стал.

Дьявол прикрепил осколок на стене, у окна. И обязательно смотрелся в него после каждого маленького сближения с людьми, которые пока ограничивались только встречей с Верой в магазине и наблюдением за крестьянами.

Дьявол подходил к осколку и смотрел, не изменилось ли в нем что-нибудь. Может, слабее стал адский огонь в глазах? Или мягче выражение лица? Он так хотел, чтобы в его глазах никогда больше не горело чудовищное пламя, а на лице, наконец, засияла улыбка. Такая же, как у Веры.

Но улыбка пока не сияла на его лице. Дьявол не умел пока улыбаться. Когда он пытался создать улыбку, у него получалась лишь зловещая усмешка, а огонь в глазах начинал полыхать еще сильнее. Разве мог он такую улыбку показать хотя бы Вере? Такой улыбкой он сразу же выдал бы себя.

Поэтому он решил не торопиться и все делать постепенно, без спешки. Постепенно, очень медленно смягчать могущественное выражение лица. Постепенно изменять усмешку, создавая вместо нее улыбку. Постепенно стирать свое прошлое. И постепенно становиться человеком. Это желание – стать человеком – было в Дьяволе очень сильным, поэтому он и решил не спешить.

А когда наступала ночь, он садился на крылечко и смотрел в небо. Зачем он смотрел в небо, Дьявол не мог себе объяснить. Это желание было сильным, слишком сильным. Он не мог преодолеть его. Он и не пытался преодолеть в себе это желание смотреть по ночам в небо. Он считал это лишь слабостью. А слабостям так приятно потакать. Тем более, у Дьявола их было немного, совсем немного.

Но самой главной его слабостью было – наблюдать за людьми. Это даже не было необходимостью, это было, прежде всего, слабостью. Но пока Дьявол наблюдал за ними издалека, прячась ото всех почти у самой стены леса.

Он мог смотреть на них часами. Внимательно изучать каждое движение, каждый жест, каждую улыбку, каждый смех (его зрение было еще дьявольским, и он видел все это). Он ведь стер из памяти все

свое знание о людях. Стирая свое прошлое, он незаметно стер свое прежнее знание о людях. Поэтому каждый вечер он появлялся в деревне и изучал человеческую жизнь.

Иногда он видел Веру. В магазине она всегда улыбалась ему. А в деревне она почти всегда ходила грустной. Иногда плакала. И какой-то странный, незнакомый комочек подкатывал к горлу Дьявола. Он не мог понять, что это было. Может, жалость, а, может, что-то другое. Но он продолжал молча наблюдать за ней. И за ней, и за другими людьми. Он втайне завидовал им, потому что они были людьми, а он еще не был человеком. Он только становился им.

В тишине ночи, сидя на крылечке, Дьявол тоже грустил. Как и Вера, грустил. Грустил, а иногда смотрел в небо. Смотрел в небо, затем опускал голову и снова начинал грустить.

Грустить он начал не сразу. Вначале ему было неведомо это чувство. Но он ведь становился человеком. А грусть для человека – обычное чувство. И если Дьявол хотел стать человеком, он должен был принять это чувство. И не только это, но и многие другие. Потому что не бывает людей без чувств. Это Дьявол тоже начал понимать постепенно.

Итак, долгими вечерами и ночами, в тиши, в окружении леса Дьявол грустил. Почему грустил? Только ли оттого, что грусть – обыкновенное чувство для человека? Может, да, а, может, и нет. Ему чего-то хотелось. А чего – он пока не мог понять. Он многое пока не мог понять, что происходило с ним.

Постепенно он начал позволять себе заходить в деревню. Он садился на какую-нибудь лавочку и так, сидя, наблюдал за всеми. Иногда к нему подходили крестьяне и начинали разговаривать с ним.

– Ты у нас новенький? – спрашивали они его. – Где ты живешь? Мы здесь всех знаем, а тебя не знаем. Ты ходишь по нашей деревне, а где живешь, мы не знаем. Деревня-то здесь на сотни-сотни километров одна. Откуда ты?

– Из леса, – отвечал Дьявол.

– Что ты в лесу делаешь? – спрашивали крестьяне.

– Живу, – отвечал Дьявол.

– Один?

– Один.

– Непонятно, – говорили крестьяне.

– Но вы ведь живете в деревне, которая тоже одна на сотни километров.

– Мы здесь родились, – отвечали крестьяне.

- А я в лесу недавно поселился. Разве я вам мешаю?
- Нет, – отвечали крестьяне, – не мешаешь. Только вот Верку жалко.
- Какую Верку?
- Продавщицу в магазине.
- Это та, которая в магазине улыбается, а в деревне часто плачет?
- Крестьяне поглядели на Дьявола и сказали:
- Так она ведь только тебе улыбается. И по тебе только плачет. У нас в деревне ничего не скроешь.
- Она улыбается только мне и плачет только по мне? – переспросил Дьявол.
- Ты разве не человек? Такие вопросы задаешь, будто ничего не понимаешь.
- Пока не человек. Я только становлюсь им, – честно ответил Дьявол.
- Крестьяне странно посмотрели на него.
- Любит она тебя, Верка, – ответил один из них.
- Любит? – переспросил Дьявол.

А как-то он увидел Веру совсем близко. Она шла, как всегда грустная. И вдруг увидела Дьявола. Она остановилась и в оцепенении стала смотреть на него. Она смотрела и молчала. И не могла произнести ни слова.

И Дьявол почувствовал, он понял, что девушке плохо. Ей, наверно, так же грустно, как и ему, когда он совсем один сидит в своей избушке, посреди глухого леса.

Он подошел к ней. Она продолжала молча смотреть на него. Он погладил ее волосы и расстегнул заколку. Шелковый дождь упал на плечи и спину. Он наклонился к девушке и прижался губами к ее волосам.

Затем незаметно, совсем незаметно они оказались в лесу. Вера даже не удивилась, что они неожиданно оказались в лесу. Она продолжала молча смотреть на него.

Был светлый вечер. Они сидели на травке (этот Дьявол еще и траву нашел в лесу!) и смотрели друг на друга. И, наконец, Дьявол улыбнулся. Он впервые улыбнулся человеку. Улыбнулся Вере.

На глазах у Веры появились слезы. Она продолжала смотреть на Дьявола, а слезы ручьями текли по ее щекам. Дьявол вытер их рукой и наклонился, чтобы поцеловать ее. Он видел, как это делали другие мужчины, когда оставались наедине со своими девушками.

Вера закрыла глаза. Она не сопротивлялась. Она ничему не сопротивлялась. Потому что ей было хорошо, и рядом был он.

А когда она проснулась, было уже утро. Его не было рядом. Она лежала одна на своей узкой деревянной кровати. Может, это был сон? Вера после часто вспоминала о том вечере и гадала, был ли это сон.

На следующий день Дьявол отправился в магазин делать свои покупки.

Увидев его, Вера радостно улыбнулась. Он же нет. Она удивленно посмотрела на него. Он вел себя так, словно ничего между ними не было. Может, действительно, это был сон: и ее рассыпавшиеся волосы, и поцелуй, и светлый вечер?

Он протянул ей какие-то копейки в обмен на продукты – он покупал очень мало и лишь самое необходимое. Поэтому ему хватало и копеек.

– Может, ты считаешь, что для меня главное – деньги? – спросила Вера.

Она решила, наконец, заговорить с ним. До этого все происходило молча. Он молча брал продукты и также молча расплачивался. Она молча возвращала ему сдачу. Он же, выходя из магазина, выбрасывал эту сдачу на землю. Ему не нужны были оставшиеся копейки. Деньги были одной из немногих стихий, которые он позволял себе создавать. В чем-то он позволял себе быть Дьяволом. А в остальном он старался быть похожим на человека. И дело было даже не в том, что для того, чтобы заработать деньги, ему нужно было прийти к людям (а это пока рано). Просто он не понимал, зачем работать, чтобы получать какие-то деньги, если их можно создать в мгновение ока. Поэтому в деньгах он позволял себе быть Дьяволом.

– Почему ты так решила? – Дьявол тоже впервые заговорил с Верой.

– У тебя же их всегда так мало.

– Ты считаешь, их должно быть много?

– Я не считаю так. Я, наоборот, говорю, что деньги – не главное.

Дьявол задумался. Он впервые задумался, что же могут значить для людей деньги. Те, которые он создает из ничего.

– А помнишь, как ты расстегнул мне заколку? – спросила Вера.

– Какую заколку?

– В моих волосах.

Дьявол ничего не ответил. Он посмотрел на Веру и промолчал. Отдал ей деньги за продукты и ушел.

А Вера, потрясенная, стояла, держа в руках деньги, и смотрела на дверь, через которую только что вышел Дьявол. Через несколько минут она заметила, что все еще стоит в прежней позе.

– А сдача? – спохватилась она.

Она выбежала из магазина, но Дьявола уже нигде не было.

Позже, вечером, закрывая магазин, она обнаружила на какой-то полке толстую пачку денег. Очень больших денег.

Она спрашивала всех, кто мог потерять деньги. Многие говорили, что это они потеряли. Но называли такие маленькие суммы, что не было сомнений – это были не их деньги. Хозяин дорогой пачки так и не нашелся. Деньги принадлежали только Вере. Она поняла это через некоторое время – что очень дорогая пачка принадлежит только ей. И ей даже в голову не приходило, что это мог быть дар Дьявола.

Следующим шагом Дьявола было изучение людей самого ближнего городка. Это был маленький уютный городок. Дьявол думал, что это будет очередным важным этапом в его новой жизни. Но он и не думал останавливаться в этом городе надолго. Он надеялся изучить в нем людей быстро. И затем перейти к другим, уже большим городам. Он многому научился у крестьян в деревне. Теперь нужно было переходить к городам. Сначала к маленьким, а затем к большим. Все нужно было делать постепенно.

Он хотел как можно больше и как можно лучше узнать людей. Наверно, в нем все еще горела дьявольская натура – узнать как можно больше и как можно лучше. И зачем ему нужны были эти города? Он еще не понимал простой вещи – чтобы стать человеком, не обязательно знать как можно больше. Ведь была же рядом деревня, была Вера. Была бы у него простая человеческая жизнь, если бы он остался в этой деревне.

Но он был все еще Дьяволом. Как он не пытался убежать от своей природы, он снова и снова возвращался к ней. Поэтому в один прекрасный день он отправился в город. Нет-нет, он не отправился туда пешком. Он хотел стать человеком, а продолжал использовать еще один дьявольский прием. Он позволял себе не только создавать деньги из ничего. Он еще позволял себе появляться там, где он хотел, в мгновение ока. И до деревни он не добирался пешком. Это было невозможно – дойти до деревни пешком. И не только потому, что она находилась от избышки далеко. Самое главное – дорога в деревню шла через непроходимый лес. А на то этот лес и непроходимый, что невозможно через него пройти. Нужно ли ему истаптывать свои башмаки, если он все равно не пройдет через него? Он даже не

пытался это делать. Поэтому он в мгновение ока оказывался в деревне. Как только хотел этого, тут же оказывался в деревне. И в городке он очутился в мгновение ока.

Сияло теплое июльское утро. Дьявол стоял за деревьями в небольшом скверике и смотрел на людей. Они были очень похожи на тех, что жили в деревне. Только одеты наряднее и куда-то спешили. Каждый – по своим делам. «И куда они спешат?» – подумал Дьявол. Потом догадался, что на работу. Он ведь все еще был Дьяволом, поэтому быстро до всего догадывался. Быстрее людей. Вот и сейчас догадался, что люди спешат, чтобы заработать себе денег. В такое раннее утро все могли спешить куда-то только для того, чтобы заработать денег. А Дьявол позволял себе получать их из ничего. Он не мог понять простой вещи – чтобы стать человеком, нельзя создавать деньги из ничего. Их нужно зарабатывать. Тяжелым трудом. И в то время, когда все спешили на свои рабочие места, он никуда не спешил. Он позволял себе неспешно наблюдать за теми, кто спешил.

И вдруг.

И вдруг он увидел ее.

Она была в коротенькой юбочке и легкой кофточке. Чем она привлекла внимание Дьявола? Кто бы мог это объяснить? Ох, совсем нелегко это было объяснить. Даже Дьявол не мог понять, чем она могла привлечь его внимание. Волосы у нее были не такими роскошными, как у Веры. На голове – обычный хвост. Из негустых волос. А у Веры – длинные, густые, блестящие, каштановые волосы.

Но ведь чем-то она привлекла его. Чем? А может, не стоит задаваться этим вопросом? Тем более что Дьявол тоже не задавался этим вопросом. Он просто обратил внимание на эту девушку и все. Заметил ее и все.

Ее юбочка не закрывала коленок. Она не спешила. Шла обычным шагом, смотря вниз. Затем подняла голову. В это время к ней приближался священник в длинной черной рясе. Он посмотрел на ее коленки под коротенькой юбочкой. Быстро посмотрел. Потом оторвал взгляд и прошел мимо.

Дьявол последовал за ней. Но она вдруг побежала к подъехавшему автобусу и едва успела запрыгнуть в него. Двери закрылись, автобус уехал.

Куда она уехала, Дьявол не знал. Он ведь позволял себе совсем немного дьявольских вещей, таких как, например, создавать деньги из ничего и в мгновение ока оказываться где угодно. Но сейчас он не

знал простой вещи – куда едет автобус с той девушкой, на которую он обратил внимание.

Он не успел. Автобус уехал.

Дьявол растерянно стоял возле дороги. Он вдруг почувствовал, остро почувствовал, что ему не хватает, очень не хватает ее, этого невзрачного существа с хвостом на голове и в коротенькой юбочке.

Ему стало одиноко. Дьяволу вдруг стало одиноко! Впервые Дьявол почувствовал, что чувствует человек, которому вдруг становится одиноко. Это была даже не грусть, которую он испытывал, сидя долгими вечерами и ночами на крылечке своей избушки. Это было одиночество.

Весь день Дьявол ходил по городу и искал ее. Он не знал, как люди ищут друг друга. Поэтому он просто ходил по городу и вглядывался в лица проходящих мимо людей. Его уже не интересовал городок. Его не интересовали люди – жители этого городка. Его интересовало только то, как найти ее.

Весь день он не ел, не пил. Он только искал ее. Зачем? Он не мог объяснить себе этого. Он также не мог и не искать ее. Это стало на тот день самым страстным его желанием. Это стало даже более страстным желанием, чем желание стать человеком.

И лишь много часов спустя он понял, что так ему не найти ее. Он не найдет ее, вглядываясь в лица других людей. Ему нужно ждать ее там, где он встретил ее в первый раз. Стоять там и ждать до тех пор, пока она не появится снова. Он не сразу до этого додумался, но додумался. Оказывается, до некоторых вещей Дьявол догадывался не сразу, но все же догадывался.

И он начал ждать на том месте, где встретил ее в первый раз. Где мимо проходил священник, взглянувший на ее коленки. Где прошла она, так и не взглянув на него, Дьявола. «Но она ведь не знала, что я стою рядом и смотрю на нее», – успокаивал он себя.

Он ждал час, два, три... А ее все не было. Сначала он решил, что будет ждать ее хоть вечность. И поэтому терпеливо продолжал стоять.

Но потом он вдруг вспомнил, что она-то – человек! Это он может ждать хоть вечность. А человек – нет.

И Дьяволу сразу стало грустно, очень грустно. Знакомое чувство снова сжало его душу (если вы считаете, что у Дьявола нет души, то глубоко ошибаетесь!). Впервые он почувствовал себя таким бессильным! Дьявол впервые почувствовал, каково быть бессильным!! Это было мерзкое тоскливое чувство. Он почувствовал, что люди, оказывается, могут испытывать неприятные чувства. Ведь это не

Дьявол испытывал такие чувства. Это Дьявол, становясь человеком, испытывал такие чувства!

И впервые, с того времени, как он начал становится человеком, он почувствовал, что хочет снова стать Дьяволом. Да-да, хочет снова стать Дьяволом! Правда, это желание длилось недолго, совсем недолго. «Ведь люди испытывают не только тоскливые чувства, – подумал он. – Они испытывают и приятные чувства. Значит, не стоит отчаиваться!».

Но вечно ее ждать он не сможет. Не потому что это скучно – ждать целую вечность. Просто у людей нет вечности. И у нее нет. Поэтому они и спешат: чтобы успеть как можно больше сделать всего – потому что вечности у них нет.

Но как же быть тогда? Ему бессмысленно ждать ее вечность. Как же найти ее тогда? Может, все же снова стать Дьяволом? Хотя бы на минуту, хоть на секунду. Чтобы за эту минуту, даже за секунду найти ее. Это показалось Дьяволу единственным выходом. Ему очень хотелось снова увидеть ее. Поэтому он решил позволить себе еще кое-что – всего на секунду снова стать Дьяволом. А потом опять стать тем, кем он является сейчас, – почти человеком. Ох уж эти дьяволы!

И только он подумал об этом. Только он решился на такой шаг, как увидел ее. Ее! Это была она. В этом не было никаких сомнений! Та же коротенькая юбочка, тот же хвост из волос... Даже шла она как и утром – опустив голову. Грустно опустив голову. И Дьяволу не нужно было снова становиться Дьяволом, чтобы найти ее!

Что-то дрогнуло в нем. Ведь это была *Она*! И ему не нужен был ни этот город, ни, тем более, другие города, маленькие и большие. Не нужны были другие люди. Ему нужна была только она!

Он стоял и смотрел, как она проходила мимо него. Он стоял и смотрел. А она уходила.

И только когда она завернула за угол, он понял – он ведь может ее снова потерять! Потерять! – какое страшное слово!

Никогда! Он метнулся за ней. Он мгновенно очутился за углом и снова увидел ее. И облегченно вздохнул. Теперь он никогда не потеряет ее. Никогда!

Он тихо шел за ней. Не спуская с нее глаз.

Он шел за ней. И больше никто не существовал для него. Никто, кроме нее. Он шел только за ней.

Он вдруг понял, для чего он хотел стать человеком, – только для того, чтобы найти ее. Он это понял только сейчас. Только сейчас. Не в избушке, в окружении густого леса. Не в деревне. Он это понял здесь и сейчас, в этом маленьком городке, который даже не стал изучать.

Потому что неожиданно увидел ее. Теперь он понял загадку своего странного желания. А ведь до этого дня он даже не мог понять, почему ему вдруг так захотелось стать человеком. Все дело, оказывается, было в этом человеке, за которым он шел. Он не сводил глаз с ее спины (пока он мог видеть только ее спину и хвостик из волос на голове).

Она скрылась в одном из подъездов какого-то дома. Он подбежал к двери, но остановился в нерешительности. Он не знал, как поступить ему дальше. Он только на минуту засомневался, как поступить ему дальше. Но затем он открыл дверь и шагнул в полумрак пропавшего котами подъезда.

Он не успел догнать ее. И зачем он стоял в нерешительности? Она вошла в квартиру как раз в ту секунду, когда он вошел в подъезд. Но он услышал звук закрывающейся двери и догадался, в какую квартиру она вошла.

Он медленно, не спеша, подошел к этой квартире и постучал. И замер. Он ждал, когда она подойдет к двери и откроет ее. Она откроет дверь, увидит его и скажет... Что же она скажет? Дьявол задумался. Он вдруг задумался, что же она может ему сказать. И что скажет он ей? Он испугался, а вдруг она ничего не поймет. Вдруг она скажет: «Вы к кому? Я вас не знаю». Что же тогда он будет делать? Об этом он еще не подумал.

Он уже собрался повернуться и уйти, чтобы подумать над тем, что же он скажет ей. Как вдруг дверь открылась, и на пороге появилась совсем молоденькая девчушка. Но это была не она!

Дьявол отскочил. Он не ожидал, что ему откроет дверь не она!

– Вам кого? – спросила девчушка.

Дьявол не отвечал. Он стоял в растерянности.

– Я думал... – произнес он, наконец. – Я думал, здесь живет она.

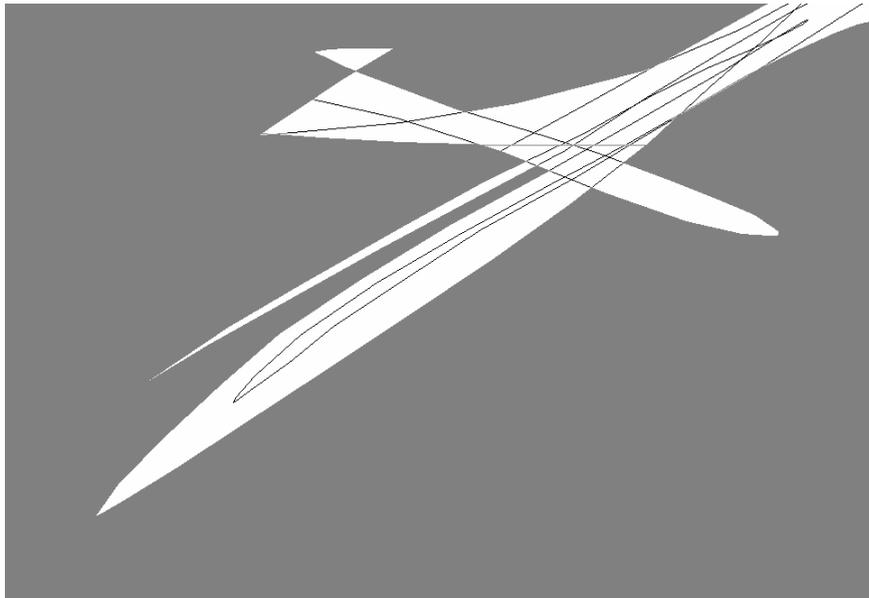
– Кто «она»? – удивленно спросила девчушка.

– Такая... С хвостом. – Дьявол приложил кулак к своему затылку.

– А! – понимающе кивнула девчушка. – Это соседка сверху. – Она направила указательный палец вверх. – Она живет над нами, прямо над нашей квартирой.

Дьявол облегченно вздохнул.

Он вышел из подъезда и решил как следует подумать над тем, как ему быть. Что сказать ей, когда она (теперь-то это будет непременно она!) откроет ему дверь.

3. Явление Дьявола

За окном пошел теплый дождь. Капельки тихо, ненавязчиво постукивали по стеклу. Эти звуки, особенно в тишине, завораживают, их можно слушать и слушать и ни о чем не думать.

Я подняла голову и оставила свою сказку о Дьяволе где-то далеко-далеко. Посмотрела на окно, разрисованное кривыми дождевыми подтеками, и невольно залюбовалась мокрыми деревьями за окном.

И как раз в эту минуту
сзади стал подступать равнодушный мир. Тот самый...

Я подошла к окну, открыла его и вытянулась вперед, над пространством, что под окном.

Несколько капелек дождя брызнули мне в лицо, я вытерла их рукой. Вернулась обратно и стала слушать шелковый шелест листьев, омываемых дождем. Где-то рядом блеснул свет. Ветви деревьев чуть покачивались от ветерка и нежной тяжести дождя. Птицы не пели, уступив свою стихию звуков этому чудесному летнему дождю. Деревья умывались, листья заблестели мокрыми сочными красками чистоты и свежести. Мне было так уютно в этом наполненном летним дождем уголке.

Это из-за дождя я на секунду забыла о равнодушном мире за спиной. Но он-то меня не забыл! Он еще сильнее сдавил меня сзади. И еще более узким стал мой мир.

Мой мир превратился в ниточку! Готовую исчезнуть в любую секунду. В любую секунду мог исчезнуть жизненно необходимый воздух. Я стала вытягиваться из окна и судорожно вдыхать воздух над пропастью. Меня охватило непреодолимое желание пролететь над пространством под моим окном. Пролететь над пропастью – чтобы только дышать и дышать свежим дурманящим воздухом.

И чем дальше я вытягивалась, тем более дурманящим становился воздух. И я, краем сознания, понимала, что это все! Это означало, что равнодушный мир за спиной отнял у меня последние сантиметры моего мира. И у меня ничего не осталось. Мне осталось только пролететь над пропастью. Это была последняя возможность хоть напоследок надышаться свежим воздухом.

И вдруг. И вдруг я решила взглянуть на равнодушный мир. И почему вдруг взбрело мне это в голову? Раньше, в минуты отчаяния, никогда не приходило в голову повернуться и посмотреть на равнодушный мир. Мне хотелось это сделать, но казалось невозможным. Разве можно повернуть голову на нескольких сантиметрах? Но сейчас у меня и нескольких сантиметров не было! На чем поворачивать голову?

Часто отчаянные мысли рождаются во время отчаяния, полного отчаяния.

Мне нечего было терять, и я, еще раз взглянув вглубь леса, повернула голову.

Это был он – красивый, могучий, статный, с черными вьющимися волосами, спадающими на плечи. Несомненно, это был он. Как продолжение отчаяния, как бесконечный полет над пропастью, как единственная надежда, как сбывшаяся мечта...

Как все это получилось? Я хотела увидеть равнодушный мир, а увидела его. Вместо равнодушного мира я увидела его.

А равнодушный мир исчез. Он расступился, растворился. Он отдал мне все свои сантиметры, все километры... Надо же! Равнодушный мир отдал мне все свое пространство! Отдал просто так, не прося ничего взамен. Он предоставил мне себя целиком. Без остатка. Полностью.

И все это произошло в один миг. Когда я, отчаявшись, обернулась.

Я смотрела на него и молчала. Молчала и смотрела. Я лишилась дара речи. Как не лишиться дара речи, если вдруг, в одну секунду я стала владеть целым миром! Тем, который всего несколько минут назад был чуждым, злым, жадным, а самое главное – абсолютно равнодушным ко мне. Я даже не знала, что из абсолютного равнодушия может родиться поклонение. И что я такого сделала, чтобы мне вдруг стал поклоняться весь мир? Я ведь просто решила пролететь над пропастью. Над бездушной черной пропастью. Потому что в моем мире не осталось воздуха. В моем узком, превратившемся в ниточку мире не осталось воздуха. Превратившемся в ниточку – из-за равнодушия мира позади. Неужели тот мир опомнился? Неужели он что-то понял? Например, что я не должна лететь над пропастью. За что такая честь?

Я стояла и молчала. Нет-нет! Я, оказывается, не просто стояла, молчала и удивлялась метаморфозам равнодушного мира. Я, оказывается, еще и любовалась тем, кто стоял передо мной. Любовалась, потеряв всякий стыд, скромность...

Он тоже молчал и смотрел на меня. Я-то смотрела на него, потому что он красивый. А он почему смотрел на меня?

– Как вы попали сюда? – наконец произнесла я.

– Я стучал. Долго стучал. Но никто не открыл. И я понял, дверь не заперта. Я понял это, толкнул дверь и вошел.

– Вы постучали? – удивленно переспросила я. – И я не услышала?

– Да, – подтвердил он.

– Ах, это, наверно из-за дождя, – тут же оправдалась я.

В моей голове стали крутиться всякие мысли. Они крутились быстро, очень быстро, почти молниеносно и спорили друг с другом. «Может, он глуп? – сказала одна. – А она ведь так не любит глупых мужчин!» – «Может, он вор?» – предположила вторая. «Да у нее нечего красть. – Это была третья мысль. – У нее ценного-то всего – пара маленьких золотых сережек и тяжелый цветной телевизор». – «Да за то, чтобы полюбоваться его красотой, она готова отдать последнее, – сказала очередная вертяга. – Пусть забирает сережки и, тем более,

тяжелый телевизор». – «Что ты такое говоришь! Как ты могла такое подумать – отдать единственное ценное украшение, чтобы полюбоваться каким-то мужчиной, пусть даже и очень красивым»

Мысли спорили друг с другом и произносили всякие невероятные вещи. А я молчала и слушала их. Молчала, смотрела на гостя и слушала свои мысли.

Наконец, я опомнилась и, мотнув головой, в одно мгновение вытряхнула все мысли разом.

– Может, вы ошиблись адресом? – спросила я.

Он помотал головой.

– Я пришел именно к вам.

И вдруг, в мгновение ока, он оказался рядом со мной и начал смотреть в окно.

Как это произошло? Как изъялись из моей памяти те секунды, за которые он успел очутиться рядом со мной, возле окна? Эти секунды исчезли, я их не заметила. Наверно, вытянувшись над пропастью, я успела надышаться еще и тем дурманящим, что витало над ней, кроме воздуха. Да-да, конечно, в моей голове дымился дурман.

Дождь закончился. Деревья зашуршали освободившимися от влаги листьями. Несмело запели первые птицы.

Я впервые посмотрела ему в глаза.

Я никогда не видела таких глаз! И зачем я посмотрела в них? Я даже не знала, что это окажется решающим.

Из моего сознания вновь изъялось время. Неужели причина была в его глазах? Или в пропасти?

Когда я проснулась, было утро.

«Суббота, – с радостью подумала я. – Сегодня суббота. Значит, никуда не надо спешить». Это была моя первая мысль в то утро.

Дальше вспыхнули воспоминания.

Вчера явился он. И это было главным событием. Это было даже более главным событием, чем то, что равнодушный мир растворился, полностью отдав мне свое пространство.

А, может, мне все это показалось? Бывает же такое – мечтаешь, мечтаешь, а потом вдруг тебе кажется, что все, о чем ты так долго мечтала, уже свершилось. Я слилась воедино со своей мечтой, и мне стало казаться, что она сбылась. Ведь может быть такое?

Я вздохнула. Мне стало грустно, что я стала жертвой своей же фантазии. Не было его. Просто я устала после рабочей недели и незаметно уснула. И во сне явился он, и этот сон был таким ярким, таким настоящим!

Я встала.
И заметила, что у окна стоит он.
Я вздрогнула. Если вчерашнее я вполне могла принять за сон, то сегодняшнее никак не являлось нереальностью.
Это был он – конечно!
Я заговорила. Кто-то ведь должен был заговорить первым. Но он молчал. Значит, первой должна была заговорить я.
– Так это ты? – спросила я.
Он улыбнулся.
Да, он улыбнулся. Но как! Люди так не улыбаются!
– Люди так не улыбаются! – вскрикнула я.
Он перестал улыбаться.
– Может, выпьем кофе? – предложила я.
Ну и пусть он улыбается не так. Кофе-то все равно можно выпить.
Мне показалось, он обрадовался моему предложению. Он кивнул, и мы отправились на кухню.
Через несколько минут в квартире стоял головокружительный аромат свежесваренного кофе. Я разлила его по чашечкам.
– Какой вкусный кофе! – сказал он, сделав глоток. – Ты, наверно, хочешь узнать, кто я?
Я кивнула. Наконец-то! Может, хоть сейчас все прояснится. А то все думаю: сон? не сон?
– Очень хочу, – сказала я.
– Меня зовут Демо.
– А меня Лиля. То есть Лилия. Демо? Какое странное имя. Почти демон. Почти Дьявол.
Надо же! Вчера я подумала про Дьявола. И вот явился некто с почти дьявольским именем.
А действительно ли я думала о Дьяволе?
Я начала вспоминать вчерашний вечер – как зашла домой, поужинала, посидела на диване, о чем-то думая, подошла к окну, открыла его... Ах, да! В какой-то момент (в какой – не помню) я действительно пожелала Дьявола, но это было, скорее, от отчаяния, и никакого смысла я в это уж точно не вкладывала.
– А, может, ты Дьявол? – сказала я. – Вчера я как раз подумала о нем. Правда, мимолетно...
– Мимолетное часто скрывает сокровенное.
Я удивленно посмотрела на Демо. «Он, наверно, не так глуп, как боялась вчера одна из мыслей, – мелькнуло у меня. – В его словах

даже чувствуется смысл. Ага, значит, мимолетное часто скрывает сокровенное».

– Ты хочешь сказать, что в глубине души я желала Дьявола?

Демо промолчал.

– Но это же бред! – воскликнула я. – Я верю в Бога.

– А в меня ты веришь?

Я пришла в замешательство. Но ненадолго. А затем спросила:

– А что это значит – верить в тебя?

– В меня, то есть в Дьявола.

– Так ты все-таки Дьявол? – Я невольно вздрогнула.

Демо, наверно, проговорился. Он, наверно, не хотел признаваться, что он Дьявол, но случайно выдал себя. Ну и Дьявол! Какой же он Дьявол, если так легко проговаривается!

– Хорошо, пусть ты Дьявол, – сказала я. – Но скажи, скажи все-таки, что означает – верить в тебя? Что означает – верить в Дьявола?

– А что означает – верить в Бога? Верить, что он есть?

– Ну, да.

– А меня, значит, нет?

Так! Что-то новенькое! Дьявол есть или его нет? Демо есть или его нет? Демо-то здесь, рядом, пьет со мной кофе. А Демо – это Дьявол. И я пью кофе с самим Дьяволом! Никогда бы не подумала! Так он все-таки Дьявол? Но почему я вдруг поверила словам Демо?

– Знаешь, – сказала я, – о Боге и Дьяволе столько всего сказано и написано, что эта тема уже давно набила оскомину. Ты, наверно, хотел показаться оригинальным, назвавшись Дьяволом. Но ты простой человек и решил неостроумно разыграть меня, войдя в мой дом.

– Пусть будет так, – вздохнул Демо.

«Ну уж нет! – вдруг подумала я. – Назвался Дьяволом, так будь им! Что ж ты так быстро сдался! Я уже успела привыкнуть к твоей идее, пусть и глупой. Поэтому, будь добр, оставайся тем, кем назвался!»

Я скользнула по его глазам. Ах да, глаза!.. Я вспомнила, вчера я посмотрела в них. Все-таки он Дьявол! У людей не бывает таких глаз. Они затягивают, словно омуты. «Красивые, проглатывающие глаза» – пришло мне на ум. Да-да, у людей не бывает таких глаз! Может, попробовать еще раз взглянуть в них?

О нет! – Я испугалась. Только не это! Скользнуть по ним взглядом – еще куда ни шло. Но посмотреть в их глубину, туда, где адский огонь, – нет! Да-да, он действительно Дьявол, раз я боюсь его глаз.

Я отхлебнула глоток кофе и сказала:

– Нет, пусть не будет так! Пусть ты будешь тем, кем назвался.

Демо промолчал.

– Если ты Дьявол, – продолжала я, – то почему тогда ты так похож на человека?

Демо снова промолчал. Может, ему все надоело? Ну уж нет! Мне-то не надоело! Я только вошла в раж. Даже если ты не Дьявол, все равно, подыгрывай мне, подыгрывай!

Демо улыбнулся. Он ни с того ни с сего вдруг улыбнулся мне! Снова улыбнулся. Но на этот раз я не вскрикнула, что люди так не улыбаются. Я только подумала: «Какая забавная улыбка! И где он научился так улыбаться? То ли улыбка, то ли усмешка, то ли еще что-то».

– Где твои рога, копыта, шерсть? – спросила я.

– А ты хотела бы увидеть меня козлом? – Демо еще раз улыбнулся. – Представь, что стало бы с тобой, если бы вчера я появился в таком обличье? Ты бы обрадовалась?

Я живо представила рядом натурального черта со сверкающими глазами.

– Нет, – выпалила я. – Конечно же, нет! Такого добра мне не надо! Чтобы я в обморок упала? Нет, я пока хочу жить.

Я хочу жить. Я, оказывается, хочу жить! Вы слышали? А ведь только вчера пропасть была так близка! Я почти порхала над ней. Я почти делала свой последний полет над ней. Ведь полеты над пропастью бывают только последними, не так ли? Люди не птицы. Они не умеют летать. Тем более, над пропастью. Пусть над ней свежий воздух. Но она таит в себе и дурман. Стоит надыхаться им, и пропасть покажется раем. В этом-то и опасность пропасти. В этом-то и коварство свежего воздуха над пропастью. Поэтому полеты над пропастью бывают только последними. А если вдруг какой-то полет оказался не последним, то это, значит, вовсе не полет был.

– Вот поэтому я и не явился тебе в виде черта, – сказал Демо. – И, вообще, в таком виде я являюсь лишь тем, кто меня хорошо разозлит.

Он все-таки решил мне подыгрывать. Молодец.

– Но даже самым плохим я не являюсь, а лишь представляюсь, – продолжал Демо. – Просто представляюсь в их воображении. Так, что у них создается впечатление, будто они почти видели меня. А тебе я явился таким, каким ты меня видишь сейчас. Ты ведь меня не испугалась?

– Конечно, нет. Я даже... – вовремя спохватившись, я замолчала. Чуть было не сказала, что любовалась им вчера. Такое

женщина не должна говорить мужчине. Даже Дьяволу она не должна говорить такое.

– А ты... – спросила я. – Ты многим таким являешься?

– А ты как думаешь?

Мне показалось, Демо как-то особенно посмотрел на меня.

– Ты бываешь в церкви? – начала я устраивать допрос.

Мне очень хотелось получить ответ на этот, как мне казалось, коварный вопрос. Посмотрим, что ответит актер, играющий Дьявола. Интересно, а что ответит настоящий Дьявол?

– Часто, – невозмутимо ответил Демо. – Ты думаешь, раз я Дьявол, то должен бояться церкви, как черт ладана?

– Именно так я и думаю! – засмеялась я.

– Никаких запахов я не боюсь, – серьезно ответил Демо (хороший он, однако, актер). – Это миф, что черт боится ладана. Я вообще ничего не боюсь.

– А что ты делаешь в церкви? – Я хотела посмотреть ему в глаза, но он чуть повернул голову, начав разглядывать маленькую картинку на стене.

Я совсем забыла, что на кухне, на самом видном месте, у меня висит картинка. Я настолько привыкла к ней, что перестала замечать ее. Я даже забыла, что изображено на ней.

Я посмотрела на нее. Осень. На картинке – янтарная осень. Ничего особенного.

– Хожу между прихожанами, – ответил Демо, оторвав взгляд от картинки. – Смотрю на них, слушаю их мысли, желания. Некоторым помогаю.

– Но ведь церковь – это храм божий, а не твой! – воскликнула я.

Вот ты и попался, дорогой Дьявол! Хотя ответ весьма оригинален, согласна. Дьявол там, где его меньше всего ждут. Я еще раз пришла к выводу, что мой гость вовсе не глуп.

– Бога нет в храме, – сказал Демо. – Это я иногда посещаю его. И люди невольно молятся мне.

– А иконы?

– При чем здесь иконы?

– Их так много в любой церкви, и перед ними люди крестятся.

– Ты веришь в иконы?

Я смутилась. Верю ли я в иконы?

– Ну и вопрос! Иконы – это непременный атрибут любой церкви. Почти любой... – добавила я, смутно вспомнив, что вроде бы есть храмы совсем без них. – И я слышала, что некоторые из них

обладают силой. Божественной силой... – попыталась я защитить иконы.

Боже, что я делаю! Я почти ничего не знаю про иконы, а пытаюсь их защитить. И вообще, мой ответ был какой-то совсем не понятный. Что я хотела сказать? – сама не понимаю.

– Это отдельный разговор – о чудодейственной силе некоторых икон, – сказал Демо. – Давай поговорим пока о другом. Об обычных иконах. Ты веришь в их силу?

– Ну... – протянула я. – Я так редко бываю в церкви и так мало знаю про иконы.

– Хочешь, я просвещу тебя?

Я кивнула.

– Иконы – это картинки, золотые телята. Не могут люди без идолов. Вот и создают их, даже если Бог запрещает им это делать.

Вот это да! У моего гостя, оказывается, нет ничего святого, раз он иконы называет золотыми телятами. Если бы он сказал такое в период какой-нибудь инквизиции! Его тут же сожгли бы на костре! Дьявола – сожгли бы на костре – ха-ха! Я засмеялась.

Демо удивленно посмотрел на меня.

– Я что-то не то сказал?

Я перестала смеяться. Может, рассказать ему о моих мыслях? Пусть и он посмеется. Я ведь еще не видела, как он смеется. Как улыбается – видела. А как смеется – нет. Нет, не стоит ему ничего рассказывать, решила я. У каждого свое чувство юмора. Он, может, и не понять моих шуток. Более того – обидеться. Я ведь не настолько хорошо знаю его, чтобы шутить, как мне вздумается. Моей головой полностью овладели деликатные мысли, я поддалась им и не стала рассказывать Демо, почему я засмеялась.

– А святые, которые изображены на иконах? – спросила я, проигнорировав его вопрос. – Что ты про них скажешь?

– Их канонизировал не Бог, а церковь. А церковь, как я уже сказал, не Бог и даже не храм божий. Церковь – это воплощение потребности людей в идолах.

Вот это да! Это совсем непонятное. И откуда у него такие знания? Значит, святых канонизировал не Бог. Их канонизировала церковь, то есть люди. А людям свойственно ошибаться. Кто знает, может, он действительно говорит правду? Хотя, в чем его правда? Он ведь просто сказал известную вещь – святых канонизируют люди.

– А как же Христос? – спросила я. – Это же его учение привело к созданию церкви.

– Ты читала евангелие?

– Да, – гордо ответила я. – Я прочитала три, а, может, даже четыре евангелия.

«Сколько же я прочитала на самом деле?» – подумала я и стала вспоминать. Но не вспомнила.

– Не переживай, – сказал Демо. – Трех вполне достаточно. И где ты там нашла про церковь?

Я снова стала напряженно вспоминать. Про рождение Христа вспомнила, про то, как он ходил с апостолами и со своим учением, тоже вспомнила. Исцеление больных и прокаженных, всевозможные чудеса, предательство Иуды, распятие, воскрешение – все это я вспомнила. Правда, некоторые места – весьма смутно. А про церковь? Где в Новом завете написано про церковь? Говорил ли что-нибудь Христос про нее? Нет, ничего про церковь я не вспомнила.

– Но я не помню Библию наизусть, – стала оправдываться я. – Может, где-то и написано про церковь. Хотя согласна, эта идея красной нитью через евангелия не проходит. Даже наоборот. – Я начала что-то припоминать. – Я как-то обратила внимание на то, что молиться надо в комнате своей, затворив за собой дверь. И молиться Богу, который втайне. Да-да, Богу, который втайне. И милостыню давать тоже втайне, а не напоказ. Я это запомнила, потому что живу одна. Я обрадовалась, что, оказывается, мне не надо ходить в церковь. Чем моя квартира не храм? А главное – все по слову Христа. Или я что-то не так поняла?

В меня начал вторгаться рой перебивающих друг друга мыслей. Сейчас они покажут мне, где раки зимуют! Я даже съежилась.

– Молитва втайне – это самая сильная, самая искренняя молитва, – сказал Демо.

Рой куда-то исчез. Почему-то исчез.

А я внезапно почувствовала себя такой опустошенной! Разговор о церкви и прочих духовных (или антидуховных?) вещах настолько потряс и утомил меня, что я с огромной радостью вскочила, услышав стук в дверь.

Звонок у меня не работал, и всем приходящим ко мне приходилось стучать. Меня это несколько не расстраивало. Я даже заставила себя поверить, что в стуке есть что-то живое. По стуку можно даже узнать, кто пришел к тебе и с каким настроением. Звонок же не обладает такой естественностью и искренностью.

Это была соседка. Она вернула взятые в долг деньги, которые сейчас мне были очень даже нужны.

Закрыв за собой дверь, я вернулась на кухню с твердым намерением сменить тему беседы. Сколько можно говорить о

духовном! Да еще так сложно! «Ни одним ведь духовным жив человек», – перефразировала я известную фразу. Она так понравилась мне, что я даже решила произнести ее Демо. Короче, хватит о духовном! Тут Дьявол явился мне – а я только о божественном с ним и говорю. Анекдот! Почему бы ни побеседовать с ним о любви?

Я вошла на кухню. Стул, на котором сидел Демо, был пуст. Я огляделась – нет гостя.

На всякий случай я заглянула под стол. Зачем-то открыла холодильник. Прошлась по квартире, заглянула во все углы, во все шкафы... – Демо нигде не было. Он ушел. Испарился. Исчез.

«Наверно, испугался соседки, – подумала я. – А может, понял, что я утомилась?»

Но как же он ушел? Не в окно ведь выпрыгнул! Все-таки третий этаж. Через дверь он тоже не мог пройти – я бы его обязательно заметила. Значит, исчез. Взял и исчез. Он ведь Дьявол. А Дьяволам позволено исчезать. Значит, он все-таки Дьявол? – в десятый раз я задала себе этот вопрос и грустно вздохнула, поняв, что ответа на него не получу. Потому что Демо исчез. А с ним исчезла и его загадка. Придет ли он снова?

Так! Еще один вопрос возник. Придет ли Демо?

Я задумалась. Наверно, вопрос следует задать все же так: «Хочу ли я, чтобы Демо вернулся?» Он ведь подтвердил, что пришел, потому что я этого хотела. Это была мимолетная, случайная мысль. Но именно мимолетное скрывает сокровенное...

Нет-нет, хватит мне мистики! Я пока не готова к тому, чтобы перевернуть свое мировоззрение. И жизнь тоже.

Я села за стол и выпила остатки холодного кофе.

4. Боль

Дьявол шел, ничего не видя перед собой. Иногда запинался. Запинаясь, чуть не падал, но вставал и снова шел.

Он шел, не видя дороги. Иногда его заносило в сторону.

В какой-то момент он услышал громкий скрежет. Кто-то крикнул.

Дьявол остановился и протер глаза. Оказывается, он стоял почти на середине шоссе! Мимо проезжали машины.

– Не видишь, куда идешь?! – зло выговаривал ему человек из автомобиля, который стоял рядом. – Хорошо, хоть затормозить успел.

Дьявол ничего не ответил. Он только отошел на обочину. За спиной послышались последние недовольные крики и звук отъезжающей машины.

Где он? Дьявол впервые обратил внимание на то, куда он идет – непонятно куда. А куда ему надо идти? Конечно, в лес, в избушку. Куда же еще?

Он постоял в нерешительности. А где же лес?

Затем сделал шаг и пошел.

Он шел и шел. Долго двигался вдоль дороги, и мимо него со свистом проезжали быстрые машины. Затем он зашел в лес. Там, где-то там и его лес. И избушка, в которой он так трудно становился человеком.

Он хотел стать человеком? Всемогущий Дьявол вдруг захотел стать человеком?! Ха-ха!! Не смешно ли это?

«Ха-ха!» – грустно сказал Дьявол и вспомнил ее. Вчерашний вечер с дождем. Все было так хорошо...

Она стояла у открытого окна и ежеминутно высывалась из него. Высунувшись, вытягивалась и начинала судорожно дышать.

Он смотрел на ее тоненькую спинку и уже не сомневался, что это она. Несомненно, это была она.

В какой-то миг, когда он увидел лишь ее пятки (а все тело уже успело вылететь), он, стараясь неслышно ступать по скрипучему полу,

пошел к ней. Она обернулась. Он увидел ее испуганные глаза. Она прыгнула обратно в комнату.

«Как вы попали ко мне?» – были ее первые слова. Она его не узнала.

От неожиданности Дьявол не смог произнести ни слова. – Она его не узнала! Он хотел ей сказать об этом. Он хотел ей сказать: «Ты разве меня не узнала?» Но не сказал. Не смог.

Его молчание длилось долго – секунду, а, может, и две. А Дьяволу не позволительно так долго быть в замешательстве.

«Но я ведь уже не Дьявол! – вспомнил он. – Поэтому мне позволительно то, что не позволительно Дьяволу. Я почти человек. Почти человек...»

Как глупо и грустно это звучит – почти человек.

«Я еще не успел им стать. Мне еще немного нужно было, совсем чуть-чуть, чтобы почувствовать себя человеком. Немного побродить по городам – большим и маленьким, изучить людей...»

Но, явившись в первый город, я вдруг увидел ее – бывает же такое!

И все понял! Остальные города теперь мне не нужны – ни большие, ни маленькие – никакие».

«Как вы попали ко мне?» – были ее первые слова, и Дьяволу нужно было ответить на них.

И он ответил. Он сказал, что попал к ней как простой человек – через дверь. Так все действительно и было.

Она еще что-то сказала ему. А он начал думать, а можно ли говорить ей неправду? Если он будет говорить ей только правду, она поймет, что он – Дьявол. Но он так трудно становился человеком. Для чего он так трудно становился человеком, если она сейчас поймет, что он Дьявол?

Она его спросила, может, он ошибся адресом. Неужели, она действительно не узнала его? Если у Дьявола еще были сомнения, то сейчас они исчезли – все-таки она его не узнала!

Ах! – догадался Дьявол. Может, она не узнала его, потому что он теперь человек, а не Дьявол. Она ждала Дьявола, а к ней явился человек. Конечно!

Дьявол понял это. И она оказалась рядом. Совсем рядом. Ну! Ну же! Взгляни на меня – ведь это я!

Она начала поднимать глаза. Она так медленно, очень медленно, почти целую вечность поднимала глаза. И он за это время успел снова стать Дьяволом! Он так трудно становился человеком. А пока она

поднимала глаза, он снова стал Дьяволом! Правда, только на время, только на то время, пока она поднимала глаза.

И вот она неотрывно смотрит на него – она поняла, что это он. Неужели она только сейчас поняла, что это он? Или это произошло раньше? Может, она тоже говорила неправду? Своими вопросами – говорила ему неправду.

Ее губы стали что-то шептать. «Ах, что же шепчут твои губы? Мне бы Дьявола? Я не ошибся?» – Дьявол боялся обрадоваться. Миг – потребовался лишь миг...

После она скажет, что она не тогда, не в то мгновение произнесла: «Мне бы Дьявола». Она раньше это произнесла. Значит, она тоже говорила не только правду? Не всегда говорила правду.

Потом они сидели на балконе и весело о чем-то болтали. После дождя дышалось так легко! Она с упоением вдыхала свежий воздух.

Внизу проходили люди. А она ела черешню и сплевывала на них косточки. Прохожие поднимали головы и улыбались ей. В ответ она свешивалась, чтобы прыгнуть к ним. Он едва удерживал ее. Но ей было так весело и так хотелось прыгнуть вниз!

Затем они пили чай. Она сходила на кухню, вскипятила воду и заварила крепкий вкусный чай.

Они все выпили, сидя прямо на балконе. Это было так здорово – после дождика сидеть на балконе и с удовольствием пить чай.

Затем она еще раз сходила на кухню, снова вскипятила воду и снова заварила чай.

Но на этот раз она не стала пить. Она просто сидела на балконе и держала в руках чашку, до краев наполненную горячей жидкостью. Она сказала, что уже напилась и хочет просто подержать в руках чашку, до краев наполненную чаем. «Это как на краю пропасти», – сказала она.

Так Дьявол впервые услышал от нее о пропасти.

«Хочешь, я стану для тебя пропастью?» – сказал он. Он даже предположить не мог, что его слова произведут на нее столь сильный эффект.

Она перестала смотреть на чашку и посмотрела ему в глаза.

Она смотрела в его глаза. А тем временем чашка стала наклоняться – пока чуть-чуть. Это было почти незаметно, но Дьявол увидел – краем глаза. Он ведь тоже смотрел в ее глаза, и поэтому на чашку мог смотреть только краем глаза.

Чашка наклонилась еще сильнее, и уже слетела с нее первая капля. Эта капля тоже была незаметна. Но Дьявол увидел – по-прежнему краем глаза. Он мог видеть то, что не видели другие – хоть

даже краем глаза. Он ведь был все еще Дьяволом и не успел пока стать человеком. Все-таки, он был еще Дьяволом. Потому что почти человек – это не человек. А для Дьявола быть почти человеком означает быть все еще Дьяволом.

Он хотел ей сказать, что чашка наклонилась, и с нее слетела первая капля. Но она продолжала смотреть в его глаза. Даже если бы он сказал ей про чашку и каплю, она бы не поняла его. Чтобы она поняла его, ему нужно было отвести от нее свой взгляд и показать этим взглядом на чашку.

Он так и сделал. Он медленно, очень медленно – почти целую вечность – начал отводить от нее свой взгляд. Она умела почти целую вечность поднимать глаза, а он – отводить взгляд.

Он показал ей взглядом на чашку.

Напротив не стало глаз Дьявола. И она тоже посмотрела на чашку. Которая продолжала наклоняться, из нее уже неудержимым потоком выливалась обжигающая жидкость. Затем полетела и чашка. Какое-то время летели вниз и расплеснутый чай, и опрокинутая чашка. Чай обволок голову прохожего, а чашка упала прямо у его ног, вдребезги разбившись. Человек остановился, съежился, опустил голову, а затем поднял ее.

Ему так трудно было улыбнуться. Но он все же заставил себя это сделать. Он постоял некоторое время, задрал голову, и улыбнулся. А затем опустил голову и пошел дальше.

Она ничего не ответила Дьяволу, когда он предложил ей стать для нее пропастью. Она просто уронила чашку, наполненную горячим чаем.

Затем они, словно забыв о случившемся, снова принялись болтать. Только раз она спросила, не сон ли все это? Но это было только раз, и на этот вопрос можно было не отвечать.

Она весело рассказала ему о пропасти. И Дьявол узнал все. И о том, что когда ей не хватает воздуха, она вытягивается над бездонной пастью, чтобы получить хоть глоток свежести. И о равнодушном мире, который выталкивает ее из ее же пространства, отнимая последние жалкие сантиметры. Она даже рассказала ему о том, что когда появился он, равнодушный мир вдруг исчез. «Он, наверно, испугался тебя, – засмеялась она. – И пропасть исчезла».

Затем она замолчала. «А куда же исчезла пропасть?» – задумалась она.

Затем они снова наслаждались чаем. Она сходила на кухню, заварила густой ароматный напиток, и они принялись пить его. Она

снова держала чашку, до краев наполненную горячей жидкостью и весело говорила о чем-то.

Ах да, она сказала что-то о Дьяволе. Она впервые сказала ему о Дьяволе. Прежде только ее губы шептали об этом, а она ничего не говорила. А теперь она сама сказала.

Он спросил: «А если я и есть Дьявол?» В ответ она снова опрокинула чашку с чаем.

Как и в первый раз, сначала чашка наклонилась чуть-чуть. И это видел только Дьявол. Затем она наклонилась сильнее, и с нее слетели первые капли. И это тоже видел только Дьявол. Затем чашка опрокинулась, чай вылился вниз. Вслед полетела чашка – тоже вниз. И все это опять упало на какого-то прохожего, который так же, как и прежний, поднял голову и заставил себя улыбнуться.

Затем она словно забыла (вроде бы забыла) про то, что он ей сказал. И начала рассказать про то, что она одинока – потому что считает себя слишком умной. Дьявол рассмеялся. Он сказал, что это все оттого, что она глупенькая. «Ну, кто может быть умнее Дьявола?» Она согласилась. Она считала себя настолько умной, что не могла не согласиться с его фразой.

Дьявол шел к своему лесу и пытался понять, что же ему нужно. Хочет ли он по-прежнему стать человеком? Или – пока не поздно – снова вернуть себе суть Дьявола? Если он станет человеком, он будет бессильным. И тогда он уже никогда не почувствует себя Дьяволом. А если он возвратится к дьявольскому, то уже никогда не ощутит в себе человеческое. Потому что это невозможно – второй раз захотеть стать человеком. Наверно, невозможно.

«А почему бы нам ни поселиться в избушке?» – подумал вдруг Дьявол. Он даже на секунду остановился. И как он не додумался до этого раньше? «Нам будет хорошо и спокойно. Зимой мы будем слушать вьюгу, а летом, сидя на крыльчке, – шелест листьев и радостное пение птиц».

«Она меня позовет. Если она меня позовет... Я обязательно расскажу ей про полянку. И про избушку. И про густой лес. И про то, что вокруг никого нет. Только птицы на деревьях щебечут».

Дьявол снова вспомнил вчерашний вечер.

«Конечно же, я тебя узнала!» – кокетливо сказала она, вылив последнюю чашку чая на голову прохожего.

Ему было достаточно одной-единственной этой фразы.

Он дошел, наконец, до непроходимого леса и в одно мгновение очутился возле избушки.

Она стояла такая же тихая и милая, ставшая самым родным домом для Дьявола. Она всегда ждала его. Терпеливо ждала его.

Дьявол открыл дверь – она в ответ чуть скрипнула обрадовано. Дьявол вошел. Почувствовал знакомый запах – так может пахнуть только родное. Этот запах особенно остро ощущается после отсутствия, когда снова возвращаешься в свой дом.

Он прошелся по комнате. Подошел к окошку. На него глянул темнеющий лес – вечерело. Он взглянул на осколок зеркала – и увидел незнакомое лицо. «Неужели это я? – подумал Дьявол. – Неужели я еще больше стал похож на человека? Или нет? Может, это мне только показалось?» Он улыбнулся своему отражению – оно улыбнулось ему.

Дьявол снова был дома. Теперь он никуда не спешил. Не спешил в маленькие и большие города. Он даже не спешил становиться человеком. Он сочинял в своем маленьком мире вечность. Почему бы в нем не быть вечности?

5. Священник

Был невыносимо горячий день.

Я вышла прогуляться. И что меня заставило покинуть дом в такую жару?

Исчез Демо. Я снова осталась одна. Снова закрутились в голове наскучившие мысли. Снова за спиной появился равнодушный мир. Вчера только он отступил, подарив мне свое пространство. А сегодня – отнял. И попытайся теперь доказать ему, что подарки обратно не принято забирать. Он даже слушать меня не станет. А еще хуже, снова начнет отнимать – уже последние сантиметры моего собственного мира, сталкивая меня лицом к лицу с пропастью. Уж лучше молчать, делая вид, что ничего не произошло.

Выходя из дома, я взяла с собой сто рублей, зная, что обязательно захочу пить. Жара-то какая!

Так и случилось. Только я вышла из дома, меня сразу же замучила жажда. Поэтому первый зигзаг моего маршрута был очевиден – нужно зайти в ближайший магазинчик и купить чего-нибудь попить. Я так и сделала.

В помещении было так же жарко, как и на улице. Может, даже еще более жарко. Кондиционера не было. Продавщица изнывала от духоты и обмахивалась газетой.

– Вот эту бутылку пива, за двадцать рублей, – сказала я и протянула сторублевку.

Она взяла денежку и принялась бороться с дверцей холодильника. Видимо, она заела, поэтому продавщица открывала ее долго.

Наконец, холодильник открылся, продавщица достала бутылку и протянула мне. Я взяла ее и продолжала стоять в ожидании сдачи.

Продавщица смотрела на меня. Я – на нее. Наконец, я сказала:

– Вы сдачи мне не дали.

– А я жду, когда вы заплатите за пиво, – возмутилась она.

– Но я дала вам сто рублей, – также возмущенно ответила я.

– Какие сто рублей? Вы мне ничего не дали.

Я залезла в единственный карман своего платья. Ничего там не было. Но я ведь брала с собой деньги! И протянула их продавщице! Я помню, как протянула ей бумажку, и помню, как она небрежно взяла ее, а затем стала открывать холодильник.

– Дала, – настаивала я.

Продавщица вздохнула, закатила глаза и сказала:

– Ничего вы мне не дали. Вы что, думаете, я от жары совсем память потеряла?

– Посчитайте деньги в кассе, там должны быть лишние сто рублей, – сказала я.

– И как вы себе это представляете? – возмутилась она. – Это невозможно – найти лишние деньги в кассе!

Я пожала плечами. Мне совсем не хотелось конфликта. Тем более, из-за небольшой суммы. Поэтому я вернула продавщице бутылку пива и вышла из магазина.

«Странно, – подумала я. – Как могло произойти такое? Непонятно. Наверно, это жара. Конечно, жара. Надо спрятаться от нее. Но где?».

В скверике. Только в скверике. Который, кстати, находится рядом с моим домом.

И я направилась туда.

После инцидента с пропавшей сотней у меня в душе остался неприятный осадок. К тому же, по-прежнему очень хотелось пить.

Я села на лавочку и подняла руку, чтобы вытереть пот со лба. И вдруг почувствовала, что держу что-то в ладони. Я опустила руку. Это была сторублевая купюра!

Потрясенная, я смотрела на смятую бумажку и ничего не могла понять. Я ведь точно протянула продавщице деньги, и она точно взяла их у меня. Неужели мне все показалось?

Я принялась гадать и строить всякие предположения. Но, вскоре поняв, что это ни к чему не приведет, махнула на все рукой и отправилась к другому магазину за пивом. В прежний я возвращаться не собиралась. А то, чего доброго, произойдет еще что-нибудь.

На этот раз я благополучно купила вожеленный напиток и благополучно выпила его, сидя на лавочке.

Настроение улучшилось. Вместе с пивом в меня влилось состояние легкости и спокойствия. Даже жара уже не казалось столь изнурительной. Тем более что я сидела в тени густых деревьев.

Голова опустела. Никаких мыслей. Ни одна назойливая идея не вертелась в своем привычном круговороте. Даже равнодушный мир снова исчез. Прекрасно!

Я даже не заметила, как ко мне подсел молодой паренек в потертых джинсах и розовой рубашке с короткими рукавами.

Я повернула голову и увидела его. Он смотрел на меня. Его лицо мне показалось знакомым. Где же я встречалась с ним?

Сквозь легкую пелену опьянения я разглядывала его и пыталась вспомнить, где же! где же я видела его?

– Вы священник! – воскликнула я, наконец.

Конечно! Это был тот самый священник, которого я встретила вчера утром. Он посмотрел на мои голые колени. А почему, собственно, служителям церкви нельзя смотреть на них? Конечно, можно. Чем они хуже обычных людей?

Мой сосед вздохнул.

– Почему вы вздыхаете? Смутились, что я узнала вас? Не смущайтесь! Это даже интересно, что вы священник. – Пиво развязало мне язык.

– Вы так считаете?

Я кивнула.

– Может, тогда познакомимся? – Сосед, вероятно, воодушевился моей радостью по поводу того, что он священник.

– Хорошо, – согласилась я, – давайте познакомимся.

– Алексей.

– Лилия.

– Какое необычное имя, – улыбнулся Алексей. – Цветочное.

– Вам понравилось оно?

– Ага. И вы тоже. Почему я вас раньше не встречал? Где вы живете?

– Вон в том доме. Почему вы не встречали меня? – удивилась я.

– Вчера это случилось. Вы даже посмотрели на мои колени. Я еще обратила внимание, что – надо же! – священник и вдруг... Правда, вы очень быстро это сделали и тут же отвели свой взгляд. Наверно, вам стало неудобно.

Алексей с интересом глянул на мои колени. На мне было короткое платье, поэтому ноги снова не были закрыты.

– Они у вас, действительно, красивые. Поэтому и посмотрел.

– Странный вы священник. Все комплименты дарите. То имя мое называете цветочным. То говорите, что я вам понравилась. Еще и колени мои назвали красивыми. Разве священники ведут себя так?

– Почему бы нет? Они ведь тоже люди. Им тоже хочется смотреть на стройные ноги и красивую девушку называть красивой.

Никогда бы не подумала, что священники могут быть такими продвинутыми! Пары пива продолжали кружить в моей голове.

– А почему вы решили, что я красивая? Я ведь не красивая.

– Кто вам такое сказал?

– Зеркало.

– Плюньте на него. Оно врет. Неужели вас никто не называл красивой? – Алексей удивленно посмотрел на меня.

Я помотала головой.

– Симпатичной называли, но редко. А красивой – почти никогда. Я даже успокаиваю себя, стараясь думать, что красота не главное.

– А что же тогда главное для женщины?

– Да хотя бы ум.

– Ах, вы еще и умная! – протянул Алексей.

– Во всяком случае, в том, что я умная, я сомневаюсь меньше, чем в том, что я красивая.

– И в чем же ваш ум?

– Разве ум может быть в чем-то? Это обширное понятие. Вот способности могут быть узкими. Можно, например, быть талантливым математиком, но абсолютно не иметь музыкальных данных. Допустим, те же точные науки я знаю неплохо, но не смогу отличить друг от друга ноты. И у вас, я думаю, есть способности к служению Богу...

– Интересно, интересно...

– Да-да! – продолжала я. – Вы, например, самозабвенно любите Бога, но женщину – нет. То есть способностей любить Бога у вас больше, чем способностей любить женщину.

Алексей с преогромным интересом посмотрел на меня.

– Впервые вижу девушку, которая рассуждает на подобные темы.

– Я, конечно, абсолютно не смыслю в духовной жизни, но эти вещи мне кажутся очевидными. Священники и, тем более, святые больше всего на свете любят Бога. И только во вторую очередь – детей, родителей, жену...

Алексей почесал лоб.

– Никогда не задумывался над этим, – сказал он.

– Может, это потому, что вы никогда не стояли перед дилеммой – сделать выбор между Богом и родными для вас людьми?

– Такого выбора у меня уж точно не было. И, надеюсь, никогда не возникнет.

– Слава Богу, у меня тоже. Я ведь не монашка. Куча ограничений – это не для меня. Пиво, мужчины, короткие юбки... – иначе со всем этим мне бы пришлось расстаться.

– Вы любите пиво и мужчин?

– Во всяком случае, холодное пиво в жаркий июльский день я очень люблю.

– Подождете минуточку?

– Хорошо, – согласилась я. – А вы уходите куда-то?

– За пивом. Вы же любите его?

– Но я буквально перед вами выпила бутылочку.

– А от второй разве откажетесь?

Я подумала секунду и решила, что от второй бутылки пива в жаркий июльский отказываться глупо.

– Какое желаете?

– Даже не спрашивайте! Не скажу! Не вытягивайте из меня скрытую рекламу.

– Тогда покупаю на свое усмотрение? – улыбнулся Алексей.

Я кивнула. Он ушел.

Откинувшись на спинке скамейки и запрокинув голову, я стала смотреть на небо, просвечивающее сквозь верхушки деревьев. Мне по-прежнему было хорошо. Равнодушный мир за спиной так и не появлялся, словно его и не было. Зато появился Алексей. Станный священник, побежавший за пивом. А до этого был Демо. Дьявол...

Пары пива начали быстро покидать мою голову. Во мне стало расти напряжение. Почудились далекие звуки равнодушного мира. Нет, нет! Только не это! Нужно что-то делать!

Я стала судорожно вспоминать, что же нужно сделать, чтобы равнодушный мир не появился. Вспомнила! Нужно оглянуться!

Только я собралась это сделать, как пришел Алексей. Он протянул мне откупоренную бутылку пива. В другой руке держал еще одну – для себя.

– Классный ты священник! – сказала я, отбулькав большой глоток и перейдя на «ты». – Девушек пивом угощаешь и сам пьешь.

– Ты тоже классная, – также комплиментом на комплимент ответил Алексей, тоже отпив холодного напитка.

– Никогда бы не поверила, что буду сидеть на лавочке со священником и пить с ним пиво.

– Тебе что-то не нравится?

– Почему же! Я бы даже сказала – это очень пикантно и приятно сидеть рядом с церковником и болтать с ним о чем угодно. А главное –

ты меня не поучаешь и не твердишь монотонно, как мне следует себя вести, а как не следует.

– А, может, следует поучить? – немного посерьезнев, спросил Алексей.

– Чему поучить?

– Как вести себя со священником.

– Ты шутишь?

– Конечно! – весело ответил Алексей и отхлебнул очередной глоток.

– Слушай, – спросила я, решив затронуть вот уже несколько минут мучившую меня тему, – как это занесло тебя туда? Ну, ты понимаешь...

– Ох! – театрально ответил захмелевший Алексей. – И не спрашивай! Я сам теперь не понимаю, какая сила затащила меня в церковь. Молод был я тогда и ничего не смыслил в жизни.

– Молод? – удивилась я. – А сейчас ты разве не молод?

– Молод, – согласился Алексей. – Но тогда был еще моложе. Тогда мне было двадцать четыре. А сейчас двадцать семь.

– Небольшая разница.

– Большая, – не согласился Алексей. – Три года в храме – это... Это очень много.

– Так что же случилось с тобой? – не унималась я.

– Я разочаровался в любви, – сказал Алексей. – Вот главная причина, почему я оказался в церкви.

– В какой любви? – не поняла я.

– К женщине, ясное дело. Вернее, я разочаровался во всех женщинах сразу.

– Прямо так и во всех? До единой?

– До единой. Я был программистом и имел хорошую зарплату...

– При чем тут зарплата?

– Потому что она позволяла мне дарить своей девушке дорогие подарки. Все, вроде, было хорошо. Но с какого-то момента я начал замечать, что девушка не очень-то радовалась мне, если я не покупал ей чего-нибудь длительное время. Цветы, мороженое – не в счет. Впрочем, все это неинтересно. – Алексей помолчал. Его лицо стало злобным. – В один прекрасный день я высказал свое подозрение, что ее интересуют больше мои подарки, а не я сам. – Алексей снова замолчал.

– И что? – спросила я.

– Она сказала, что все так и есть. Я не интересен ей как человек. А самое страшное – я не интересен ей как мужчина. Это был

настоящий удар. Я не ожидал услышать такое от девушки, которую любил больше года.

– И больше года ты дарил ей подарки?

Алексей кивнул.

– Да, больше года она позволяла мне любить себя.

– Купля-продажа, – ляпнула я, но тут же извинилась.

– Верно, – сказал Алексей. – Ты очень верно сказала. Я ей дарил подарки, а она за это позволяла мне любить себя. Я-то думал, это настоящее, большое чувство. Я принимал за любовь игру в нее. После того, как она сказала мне правду, в одно мгновение все перевернулось с ног на голову. Я понял, мир лжив. В нем нет и быть не может истинной любви. Все есть только игра и обман.

Пиво перестало веселить нас. Алексей стал грустным и злым одновременно.

– Я даже хотел покончить с собой, – сказал он. – Мой мир прежде никогда не разрушался. А когда это произошло, мне казалось, заново его невозможно построить. И не нужно. Зачем создавать новое, если оно тоже рухнет?

– Но что-то спасло ведь тебя? Раз ты жив сейчас.

– Спасло, – вздохнул Алексей. – Мне помог священник. Я встретился с ним, когда мне было тяжело. Бывает же такое: помощь пришла в минуту крайнего отчаяния!

– Бывает, – согласилась я, вспомнив, что со мной подобное произошло вчера.

– Он беседовал со мной несколько часов. Тогда я впервые понял, что нет любви более чистой и святой, чем к Богу. Священник предложил мне служить Отцу небесному. Я поначалу испугался и отказался. Но, поворочавшись ночью на кровати в раздумьях, пришел наутро в церковь, встретил там своего священника и сказал ему о решении посвятить свою жизнь Богу. Так я стал тем, кем являюсь сейчас. Параллельно я начал учиться в духовной семинарии.

– И ты теперь любишь только Бога?

– Конечно, нет. Хотя, поначалу – да. Я решил, что кроме Бога мне никого не следует больше любить. Ох, уж этот максимализм! Но спустя некоторое время все изменилось. Я ведь, в первую очередь, человек. Большинство священников, в первую очередь, люди. Они тоже умеют любить. И не только Бога, но и женщину.

– Да ну? – удивленно воскликнула я. – А я думала, священники – это почти евнухи. – Я прикусила язык. «Опять не то ляпнула!» – тут же укорила меня добропорядочная мысль.

Я посмотрела на Алексея. «Ну, все! – подумала я. – Сейчас он точно обидится».

Но он и не думал этого делать. Он даже выдал улыбку, таким образом, видимо показывая, что оценил мой саркастический юмор.

– Представь себе, мы – не евнухи, – сказал он. – Ты даже не представляешь, какие страсти иногда бушуют в нас!

– И что вы с ними делаете? – Я забыла всякую деликатность.

– Мы считаем их искушением Дьявола.

– Дьявола? – услышав знакомое слово.

– А ты разве не знала?

– Ммм... Наверно, предполагала. Но никогда не задумывалась. Я вообще никогда не задумывалась над тем, каково живет священникам. Кстати, с чего ты взял, что страсти – это искушение Дьявола? Ведь Бог создал человека таким, какой он есть – вместе со страстями.

– Может быть, – сказал Алексей.

– Как? – удивилась я. – Ты разве не знаешь точно, кто создал в человеке страсти – Бог или Дьявол, раз говоришь «может быть»?

– А ты думаешь, священники знают все?

– Про Бога с Дьяволом они должны знать все.

– Должны, да не знают. Немногое знают. Да и то «немногое» часто оказывается неверным.

– Я не перестаю удивляться тому, насколько ты странный! – воскликнула я. – Такие откровенности, наверно, больше ни от какого другого священника не услышишь.

– Но я-то особый. Я священник с головой.

– С какой головой?! – возмутилась я. – Если ты даже не знаешь, что в человеке от Бога, а что от Дьявола!

– В этом-то и проявление моего ума, что я поставил это под сомнение. Ты думаешь, все просто у нас? Когда оказываешься в церкви, ты обязан думать определенным образом. А я взял и усомнился в том, что священники правильно понимают самые важные вопросы. Они даже главную их книгу, Библию, неверно истолковывают.

– А ты им говорил про это?

– Конечно, нет! Такое нельзя говорить. Только попробуй сказать подобное! Тебя тут же упрекнут в связях с Дьяволом. Хотя, что здесь плохого – сказать, что священники не понимают Библию? Но в церкви не принята свобода мышления. Она карается.

– Как карается? Ведь инквизиции уже нет.

Алексей засмеялся.

– Инквизиции-то нет, но что-то вроде нее есть. Скрытая инквизиция.

– Это когда сжигают на кострах тайно?

Алексей расхохотался.

– Весело с тобой, – сказал он, нахохотавшись.

– И долго ты собираешься жить двойной жизнью? Работать священником, а думать не как священник.

– Как только влюблюсь, тут же брошу свою рясу в костер.

– Опять хочешь неразделенных чувств?

– Ну уж нет! Лучше навсегда заточить себя в монастырь, чем страдать от невзаимной любви.

– То есть ты бросишь рясу в костер, только если у тебя появится взаимная любовь?

– Я в любом случае брошу ее в костер. И точка. Потому что не будет у меня больше неразделенной любви. Свои чувства я возьму под контроль. Кстати, ты, например, смогла бы в меня влюбиться?

Я с любопытством принялась разглядывать Алексея. «Фигура у него, конечно, неважная, – выдала мне язвительная мысль. – Поэтому и не смогла влюбиться в него та девушка, которая терпела его из-за подарков. Ты только посмотри на него! – невысокого роста, шупленький. Глаза, правда, светлые. Даже прозрачные. Но это не имеет значения, если фигура жалкая». – «Да разве тело – главное? – возмутилась другая мысль. – В человеке главное – душа. А глаза, кстати, – ее отражение. Если они светлые, добрые, значит, и душа такая же». – «А все-таки приятнее, когда мужчина имеет красивую фигуру, а не худосочную. То ли дело Демо – совершенный, страстный. Мужчина и должен быть таким, чтобы женщина рядом с ним чувствовала себя женщиной. А не испытывала жалость». – «Но ведь страсть не столь важна в отношениях между мужчиной и женщиной». – «А что важно?» – «Важно – другое...»

Я не стала слушать жаркий спор мыслей. «Хватит! – крикнула я. – Я сама знаю, что мне ответить Алексею». Мысли разом замолчали и стали ждать, что же я отвечу священнику.

– Я не смогу влюбиться в тебя, потому что люблю Дьявола.

Алексей на время лишился дара речи.

– Это приколы? – произнес он, наконец.

– Нисколько! – ответила я. Мне очень понравилась его реакция.

Теперь я могу плести что угодно.

– Но ведь его не существует! – воскликнул Алексей.

– Какой же ты священник, если не веришь в Дьявола?

– Священники верят не в Дьявола, а в Бога.

– Ага! – поймала я. – Значит, вы считаете, что Дьявола не существует?

Алексей помолчал в растерянности.

– Ты хоть в Библию веришь? – спросила я. – Тому, что в ней написано?

– Я не могу не верить в нее.

– И всему тому, что происходило согласно священной книге, тоже веришь?

– Конечно.

– А в Дьявола, значит, нет?

– Я просто стараюсь не думать о нем. И тебе интересно об этом говорить?

– Но ты же сам поднял тему любви. А я ответила, что люблю Дьявола.

– Фантазерка! – сказал Алексей.

Я пожалала плечами. Пусть думает, что хочет. Нужно ли убеждать его в существовании Дьявола, если он слышать о нем не хочет? Ясное дело, боится его. А это – от невежества.

– Значит, ты говоришь, что священники это, прежде всего, люди? – вернулась к первоначальной теме.

– Да, – ответил Алексей, обрадовавшись, что я перестала говорить о Дьяволе. – Это обычные люди, со своими слабостями.

– А они борются с этими слабостями?

– Смотря с какими. С некоторыми да, а некоторые они в себе просто не замечают. Все как у людей.

– И они считают свои слабости искушением Дьявола?

– Допустим, да. Что ты заладила про него! Я же сказал, что я нетипичный священник. Я не считаю, что со слабостями нужно бороться. Особенно если они приятные. Жизнь в служении Богу слишком трудна для молодого, нормального мужчины. Она подразумевает ограничения, которые идут вразрез с естественной природой. Священник должен стать не совсем человеком. Он должен стать надчеловеком. Но не все становятся такими, далеко не все. Да и что такое – стать надчеловеком? Вознестись над людьми? Стать бестелесным ангелом? Священник должен быть близок к смертным, понимать их, понимать, в том числе, их слабости. Борясь со своей человеческой сутью, они становятся лживыми. Лживыми в душе. Но они никогда не признают себе в этом. Никогда. Обычные люди не пытаются подавлять в себе слабости. Вернее, они даже не считают их слабостями. Они живут нормальной человеческой жизнью. А святые, да и простые священники, борются с ними.

– А то, что ты так откровенно говоришь обо всем этом, не является грехом?

– Я считаю гораздо большим грехом обман. Я больше не могу заставлять себя верить в то, что жизнь священника – святая. Это, скорее, существование в постоянных грехах. Подавление нормального, человеческого не является праведным.

– Так считает Бог? Или Дьявол? – ехидно спросила я.

– Так считаю я. И невозможно узнать, как считает Бог. Я могу сказать, что подавление того, что создал в тебе Всевышний, ненормально.

– Бедные священники! – воскликнула я. – Вечно они борются с собой. И, главное, непонятно, зачем. Выходит, они подавляют то, что заложил в них Бог, а не Дьявол.

– Это сложный и неоднозначный вопрос – о Боге и Дьяволе. Порой я перестаю понимать, что в этом мире создал Бог, а что Дьявол. И как это все гармонично (достаточно гармонично) сочетается друг с другом. Я думаю, подавление человеческой природы идет скорее от Дьявола.

– То есть священники потакают Дьяволу, подавляя в себе созданное Богом?

– Что мы все о священниках? – вдруг сказал Алексей. – Почему бы ни поговорить о монахах?

– По-моему, они еще более непонятные, чем священники.

– Уж да! – протянул Алексей. – Я почему сказал о них? У меня ведь знакомый есть – бывший монах.

– Бывший? – переспросила я. – Забавно. И почему это он вдруг стал бывшим?

– Причина та же. Ему стало трудно бороться с простыми человеческими слабостями. Он вообще-то нормальный парень. Мы с ним иногда выпиваем вместе. И иногда он рассказывает мне о монастырской жизни. Очень даже занятные истории у них происходят, оказывается. Например, его сосед по келье безумно влюбился в женщину. Да там целый любовный треугольник образовался!

– Разве такое возможно?

– Возможно! Возможно даже большее.

– И что же? – Мне не терпелось узнать, что же могло случиться в самом святом заведении.

– Значит, было все так, – сказал Алексей. – Тот самый сосед моего знакомого жутко влюбился в женщину. А та сохла по другому монаху. Причем давно, еще в тех пор, когда он был нормальным

человеком. И когда он ушел в монастырь, она отправилась вслед за ним. В мужской монастырь! Представляешь? И осталась там.

– Что же она там делала? И как вообще ее пустили туда?

– Она чистила рыбу на кухне. По-моему, только это и позволили ей делать.

– А что же заставило ее возлюбленного бросить нормальную жизнь и отправиться в монастырь? Ведь у него не было неразделенной любви, как у тебя?

– Не знаю, – сказал Алексей в ответ на мой ехидный вопрос. – Так вот, в эту женщину – ее звали Таней – влюбился сосед моего монаха. Не просто влюбился, а безумно влюбился. Это было настолько сильным чувством, что он рыдал по ночам. И ничего не мог поделать с собой. Не мог даже скрывать своих чувств. «Ох, люблю я Таньку! – стонал он. – Ох, люблю!» – «Так возьми ее и уходи из монастыря», – советовал ему мой знакомый. Вот такой любовный треугольник был в том монастыре.

– И чем все закончилось?

– Мой приятель ушел из монастыря раньше своего соседа, подав, таким образом, наверно, ему пример.

– Забавный случай. Но мне жаль Таню и ее монаха-воздыхателя. Их чувства такие надрывные и безысходные. Да и ситуация глупая.

– В том-то и дело. И зачем, спрашивается, бороться со слабостями? Кому это нужно? Богу? А, может, твоему Дьяволу?

– Никому не нужно. Ни Богу, ни, тем более, Дьяволу.

– Надо же! – сказал Алексей, внимательно посмотрев на меня. – Ты такая красивая, а бредишь каким-то Дьяволом. Неужели мужчин достойных мало?

– Представь себе, мало! Я так же, как и ты, разочаровалась во всех мужчинах сразу.

– А, может, это судьба?

– Какая судьба? – не поняла я.

– Наша встреча с тобой – судьба. Ты разочаровалась в мужчинах, я – в женщинах. Может, мы не случайно встретились?

– Может, и не случайно. Но почему наша встреча обязательно должна стать судьбой?

– Мне бы так хотелось, – вздохнул Алексей. – Ты такая красивая и одна. Я тоже один.

– Почему ты все время называешь меня красивой? – рассердилась я. – Смеешься что ли?

– Почему смеюсь? – недоуменно посмотрел на меня Алексей.

– Потому что я не красивая. Я обычная.

– Насколько я понял, ты еще и скромная. Не женщина, а мечта – красивая, скромная, к тому же и умная! Про ум, кстати, ты сама сказала.

Я только сейчас заметила, что настал вечер. Я вышла из дома в жаркий день. А сейчас – теплый вечер.

– Однако мы долго болтали, – сказала я. – Погляди, уже вечер.

Алексей посмотрел по сторонам.

– Действительно, вечер, – сказал он и взглянул на часы. – Полдевятого.

– Ого! – удивилась я.

Я вдруг почувствовала себя такой голодной! Я ведь с утра ничего не ела.

– Надо идти домой, – сказала я и встала.

– Жаль, – сказал Алексей.

– Что жаль?

– Что придется расстаться. Но мы ведь еще встретимся?

– Может, и встретимся.

Мы побрели в сторону моего дома.

– Вот здесь я живу, – сказала я, подходя к своему подъезду. – Ну? До свидания? – Я протянула руку Алексею, чтобы попрощаться. Я просто забыла, что руку протягивают, когда здороваются, а не когда прощаются.

– До свидания, – ответил Алексей и вместо того, чтобы пожать мне руку, поцеловал ее.

6. Преображение

Дома, умываясь, я случайно взглянула на зеркало. Боже! Кто это?!

На меня смотрела другая девушка. Вернее, это была я, конечно. Но насколько я изменилась! Теперь я поняла, почему Алексей упорно называл меня красивой. Потому что я и стала такой!

Я стала красавицей. Как? Что произошло такого, что я вдруг так похорошела?

Я продолжала удивленно смотреть на свое отражение и любоваться им. Впервые в жизни я любовалась своим отражением!

Снова закружились мысли. «Еще вчера она была той, прежней», – прожужжала какая-то из них. «Это, наверно, Демо. Он же Дьявол», – подлетела вторая муха. «Но она не верила в его бесовскую натуру», – пропищала еще одна мысль. «Ну и что! Не верила, так поверит. Куда она денется!» – «Она хотела Дьявола. Вот он и появился. А он – всемогущий. Что ему стоило сделать ее красивой? Ему это – как семечку щелкнуть». – «Но ведь она его желала мимолетно». – «Ну и что. Демо же сказал, что мимолетное скрывает сокровенное. Значит, в глубине души, сама того не сознавая, она страдала по Дьяволу. Вот он и явился. А красивой ее сделала, может, любовь». – «А разве такое возможно?» – «Как видишь, возможно». – «А какая любовь сделала ее красивой?» – «Как какая? Дьявольская». – «А Алексей?» – «Причем здесь Алексей?» – «Но он ведь тоже в нее влюбился. В нее сразу двое влюбились – Демо и Алексей». – «Почему ты решила, что они влюбились в нее? С Демо вообще все темно. А Алексей с ней познакомился только сегодня». – «Ты не веришь в любовь с первой встречи? С ним она проговорила до позднего вечера. Ее красота и ум не могли не подействовать на него». – «А Демо? Тогда и он влюбился в нее с первой встречи. Он влюбился в нее даже до того, как заговорил с ней». – «Трудно их понять, этих дьяволов». – «А ты думаешь, дьяволов много?» – «Откуда мне знать! Главное, она почему-то стала красивой – то ли Демо это сделал, то ли любовь». – «А Алексей?» –

«Что Алексей? Что ты, как попугай, твердишь про него?» – «Действительно, причем здесь Алексей! – возмутились остальные мысли. – Он-то здесь не причем. Она стала красивой благодаря Дьяволу. Это же очевидно. Неважно, он сделал ее такой или ее любовь к нему».

Я всю ночь проворочалась на диване без сна. Это из-за священника с Дьяволом! Да и перемена в моей внешности не могла не взбудоражить меня. Навсегда ли я останусь такой милашкой или в одно жуткое утро проснусь, посмотрюсь в зеркало и обнаружу, что внешность моя стала прежней? А мне этого не хочется! Ой, как не хочется! Я красивой хочу остаться.

Я снова и снова пыталась осознать, что я уже не та. Я другая. На улицах я буду ловить восхищенные взгляды прохожих. Получать признания от тысяч мужчин. Сиять с обложек самых модных журналов. Бросать в толпу поклонников бриллиантовые улыбки. А еще я буду...

Стоп-стоп! Куда вы гоните, кентавры моих фантазий! Может, стоит сначала задуматься, а нужно ли мне все это? И вообще, что мне нужно?

Вот если бы Демо...

«Нет-нет!» – тут же испуганно екнуло у меня внутри.

Дело в том, что утром, после того, как исчез Демо, я зареклась думать о нем. Даже мимолетно. Особенно мимолетно. Хотя нет-нет, да залетает какая-нибудь липкая мысль о нем.

Эти мысли... Вы думаете, они мои? Они залетают откуда-то, а я должна думать, что они принадлежат мне? Нет, конечно. Не хочу я так думать. Может, они немного и мои – в том смысле, что в моей голове крутятся. Но все-таки они не мои, потому что прилетают непонятно откуда.

Итак, про Демо я думать не буду. Но про Алексея-то можно. Какая сила занесла его в скверик?

Никогда раньше не общалась со священниками. А тут вдруг служитель церкви сам решил явиться мне. Вдобавок ко всему еще и угостить меня пивом. Ну и дьявольщина!

Я прикусила мысль и огляделась. Нигде в комнате Демо не было. «Значит, не так про него подумала, – решила я. – По-другому надо думать, чтобы он явился. Тихо, незаметно».

Я заснула только под утро.

Те события, которые произошли в выходные, в последующие дни мне казались просто невероятными. Они были похожи на сон. Сон закончился, но шлейф от него тянулся из одного дня в другой.

Я боялась думать о Демо. Но снова и снова вспоминала его. Его прекрасное тело. Его лучезарную улыбку. Его глаза, заглядывая в которые я становилась бессильной. Зачем ему такая жертва как я? Зачем он вообще пришел? И зачем потом исчез?

Иногда я вспоминала Алексея. Правда, реже. А что Алексей? Я с ним только болтала, ну еще бутылку пива выпила. И в глаза я ему смотрела. Но это, конечно, не производило никакого эффекта. Он ведь человек, пусть и посвятивший свою жизнь Богу. С Дьяволом ему не по силам тягаться!

А по ночам, когда я засыпала, в меня вгрызались самые настойчивые мысли. Они уговаривали меня позвать Демо. «Пусть он явится хоть на минутку! Это будет приятно, ты не пожалеешь». Но я зарывалась под подушку и засыпала.

Затем мысли о Дьяволе стали терзать меня и днем. Даже на работе. Я старалась брать самые толстые кипы бумаг и изучать их, изучать, писать, писать (вот такая у меня работа)... Лишь бы не думать о Демо. Но назойливые мысли находили меня везде. Им ни почем даже горы бумажной продукции.

В конце концов, не силах больше сопротивляться, я сдавалась.

Я откладывала все рабочее в сторону и, приняв мечтательную позу, начинала думать, думать... Мечтать, мечтать...

Затем, очнувшись, вытряхивала все из головы, поддвигала к себе многочисленные листы и снова углублялась в них.

В какой-то миг мне показалось, что от мыслей невозможно укрыться. Нигде. Они везде находили меня и окружали точно осы. Заставляя снова стать безвольной. И возжелать Дьявола.

И тогда я отправилась в церковь. У меня больше не было выхода. Мне надо было спастись.

Местная церковь – это небольшое деревянное сооружение. Аккуратный домик, уютный дворик и небольшие пристройки.

Я открыла калитку и оказалась на территории храма. Давно я здесь не была. Кругом густой лес. А на вырубленной полянке – церквушка-избушка. Немного сказочно, безмолвно и почти безлюдно.

Священник метнулся к храму. Может, это Алексей?

Я направилась к маленькому домику, в котором располагалась церковная лавка.

Тихая бабуля смиренно протянула мне тоненькую свечку. Я взяла ее и направилась к выходу.

Вдруг в дверях я столкнулась с Алексеем. Увидев меня, он чуть вздрогнул. Я собралась улыбнуться ему. Но он смутился, опустил голову и отошел в сторону, пропуская меня.

Я стояла в нерешительности. Моя улыбка исчезла, так и не появившись. Я стояла и смотрела на Алексея. А он, опустив голову, ждал, когда я отойду от двери.

Я хотела воскликнуть: «Алексей, ты что, меня не узнал?» Но вовремя спохватилась. Он-то на службе! Ему ни в коем случае нельзя показывать, что он знаком со мной!

Я отвернулась, вышла и двинулась в сторону храма.

Открыв тяжелую дверь, я окунулась в полумрак, наполненный торжественным горением свеч и немым страданием икон. Я окинула взглядом внутреннее великолепие храма и стала медленно двигаться вдоль стен. Благородные лица святых невидящими глазами смотрели вдаль, сквозь меня. Пребывая в ином, вечном, чистом мире.

Я подошла к высокому подсвечнику, зажгла свечку от лампадки и закрепила ее рядом с другими горящими стебельками.

Раньше, изредка заглядывая в церковь, я зажигала свечку, чтобы загадать желание. Мне так хотелось, чтобы Бог услышал меня.

Но на этот раз я ничего не загадала. Я стояла в полном внутреннем молчании. К чему слова? Всевышний знает о моих желаниях прежде, чем я произнесу их.

Я постояла некоторое время, смотря на свечи и иконы. Затем вышла из храма.

И снова увидела Алексея. Он беседовал со священником постарше. Когда дверь мягко хлопнула за мной, он повернул голову в мою сторону. И тут же отвернулся к своему собеседнику.

7. Страстное желание

Оказавшись дома, я внезапно успокоилась. Ко мне вдруг пришло понимание, что не стоит терзать себя запретами. Видите, как бывает! Побывав в храме, меня осенило нечто совсем недуховное.

И как только я это поняла, откуда-то всплыло первое сладкое желание: «Пусть Демо явится на одну ночь, хотя бы».

Я вздохнула.

А ну их, эти запреты! Я решила выпустить все свои тайные желания. Как трудно порой контролировать себя! Как хочется бездумно отдаться порывам души. Как хочется иногда, хоть на минуту, забыть о Боге. И любить Дьявола.

Я, наконец, безмятежно заснула.

Я падала и падала в объятия Дьявола. Я вновь и вновь падала в объятия Дьявола.

Я вдруг осознала. Так ясно. Что готова отдать все. Все что угодно... Только бы продолжался этот сон...

Ночь оказалась слишком хрупкой, чтобы выдержать это. Она разлеталась тысячами осколков. И – во всех ночных осколках сразу – я падала...

Я вновь и вновь становилась бессильной... Совсем безвольной в объятиях адского огня. Такого нежного.

Только б не кончалась ночь! Только б не исчезало то, что есть...

Я проснулась поздним утром. Приподнялась на локтях. Растрепанные волосы упали на плечи.

В комнате никого не было. Никого. Только я – с мокрыми волосами – лежащая на скомканной простыне.

Я крикнула его имя, самое сладкое.

Но никто не явился. Никто.

Это было выше моих сил. Такое выдержать я не могла – я звала его, а он не являлся!

Я почувствовала подкрадывающийся поток слез. Их невозможно было удержать. Их ничем невозможно было удержать.

Я упала на подушку и зарыдала. Горько и неутешно. Никакая сила не могла помочь меня. Потому что рядом не было его – моего Дьявола.

Излив душу в подушку, я, наконец, успокоилась и подняла голову.

Он сидел рядом! Как продолжение сна, как воплощение всех моих желаний...

– Это ты?! – вскрикнула я. – Ты меня услышал?

Демо молча кивнул.

Я, счастливая, приблизилась (сама!) к его лицу.

«Что ты делаешь! – тут же крикнула вредная мысль. – Зачем приблизилась к нему? Ты плохо видишь его, что ли?»

Я отпрянула. «Вот так и сиди! Пока он сам не заговорит».

Я сидела как послушная ученица на уроке у строгого преподавателя и лишь иногда взглядывала на Демо. Стояла полная тишина. Она могла продолжаться сколько угодно долго. Хотя вечность. Я это почувствовала – что если кто-то из нас не заговорит, тишина станет частью вечности. Поэтому я закричала:

– Я так ждала тебя! – Я больше не хотела скрывать своей радости.

«Ну и ну!» – услышала я любопытно-едкую мысль. «Скромнее нужно вести себя, скромнее!» – нравоучительно произнесла другая. «Я не желаю вас слушать, – воскликнула я. – Я так ждала его, поэтому буду говорить все, что захочу и как захочу». – «Но ты ведь женщина, ты не должна показывать своих чувств тому, кого видишь всего-то во второй или в третий раз». – «Но ведь это он! Почему я должна притворяться перед ним скромной, если я совсем не такая?» – «Да говори ты что угодно!» – смирилась одна из мыслей. «Что значит «ведь это он?» – сказала другая. – Выдумываешь всякую ерунду!»

Я, как обычно, отмахнулась от надоевших мозгогрызов, но после все же задумалась. Некоторые мысли иногда говорят непустое. Действительно, почему я решила, что это «он»?

Я охладила свой первоначальный пыл и, сделав как можно более невозмутимое лицо, спросила гостя:

– Тебе ведь нужна моя душа? Я знаю, я слышала, я читала, что вы не умеете ничего делать бескорыстно – вы же не люди! – Я усмехнулась.

Что-то беспокойное мелькнуло в глазах Демо.

«Ага! – заговорили мысли. – Ты, оказывается, умеешь читать по глазам самого Дьявола! Он забеспокоился! А почему, собственно, он забеспокоился?» – Все торжественно засмеялись.

Но Демо все понял. Он понял злорадство моих мыслей. Потому что его глаза вдруг стали непроницаемыми. В них больше ничего не мелькало.

Демо молчал. Он смотрел на меня и молчал. Что тайлось в его душе? «Думаешь, у него есть душа?» – высунула жалко ядовитая мыслишка.

Я пыталась прочитать по его лицу хоть что-нибудь. Но не смогла.

Я вздохнула. Я же смертная. А смертным не дано постигнуть Дьявола. Особенно когда он становится непроницаемым.

– Может, ты подавил мою волю, – ни с того ни с сего вдруг сказала я.

– Я не подавлял твоей воли, – заволновался Демо (что это с ним?). – Ты мне веришь?

Я сделала многозначительное лицо, словно раздумывая, верю я ему или нет. А на самом деле я ни о чем не думала. Мне было безразлично, подавил он мою волю или нет. Меня это почему-то уже не беспокоило. Даже если и так – что в этом плохого? Уж лучше пусть он подавит мою волю, чем кто-то другой.

– Так ты все-таки пришел за моей душой, не так ли? Если хочешь, я отдам ее тебе. На, возьми!

Что я такое сказала? Я предложила ему свою душу? Неужели? Вот так просто взяла и предложила самое святое? – Я растерянно опустила глаза и принялась разглядывать свою грудь – душа ведь в груди находится. И как это я собралась отдавать ее Дьяволу? Как вообще отдают душу? Что для этого нужно сделать?

– Ты думаешь, Дьявол является только за ней? – произнес Демо.

Бедный! Он все это время терпел – пока я ему гадости говорила! Это все мысли виноваты! Это они заставили меня усомниться, что Демо и есть «он»! Еще и посмеялись надо мной!

– А за чем Дьявол еще является? – спросила я, вновь увлекаемая течением злостных мыслей (иногда они все же бывают сильнее меня). – Что тебе нужно от меня?

– Мне нужна ты, – ответил Демо, словно не услышав мои противные вопросы.

– Я? – заморгала я. Хотя, что здесь удивительного? Он ведь ко мне пришел, значит, ему нужна я, неповторимая и раскрепасная.

– Только ты.

«Наверно, Демо также считает, что ты – это «она», – сказала хорошая мысль (слава Богу, у меня и такие есть). – А иначе зачем он являлся бы к тебе несколько раз? Воровать-то у тебя все равно нечего (это действительно так)».

– Кстати, ты умеешь читать мысли?

И почему я спросила это? Ведь ясно, что умеет. Он сам говорил, что читает мысли прихожан в церкви! Значит, и мои для него прозрачные.

Я заволновалась. Я вдруг осознала, что мои мысли могут читать: и нормальные, и ненормальные, и добрые, и злые... Все до единой! Вот это да! С какой это стати? Пусть они прилетают ко мне откуда-то, но ведь они все равно мои! Их никто не смеет читать! Даже Дьявол!

– Никто не смеет читать мои мысли! Даже ты! – выдала я.

Я попыталась бесстрашно взглянуть в его глаза. Я хотела показать, что я тоже умею читать мысли, и пусть он поймет, как это неприятно, когда кто-то бесстыдно пытается залезть в твой мозг.

Демо отвернулся. И что это он отвернулся? Стыдно, что ли, ему стало?

Но он и не думал стыдиться. Он снова повернулся и сказал:

– Я отучался это делать. Я долго и старательно отучался это делать.

«Какой правильный Дьявол!» – восхитилась какая-то мысль.

– Похвально, – сказала я. – Ты очень верно поступал, отучаясь читать чужие мысли. Любой человек имеет право на свободу внутренней жизни, а также на то, чтобы его мысли были не доступны другим. Ах, да! – спохватилась я. – Я чуть не забыла спросить тебя кое о чем. Почему я? Почему ты выбрал именно меня? А не какую-нибудь другую (чуть не сказала «жертву»)?

– Не знаю.

– Но ты же Дьявол. А дьяволы все знают.

– Оказывается, не все.

«Дьявол, который знает не все. Хм... Какие-то странные все попадают мне: Алексей – странный священник, Демо – странный Дьявол».

В дверь постучали.

Кто бы это мог быть?

Я подошла к двери и открыла ее.

Передо мной стояли бабуся с внучкой – соседи снизу, они прямо подо мной живут. Недавно переехали. У матери девочки стала налаживаться личная жизнь, вот они и разменяли свою прежнюю квартиру. Женщина в одну квартиру переехала, а бабуся с внучкой (то

есть свою мать и дочь) в другую отправила. Это мне другая соседка сообщила.

Но зачем они пришли ко мне? Никогда раньше не делали этого, а сейчас вдруг вздумали. Я хотела сказать им, что они не туда постучали, но бабуся заговорила первой.

– А вы знаете, – сказала она, – что миром скоро начнет править Бог?

У меня отвисла челюсть. Я стояла несколько секунд в молчании. Бабуся с внучкой спокойно смотрели на меня.

– А кто же тогда нами правит сейчас? – наконец выговорила я.

– Дьявол.

– Как Дьявол? А Бог?

– А он скоро начнет править.

– Где ж он раньше был?

Бабуся с внучкой вдруг стали превращаться в кукол. Что происходит?!

Я испугалась и закричала:

– Нет-нет, лучше ничего не рассказывайте! У меня кофе сейчас подгорит.

Про кофе я, конечно, сочинила. Не варился он у меня. Поэтому и подгореть не должен был. Но ведь надо было мне хоть как-то остановить этот жуткий процесс куклообразования бабуся с внучкой!

– Хорошо, мы к вам в следующий раз придем, – сказала старушка, вернувшись к изначальному, человеческому облику. Внучка ни слова не вымолвила, только улыбнулась молча. – А кофе действительно может подгореть и начать плохо пахнуть.

Когда я вернулась в комнату, Демо уже не было. Он снова исчез. Он почему-то исчезает, когда ко мне кто-то приходит.

Конечно, он исчез. Я в этом не сомневалась. Я даже не стала искать его по всей квартире – не заглядывала под стол, не открывала дверцы шкафов. Я лишь окинула взглядом комнату, в которой только что беседовала с Демо.

Комната была пуста. Только на диване лежали белоснежные лилии.

Цветы – это, конечно, приятно. Но встреча сегодня была какой-то не очень. Злая я была. Интересно, а дальше какой я буду при встречах с Дьяволом – такой же?

8. Воспоминание

Дьявол сидел на крылечке, слушал пение птиц и вспоминал.

Она позвала его. Он ждал этого несколько долгих-долгих дней. Он перестал уже надеяться. Но она, наконец, позвала его.

Он услышал ее так явственно, словно она стояла рядом. Он оглянулся – ее нигде не было.

Но он ведь только что слышал ее голос!

Она позвала снова. Она сказала, что не знает дорогу к нему. Она не знает, где он живет.

Ах, да! Как он мог забыть про это, что она не знает, где он живет! Она только и может, что позвать его. Она и позвала. А он не мог не услышать. Чтобы услышать ее, вовсе не обязательно быть Дьяволом. «Если бы я был человеком, я бы все равно, обязательно услышал ее», – подумал он.

Он шагнул к ней и, взяв тоненькую ручку, перенес ее через весь город, через весь лес, через все пространство, отделявшее их друг от друга. Он перенес ее одним быстрым движением. Так что она не успела даже зажмуриться от столь стремительного полета в мгновение ока. Она только успела затаить дыхание и через секунду, выдохнув, спросить: «Все?» Он сказал, что все. А еще он сказал: «А вот избушка».

Она сказала: «Как здесь чудесно! Никогда бы не подумала, что Дьявол может жить в таком милом месте».

Затем она стала ходить по полянке, смотреть на густой лес вокруг и на цветущий картофель. Он все-таки зацвел, этот картофель!

Она спросила: «У тебя здесь нет пропасти?» Он помотал головой и сказал, откуда здесь взяться пропасти, если со всех сторон – только непроходимый лес. А наверху – солнце и небо, и несколько птиц по этому небу иногда пролетают. Здесь нет ни пропасти впереди, ни равнодушного мира за спиной. Здесь тихая полянка, защищенная со всех сторон лесом, и маленькая избушка, в которой можно жить, даже не закрывая дверей – все равно никто не зайдет. Кроме нее и него. Только они могут заходить в избушку сколько захотят.

«Если хочешь, мы будем жить здесь хоть вечность», – сказал Дьявол и тряхнул своими длинными, черными, волнистыми волосами. Она сказала, что боится вечности. «Ты боишься вечности?» – спросил Дьявол. «Да, – ответила она. – Я ведь человек». Он вздохнул – он иногда забывал, что она-то человек.

Затем она вошла в избушку. «Как здесь пусто!» – сказала она. Дьявол ответил, что ему ничего и не нужно. Только кровать, чтобы спать, стол, два стула – ей и ему, да зеркальце у окна, чтобы посмотреть в него. «Это чтобы не одичать совсем? – засмеялась она. – Чтобы по лицу определить, сильно ли ты одичал за последний месяц?» Он тоже засмеялся. Она-то не знала, зачем ему зеркальце. Она еще не знала, как он хотел стать человеком!

Затем она вышла из избушки и, посмотрев в небо, взлетела ввысь. Она взлетела выше самых высоких деревьев. Он тоже взлетел вслед за ней. Не мог же он позволить ей отправиться в этот полет одной!

Когда она взлетала, она опять затаила дыхание. Как и в тот момент, когда он в мгновение ока перенес ее на свою поляну.

Она затаила дыхание и выдохнула, только когда все осталось внизу. Ее волосы рассыпались на легком ветерке. Он крепко схватил ее руку. Он боялся, что вдруг она испугается и упадет вниз. Но она не испугалась. Она широким взглядом осмотрела свои владения – свои и дьяволовы. Кругом был только непроходимый лес, а внизу – маленькая полянка с избушкой.

Затем она стала спускаться. Он продолжал держать ее руку, чтобы она не падала слишком стремительно. Ее волосы взлетели вверх – она снова затаила дыхание – она ведь только привыкала взлетать и спускаться.

А когда они коснулась ногами земли, она засмеялась и сказала, что это было так замечательно! Так чудесно взлетать надо всем на свете – даже над равнодушным миром. Ведь внизу остались не только непроходимый лес, да избушка на полянке. Где-то внизу остался еще и равнодушный мир. А наверху его не было. Она всматривалась во все вокруг – равнодушного мира нигде не было. Только взлетев, она почувствовала себя свободной и самой счастливой. Она почувствовала себя такой, только когда оставила далеко внизу все на свете. Но его-то она не оставила. Он-то вслед за ней полетел!

«Откуда взяться равнодушному миру наверху!» – впервые догадалась она. – Он ведь только и умеет, что давить в спину. Он не умеет взлетать! И пропасти не взлетают. Пропасти только зазывают к

себе, обещая глоток свежего воздуха. «Но я-то знаю, что этот глоток – с дурманом!»

Дьявол слушал ее и удивлялся, какие странные у людей страхи. Они боятся, когда им кто-то давит в спину, отнимая жалкие сантиметры, и боятся упасть вниз, в пропасть.

«В следующий раз, когда в моем мире останется несколько сантиметров, которые тоже захотят у меня отнять, я взлечу вверх, – сказала она. – И как это я раньше не додумалась до этого – взлетать? И где ты раньше был?» – спросила она у Дьявола.

«Я становился человеком», – ответил он, впервые поведав ей о своей страшной тайне. Она стала первым человеком, узнавшим о его самом сокровенном желании.

«Становился человеком? – удивилась она. Она все-таки удивилась! – Я тебя не понимаю! Когда я взлетела, то почувствовала, что у меня есть власть – над собой. Но у тебя-то много власти. И не только над собой. У тебя власть над всеми. И ты хочешь лишить себя всего этого?»

Дьявол задумался. Он не знал, что ответить. Если он скажет, что это из-за нее он становился человеком, из-за нее постигал это искусство шаг за шагом. Если он так скажет, она опять начнет смотреть на него, пробуждаясь от тяжелого сна. И он опять не будет знать, как ее спасти.

Поэтому Дьявол обрадовался, когда она не стала требовать ответа на этот вопрос, а спросила:

«А ты многое умеешь?»

Он сказал, что многое.

«Очень многое?»

Он сказал, что очень многое.

Она сказала, что тоже чувствует, что может многое. Очень многое. Для нее почти нет невозможного. Это когда взлетела, она поняла, что может очень многое.

Тогда Дьявол ответил, что нет ничего лучшего, умея очень многое, сидеть в избушке, в тишине и видеть рядом ее. – Ах, зачем он проговорился про нее? Зачем?..

Она медленно повернула голову и медленно, очень медленно начала поднимать свой взгляд. Только бы успеть отвернуться! Только бы она не взглянула в его глаза!

Чуть-чуть!... Не хватило чуть-чуть... И она заплакала. Он так старался. Он-то думал, что успеет отвести взгляд. Он-то владел вечностью. Но на этот раз она оказалась чуть сильнее его. Она на полмгновения оказалась сильнее его. – И заплакала.

9. Откровенный разговор

По-моему, Алексей заинтересовался мной. Ведь он назвал меня красивой. И так долго беседовал – почти до самой ночи. Неспроста все это! Такое поведение священника неспроста. Поэтому я и решила, что он совсем не прочь увидиться со мной еще раз. А дальше – может, еще раз...

Но мне-то надо разобраться с собой. Такие встречи! Сначала непонятный Дьявол, затем – непонятный священник.

Я всеми силами старалась не встретиться случайно с Алексеем. Утром, выйдя из-за угла своего дома, я сначала всматривалась, нет ли где-либо священника в черной рясе. Затем осторожно шла. Продолжая всматриваться вперед, откуда он мог идти навстречу мне – возвращаясь со службы. И в любой момент, заметив даже какой-нибудь силуэт, смутно напоминающий его, я, словно солнечный зайчик, в одно мгновение оказывалась за углом ближайшего дома. И ждала... Но священник не проходил мимо. Это были лишь мои страхи. Я принимала за священника кого-то другого.

Я выбиралась из укрытия и снова, вглядываясь в близких и далеких прохожих, шла к остановке.

И лишь сев в автобус, я облегченно вздохнула.

А вечерами... Вечерами я также – быстро-быстро – шла домой, быстро ныряла в подъезд и быстро, прыгая через несколько ступенек сразу, в одну секунду взлетала на свой этаж. Нервным щелчком ключа открывала замок, отворяла дверь, забегала в квартиру, закрывалась – и все мои опасения встретиться с Алексеем оставались позади.

Также я не выходила на любимые прогулки по городу. А ведь на улице разливался июль-месяц! Сидеть дома и с тоской смотреть на лето за окном – преглупо. И все это делалось ради чего? чтобы не встретиться с Алексеем! Думаете, я не понимала, что это глупо? К тому же, может, я и не нужна ему вовсе. Может, я выдумываю, что за чем-то стала нужна диковинному священнику, готовому в любую минуту сжечь свою рясу.

А чтобы совсем не затосковать длинными, светлыми, претеплыми вечерами, я смотрела телевизор. Включала его и без всякого интереса наблюдала за мелькающими фигурами. Я старалась ни о чем не думать, ни о чем не вспоминать. Лишь смотрела на экран, не вникая в то, что видела на нем.

Затем, вдруг поняв, что устала от этого дурацкого занятия, я вставала, подходила к окну и начинала созерцать зелень леса и небо над деревьями.

Но я старалась не опускать взгляда вниз – где шли люди и где мог стоять, под моими окнами, выжидая меня, Алексей. «Какая я смешная, – снова удивлялась я себе. – Может, и не выжидает он меня вовсе».

Один раз, когда я все же случайно кинула взгляд вниз, мне показалось, что неспешно идет кто-то, очень похожий на Алексея. Я отскочила от окна.

Я старалась не встречаться с Алексеем и не могла не думать о Демо. Вот так мучилась я несколько дней после событий, произошедших со мной совсем недавно.

А затем я ходила в церковь. Там я все же увидела Алексея. И совсем не испугалась. Сама не знаю почему. Я знала, что могу там встретить его. Но почему-то не боялась этого. Сама себе удивляюсь. Не хотела встречаться с Алексеем, а в церкви увидеть его не боялась. Странно, не правда ли? Оказывается, не только Демо с Алексеем странные. Я тоже иногда бываю такой же.

Но Алексей сделал вид, что не узнал меня. Он ведь на службе был. И, слава Богу, что все так получилось.

А затем снова появился Дьявол.

Я перестала сражаться со своими тайными желаниями. И перестала бояться встреч с Алексеем. Не всю ведь жизнь бояться их? И я решила выйти из собственного заточения.

Я снова вышла на вечернюю прогулку.

Как великолепен июльский воздух! – Я вышла из подъезда и вдохнула его полной-полной грудью. Я старалась вобрать в себя весь этот теплый вечер – целиком, до последней крошки угасающего света где-то заходящего солнца.

И убедившись, что вобрала все, я сделала первый шаг – легко – во мне ведь был весь воздух лета. Затем второй шаг – тоже легко. Я свободно зашагала, выдыхая обратно чудный вечер.

После нескольких вдохов-выдохов я заметила Алексея – неужели он действительно поджидал меня каждый вечер?

Он был одет, как и в первый раз – в потертые джинсы и светлую рубашку с короткими рукавами.

Увидев меня, он радостно улыбнулся. «Какой же он священник? – удивилась какая-то мысль. – Он же обыкновенный парень».

– Куда ты пропала? – спросил он первым делом. – Я каждый вечер ходил возле твоего дома, а тебя не было.

«Все-таки ждал, – сказала мысль, благосклонно настроенная к Алексею. – А ты думала, может, нет?»

– Ты меня, что ли, поджидал? – спросила я бестактно. «Теперь-то он точно обидится».

Но он снова не обиделся. Он даже и не думал обижаться. Он заулыбался во все лицо и сказал:

– Можно сказать так.

– Тебе что-то нужно от меня?

– Ну... – Алексей замялся. – Я подумал – мы так хорошо беседовали в прошлый раз. Почему бы не повторить это?

– А-а... – разочарованно протянула я. – Значит, тебе понравилось со мной беседовать? Всего лишь?

– Да, – подтвердил Алексей и непонимающе посмотрел на меня. – Разве этого мало?

Я подумала. Действительно, наверно, этого немало. Со мной так хотят побеседовать, что несколько дней подряд поджидают меня. Это, наверно, потому что я умная. Я умная, вот Алексею и нравится общаться со мной. Кстати, я о чем-то хотела спросить его. «О чем?» – Я напряженно стала вспоминать.

– Может, тебе неинтересно было со мной? Я и сам подумал об этом. Все о церкви, да о церкви... О монахах каких-то... Разве нет других тем? К тому же, я тебя, наверно, напугал своими чересчур свободными для священника взглядами на церковь и ее служителей.

Я посмотрела на Алексея. Я вспомнила, о чем хотела спросить его! Конечно же, опять о церкви. Почему он тогда сделал вид, что не узнал меня?

– Почему ты тогда сделал вид, что не узнал меня? – спросила я.

Алексей застыл с поднятой рукой. Он ее поднимал, наверно, чтобы почесать нос или поправить волосы. Кисть у него находилась уже где-то возле лица. Вот в таком положении и застал Алексея мой вопрос.

Он постоял несколько секунд. Затем очнулся и опустил руку (вероятно, раздумав чесать нос).

– Это было несколько дней назад, – принялась объяснять я. – В церкви. Мы с тобой два раза тогда встречались. Первый раз

столкнулись (столкнулись!) у двери церковной лавки – я выходила, ты входил. Второй раз я увидела тебя, когда выходила из храма. Ты стоял в стороне и беседовал с другим священником. И в обоих случаях ты сделал вид, будто не узнал меня. С чего бы это?

– Я думаю, ты сама догадалась, почему я так поступил, – сказал Алексей серьезно.

Я кивнула:

– Тебе нельзя было показывать, что ты знаком с какой-то прихожанкой? Боялся, что начну вспоминать про нашу беседу за пивом?

Алексей тоже кивнул.

– Видишь, ты сама все поняла, – сказал он, а затем спросил: – И часто ты ходишь в церковь?

– Очень редко.

– Хорошо, – почему-то обрадовался Алексей. – И правильно делаешь, что редко туда ходишь.

– Это потому что главная молитва – втайне? – спросила я.

– Конечно, втайне, – тут же согласился он. – И вообще, давай больше не будем говорить о церковных и околоцерковных вещах. Ну, больная это тема для меня.

– Хорошо, – согласилась я. И, правда, зачем лишний раз травмировать метущегося священника?

Алексей вздохнул.

– Так почему ты не выходила несколько дней? Скажи, я напугал тебя чем-то?

– Ничем не напугал. А не выходила я потому, что просто хотела побыть дома.

Все слова оправдания мы сказали друг другу, теперь можно было и расслабиться.

Мы молча пошли. Ни о чем не говорилось. В прошлый раз мы побеседовали до позднего вечера, а сейчас ничего мне на ум не лезло. О чем можно говорить с Алексеем? О церкви? Но на эту тему мы поставили крест. Непонятно, о чем можно вести беседу с незнакомцем? Интересно, Алексей так же думает? «В конце концов, – подумала я, – это он подждал меня несколько дней. Это он хотел общаться со мной. Пусть он и находит темы для разговора. А я буду молчать». Я облегченно вздохнула.

Мы шли молча еще некоторое время. Я даже успела забыть, что рядом со мной, нога в ногу, идет Алексей. Но он, я поняла, ни на минуту не забывал об этом. Он мучился оттого, что не знал, о чем бы со мной поговорить. И, не найдя темы, спросил:

- А что тебя интересует?
- Дьявол, – не задумываясь, ответила я. – Я ведь говорила тебе об этом.
- Алексей сделал удивленное лицо и на секунду приостановился.
- Ты опять о том же?
- А что?
- Но ты ведь шутила тогда... когда говорила о нем.
- Почему ты так решил?
- А ты разве не шутила?
- Нет, конечно.
- Но ты ведь не знакома с ним! – воскликнул священник. – Как он может тебе нравится? Ты его знаешь, наверно, только из сказок.
- Какой ты смешной! В сказках-то он страшный, злой, с рогами... Разве такой понравится?
- Вот и я про то же! Кому такой понравится?
- Наверно, никому. Мне точно нет. Более того, о таком Дьяволе я даже думать не хочу.
- Но он такой и есть! – воскликнул Алексей.
- Непонятный ты какой-то. То говоришь, что я не знаю Дьявола, то говоришь, что он такой, каким его описывают в сказках. Может, я тебя не поняла? Что ты имел в виду?
- Алексей сделал умное лицо:
- Я имел в виду, что Дьявол еще коварнее, чем его описывают в сказках. Каким он тебе является? Страшным? С рогами?
- Нет, он мне является совсем не страшным. Наоборот, очень красивым.
- Вот видишь! – обрадовался Алексей. – В том-то и коварство его, что он не показывает свое истинное лицо. Он маскируется под красавца. А вы, женщины, клюете на внешность. Не красота в мужчине главное – когда же вы поймете это? – Алексей горестно вздохнул.
- «И как я сама до этого не дошла? – удивленно подумала я. – Что Дьявол под красавца маскируется, под умного красавца. А нутро-то у него совсем другое!»
- Почувявшие кровь мысли тут же поспешили занять свои места в моей голове. «Вот видишь, – по-старчески нравоучительно произнесла одна из них. – Мы же предупреждали тебя! Что не все просто с этим Демо. Какой он Демо?! Еще и имя себе придумал. Дьявол он! Зачем ему еще одно имя? Короче, хватит чертовщины! Посмотри на Алексея. Чем он хуже Дьявола? Ничем. И ждал тебя каждый день, в то время как ты тщательно пряталась от него». – «Но ведь я думаю о Демо, –

сказала я. – Значит, мне нужен он». – «Глупости! Думать можно о чем угодно. Просто ты слишком оторвалась от действительности. Вот и придумала умного, красивого Дьявола. Глупости все это. Реальнее, реальнее нужно смотреть на жизнь!»

Пока мысли читали морали, Алексей внимательно наблюдал за мной. Наверно, он очень хотел услышать мой ответ на его остроумное открытие – что Дьявол еще более коварен, чем его представляют в сказках.

– Мало ли что ты думаешь о Дьяволе, – сказала я. – Это не имеет значения. Он приходит ко мне каждый... – Я не договорила. Я хотела сказать, что он приходит ко мне каждый день. Но не сказала. Это ведь не так. Демо лишь два или три раза являлся мне. И чем я с ним занималась? Тем же, что и с Алексеем – спорила. «Ну и скверный у меня характер! – подумала я. – И что заставляет меня спорить?»

– Он приходит к тебе каждый день? – удивленно спросил Алексей. – О, как бы я хотел стать Дьяволом!

– А священская одежда? Ты ведь все еще в церкви служишь.

– Но мы же решили, что не будем об этом! – Алексей бросил на меня умоляющий взгляд.

– Хорошо-хорошо, не будем. Ты только скажи, кем ты станешь, когда бросишь свою рясу в огонь?

Алексей непонимающе посмотрел на меня.

– Как кем? Нормальным человеком. И буду жить нормальной жизнью.

– То есть ты совершил такой безумный поступок, как побег в церковь, чтобы спустя три года захотеть обыкновенной человеческой жизни?

– Да, – спокойно ответил Алексей. – А что в этом плохого? Вернее, что плохого в том, что я понял истинную цену нормальной человеческой жизни? Пусть даже благодаря такому поступку.

– А как же Бог? Он не осудит тебя?

– Бог не осуждает. Ты разве не знала об этом? Тем более он не осудит меня за верный шаг, быть может, даже за самый мой верный шаг за последние три года.

Какое-то время мы шли молча. Затем Алексей заговорил снова:

– Но ведь Дьявол – это иллюзия, плод твоего воображения. Ты разве не поняла этого?

– Но он приходит ко мне – как только я этого захочу.

– Не верю!

Как же быть? Не переубеждать же Алексея. Ладно, пусть он считает, что я сочиняю про Дьявола. Я глупая девочка. Мне хочется

необыкновенной сказки, вот я и придумываю всякое. А второй вариант? Я – не вполне нормальная. Поэтому мне и мерещится Дьявол. А что думает Алексей? Он все же считает меня сочинительницей или не вполне нормальной? Я так и спросила у него. Он, не задумываясь, ответил:

– Я считаю, что ты меня разыгрываешь.

Я и забыла, что может быть и третий вариант! Значит, Алексей считает, что я его разыгрываю. Кстати, он уже говорил такое – что я шучу про Дьявола.

– Значит, ты так считаешь? – сказала я. – Ладно. Но для чего мне тебя разыгрывать?

– Мало ли для чего. Просто так. Люди многое делают просто так. От скуки, от рутины...

– Пусть будет так, – согласилась я.

Но Алексею, видимо, разговоры о Дьяволе вдруг стали нравятся. Он начал входить во вкус. Стоило мне согласиться, что я его разыгрываю, он сразу же проявил интерес к Демо. Какой он, однако!

– Пусть ты прикалываешься надо мной, – сказал он. – Это твое дело. Но расскажи мне об этом Дьяволе. Что он собой представляет?

– Но он же коварен, – ехидно заметила я.

– Ну и что, – невозмутимо сказал Алексей. – Пусть коварен. Если тебе, девушке, он не страшен, то мне, мужчине, должно быть просто стыдно бояться его. Так как он выглядит?

– Какой ты невнимательный! Я ведь говорила тебе об этом. Он не страшный, и у него отсутствуют кошмарные атрибуты любого черта – рога, шерсть, копыта, горящие глаза... Он красивый, он очень, очень... – Я вспомнила Демо и вздохнула.

– Еще? – нетерпеливо спросил Алексей. – Ты не вздыхай. Ты лучше скажи, что в нем еще примечательного?

– Ну... Еще он умный. Очень умный.

– И в чем же его ум? – усмехнулся Алексей.

– Он так мудро говорит. Он так необыкновенно говорит о церкви. Он говорит, что он там самый главный.

– Где? В церкви? – У Алексея округлились глаза.

– Да, – удивленно ответила я. – А что в этом странного?

Алексей задумался.

Вы заметили, что я удивилась его реакции? А ведь недавно сама точно также диву давалась, когда Демо говорил мне о тех же вещах. Надо же! Как быстро я успела привыкнуть к новым взглядам. А, может, Демо действительно подавил мою волю – и я теперь думаю

так, как он хочет? Надо бы подумать над этим еще раз. Как следует подумать.

Мысли тут же поспешили высказаться на этот счет. Но я отмахнулась – не до них сейчас. Я Алексеем занята.

– Может, что-то в этом и есть, – наконец, сказал Алексей, выйдя из состояния задумчивости. – А еще? Что еще ты скажешь о Дьяволе?

– Он могущественный.

– Это понятно. Дьявол должен быть таким. Но в чем его могущество?

– Он умеет появляться, когда я этого захочу. Умеет также исчезать внезапно. А в последний раз он оставил мне цветы – белые лилии. Они словно соткались из воздуха. Ко мне постучались соседки снизу. Я немного поговорила с ними. Когда же я вернулась в комнату, Демо нигде не было. А на диване лежали эти самые лилии. Очень красивые. Они до сих пор стоят у меня в вазе.

– Демо? – спросил Алексей.

– Ах, да! Я ведь тебе еще не сообщила: моего Дьявола зовут Демо. Почти демон. Мило, не правда ли?

– Демо так Демо, – пробормотал Алексей. – Что ж...

– Тебе не нравится это имя?

– Почему же? Вполне подходящее. Почему бы и нет? Значит, он подарил тебе цветы?

– Да, – с гордостью ответила я. – Сам Дьявол подарил мне цветы! Представляешь!

– И все? Он подарил тебе только цветы?

– Да.

– И больше ничего?

– Больше ничего. А что, мало?

– Так цветы тебе любой может подарить. Да хотя бы я.

Мы как раз проходили мимо бабушек-цветочниц. Алексей подбежал к ним, купил букетик и вручил его мне.

Я улыбнулась. Я ведь женщина. И мне приятно принимать цветы от кого угодно – хоть от Дьявола, хоть от священника.

– Но твои-то купленные! – Я не могла не съязвить. – А Демо создал лилии из ничего. Хотя твои цветы тоже красивые, – добавила я, видя, что Алексею не очень понравилось упоминание другого мужчины.

– А ты попроси этого Демо подарить тебе еще что-нибудь, – предложил Алексей. – Этакое необычное. Что не способен сделать ни один человек.

– Зачем? Чтобы проверить, действительно ли он всемогущий?

– А почему бы и нет? Разве тебе не интересно посмотреть на чудеса, которые может показать только Дьявол? К тебе является сам Дьявол! Представляешь! Ты можешь попросить его о чем угодно. Он все исполнит. Если он по-настоящему всемогущий, он все исполнит.

– Занятная идея, – согласилась я. – Надо бы попросить Демо продемонстрировать что-нибудь сверхнеобычное.

– И вещественные доказательства! Вещественные доказательства не забудь взять, когда будешь свидетельницей этого сверхнеобычного.

Я собралась было обидеться на Алексея за то, что он не доверяет моему Дьяволу и просит какие-то доказательства, но, подумав, раздумала. Он-то не могущественный. Он вообще никогда не видел могущественных. Вот и не верит, что кто-то может быть таким. Я снова удивилась, что в Дьявола Алексей упорно не верит. Хоть и заинтересовался им. «А если бы мне явился сам Бог, – подумала я, – он бы тоже не поверил? Также потребовал бы эти самые «вещественные доказательства»?» Меня развеселили мои рассуждения, и я засмеялась.

– Тебе смешно? – спросил Алексей.

– Очень. Я вот что подумала. А если бы ко мне пришел сам Бог, ты также потребовал бы вещественные доказательства?

– Но к тебе же не является Бог! Или является? – Алексей прямо-таки впился в меня взглядом.

– Нет, не является.

– Слава Богу! Хотя, может, было бы лучше, если бы к тебе являлся все же Бог, а не какой-то Демо.

– Почему какой-то? – обиделась я.

– А ты покажи вещественные доказательства, тогда я перестану так о нем отзываться. Как я могу просто так взять и поверить в твои сказки о Дьяволе?

– А тебя никто и не заставляет верить.

– Ну уж нет! – твердо сказал Алексей. – Ты меня заинтриговала. Раз поделилась со мной тайной о явлении к тебе Дьявола... Тебе что, трудно попросить его...

– Нет-нет. Как только он явится, я обязательно попрошу его сотворить что-нибудь необычное.

– Сверхнеобычное, – поправил Алексей.

– Я это и имела в виду.

– Будем ждать.

«Ага! – воскликнула зловредная мысль. – Теперь и Алексей будет ждать появления этого Демо. Ждите, ждите, когда он явится вам

из своего иллюзорного мира!». Я не обратила внимания на нее. Это не имеет значения, из какого мира является Демо. Главное, он является. И пусть его жду теперь не только я. А еще и Алексей. Что в этом плохого? Священник решил разобраться, кто такой Дьявол. Смелый священник – что я могу еще сказать. Пусть он не такой могущественный, как Демо. Вернее, он совсем не могущественный. Но этим он, может, и прекрасен, – подумала я.

Я подумала, что Алексей тем и прекрасен, что он не могущественный! Вот это да! Наверно, и я нравлюсь Демо из-за того же самого. И почему я сразу до этого не додумалась? Что я понравилась Дьяволу тем, что я не могущественная. Вот и все. Зачем ему всеисильные женщины? Он видит их каждый день в своем иллюзорном, как выразилась мысль, мире. Могущественная женщина – не женственна. Женственной может быть только слабое создание. Вот Демо и выбрал меня.

«Это ты себя считаешь слабой? – перебивая друг друга, загалдели все мысли сразу. – Это ты себя считаешь женственной? Это...» – «А разве я не слабая? – спросила я. – Разве я не женственная?» – «Но это не скромно, так говорить о себе». – «Почему?» – удивилась я.

Мысли собрались учить меня дальше, но их перебил Алексей.

– Ты меня слышишь? – спросил он.

– Ты что-то сказал?

– Я спросил, завтра вечером ты выйдешь?

– А-а! Ты про это! Конечно, выйду.

Мы, оказывается, уже стояли у подъезда моего дома.

Алексей протянул мне руку. Я протянула свою. Он хотел поцеловать ее, но я успела вырваться.

Затем я повернулась и вошла в подъезд. В моих руках благоухал скромный букетик цветов.

10. Дьявольские украшения

Не сразу попав ключом в замок, я, наконец, открыла дверь. Нащупала в темноте выключатель и нажала на него. Маленькая лампочка осветила прихожую. Я сняла босоножки и вошла в комнату – единственную комнату моей однокомнатной квартиры.

После разговора с Алексеем я почувствовала себя опустошенной. Сначала, значит, он не хотел слушать про Демо – как выяснилось, потому что не верил в него и считал, что я его разыгрываю. А потом вдруг заинтересовался им, причем сильно заинтересовался. И начал требовать «вещественные доказательства» того, что ко мне является сам Дьявол. Для чего они ему? «Как для чего? – поспешила заступиться за священника одна их мыслей. – Ему же интересно! Три года читал в церкви молитвы, исправно служил Богу, а ты вдруг про Дьявола ему стала рассказывать. Да еще не про плохого, а про хорошего. Здесь кто угодно им заинтересуется». – «Заинтересуется, если поверит, – добавила другая мысль. – Не каждый поверит в Демо. Хорошо, Алексей поверил. Да и то не сразу. Да и то, может, еще не поверил. Вот и требует вещественные доказательства. Не вздумай кому-то еще рассказывать про Демо». – «Уж сама понимаю, – сказала я мыслям. – Да и Алексею я бы не стала рассказывать. Просто получилось так. Он спросил: «Что меня интересует?» Я честно ответила. Или мне нужно было соврать?» – «Могла бы и соврать, – сказала какая-то мысль. – Ничего плохого в этом нет. Во всяком случае, разговоров про Дьявола и требования «вещественных доказательств» не было бы. И ты бы чувствовала себя спокойнее». – «Но я бы тогда зевала рядом с Алексеем, – сказала я. – Мы с ним сейчас хоть о Дьяволе спорим. А иначе не о чем было бы с ним говорить. Не о церкви же?» – «Зачем тебе с ним говорить о чем-то? Мне кажется, ты слишком много значения придаешь разговорам».

Я подошла к окну, открыла его и высунула голову в летнюю ночь. Легкая прохлада чуть освежила меня.

Я начала смотреть на лес. Я смотрела на него и смотрела. Смотрела и смотрела. Вспоминала, как иногда он превращался в пропасть. Вместо леса внезапно появлялась пропасть. А позади возникал равнодушный мир. Они не могли существовать друг без друга – пропасть и равнодушный мир. Но при этом они никогда не сталкивались! Они с разбегу налетали друг на друга, но на их пути всегда оказывалась я. У них была единственная возможность

избавиться от такого препятствия, как я. Равнодушный мир должен был отнять последние сантиметры моего мира и лишить меня воздуха. А пропасть сделать хитрый маневр – предложить мне глоток свежего воздуха и, тем самым, одурманить меня и проглотить. Но так получалось, что я оказывалась сильнее всех – и равнодушного мира, и ненасытной пропасти.

Кто-то легонько коснулся моих плеч. Я еще не обернулась. Я еще не успела ни о чем подумать. Я еще не успела испугаться. Но я уже знала,

что это был Демо. В одно мгновение исчезли все неприятные воспоминания. Я оглянулась – конечно же, это был он.

– Извини, что пришел без приглашения, – услышала я тихий, нежный голос. – Мне вдруг показалось, что прошла вечность. Я вспомнил, что ты человек – а люди не умеют жить вечно. Я сидел в избушке и подумал об этом. Я испугался – а вдруг ты меня уже не ждешь? Я тотчас взлетел, как ты... тогда... помнишь? И пролетел через все расстояния, разделявшие нас. Прости, мне показалось, прошла целая вечность. «Мне показалось, прошла целая вечность...» – эхом отозвался за окном лес. Или пропасть?

Мне захотелось прижаться к нему. Мне захотелось утонуть в его объятиях. Мне захотелось сказать ему многое...

Но я стояла и ничего не говорила. Я стояла и не двигалась. А потом почему-то спросила:

– Почему ты сидел в избушке? В какой избушке? Разве дьяволы живут в избушках? И почему ты взлетел как я? Я разве взлетала когда-нибудь?

Нет-нет, это не я такое сказала! Эти вопросы высказали вслух мои мысли, даже не попросив у меня разрешения на то. Я бы, конечно, не позволила им задавать их. Какое это имеет значение, где живет Демо. И пусть он взлетает, как я. А, может, я действительно когда-то взлетала.

– Хочешь переселиться в мой мир? – сказал Демо, выслушав мои мысли. – Ты будешь жить там вечно. Ты станешь богиней – единственной богиней в совершенном мире.

Вот те раз! Мне предлагают стать богиней, да еще и в совершенном мире!

– А мой мир, значит, не совершенный?

– Он не вечный.

– Не вечный – то есть несовершенный? Ты это хотел сказать? Но меня ведь создал именно этот – несовершенный – мир. Как я могу стать богиней в совершенном мире, если я родом из несовершенного?

Демо молчал. Я тоже помолчала, пытаюсь понять свою философию.

– А тебя создал вечный мир, – продолжила я. – И там много богинь. Они красивее, могущественнее и умнее меня. А я кто?

– Я не люблю богинь – за то, что они умные и могущественные. Меня не притягивает их вечная холодная красота. Есть что-то невероятно притягательное и таинственное в мимолетности жизни, человеческой жизни.

– Тогда почему? Почему ты предлагаешь мне уйти в вечность?

Демо вздохнул.

«Что-то здесь не так! – высказала какая-то мысль. – Он говорит, что есть что-то притягательное и таинственное в мимолетности жизни, а сам предлагает поселиться тебе в вечности. Что-то здесь не так!» – «Да-да, нелогично все получается! – подхватила другая. – То ли он путается, то ли затевает что-то. Главное, не попасться на удочку. Он ведь Дьявол все-таки!» – «А вещественные доказательства! – выкрикнула очередная залетяга. – Ты забыла о них!»

Ах, да! – спохватилась я, вспомнив, что обещала Алексею раздобыть их. Хватит философствовать! Пора за дело взяться.

– А ты можешь подарить мне что-нибудь? – прямо спросила я.

«Какая я, однако, меркантильная! – подумала я и ужаснулась. – Может, отменить вопрос? Нет уж, не получится! Поздно. Вопрос-то произнесен».

Но Демо моя просьба, видимо, несколько не озадачила.

– Конечно, – улыбнулся он, сделав легкое движение кистью руки. И, точно фокусник, вынул откуда-то огромный букет цветов. И протянул его мне.

Не успела я улыбнуться, как Демо дотронулся до мочек моих ушей.

– Подойди к зеркалу.

Я покорно зашагала к отражательному стеклу.

– Ах! – только и сказала я.

На мне сияли невиданной красоты серьги с капельками изумрудов и бриллиантов (настоящих! – в этом я не сомневалась).

– И это мне? – не поверила я.

– Конечно! – ответил Демо.

– Теперь я настоящая королева!

Демо дотронулся до моих волос – вмиг засверкала сказочная диадема.

Я совсем лишилась дара речи. Я, потрясенная, смотрела в зеркало.

– Я теперь не королева, – прошептала я. – Я теперь – богиня. Потому что такие украшения не может носить простая смертная.

Я продолжала смотреться в зеркало. В одну минуту я стала обладательницей невероятно дорогих сокровищ. В одну минуту из скромной, живущей в маленькой однокомнатной квартире девушки я превратилась в богатую даму. Вот так-то происходит иногда!

– Но куда же я надену их? – наконец опомнилась я. – Мне и надеть-то их некуда.

– Это поправимо! – сказал Демо. Он, видимо, вошел во вкус. Он снова почувствовал вкус всемогущества. Он снова почувствовал себя Дьяволом! – Сегодня же будет бал! – торжественно объявил он. – В честь тебя! Ты будешь самой красивой. И, как полагается, на тебе будет роскошное платье.

На этот раз он не делал никаких жестов. Он просто стоял и смотрел на меня, а на мне появилось прозрачное поблескивающее розовое платье. Оно было длинным, почти до пят, и настолько прозрачным, что совершенно не скрывало мое тело.

Мне стало ужасно стыдно. И в таком наряде Демо собрался отправить меня на бал? «Или я что-то не понимаю?» – начала было рассуждать я, но решила не торопиться с выводами. С этим Дьяволом все не так просто! И с его балом тоже не все понятно.

– Но ведь я абсолютно голая. – Я постаралась сказать это как можно спокойнее. – А платье абсолютно прозрачное! И вообще, зачем оно мне? Это не платье, а воздух. Ты мне подарил дорогие украшения, но платье твое абсолютно непонятное.

– Но оно ведь красивое! – Демо словно не понимал моего возмущения.

«Он, наверно, притворяется непонимающим, – подумала я, – а сам решил просто посмеяться надо мной».

– Ты хочешь быть одетой под таким платьем? – спросил он.

– Но королевы не носят подобных нарядов!

– Но ты не королева, ты – богиня. Ты сама это сказала. А богини только такие платья и носят. Они не прячут свои совершенные тела под кучей тряпок. А королевам обычно есть что скрывать, поэтому они и надевают помпезные наряды на затянутые корсетом тела. Тебе не нужно ничего скрывать. Сегодня же... Прямо сейчас мы отправляемся на бал! Для этого тебе нужны еще туфельки. – Демо посмотрел на мои голые ноги.

– Не надо бала! – закричала я. – И туфелек не надо. Ты решил сделать из меня Золушку? Думаешь, я не знаю эту сказку? Ты мне даришь туфельки, а ровно в полночь я убегаю абсолютно голой, да

еще и в одной туфельке. Нет уж, не надо мне таких приключений! И не надо подарков! Никаких!

Находясь на грани эмоционального срыва, я даже решила вернуть Демо только что подаренные им украшения и платье.

Но не сделала этого. Все мои мысли, точно туча бешенных ос, вмиг вцепились в меня! Они возмущались, они кричали, они убеждали меня не делать этого. Ни в коем случае! Я послушала их и решила оставить драгоценности у себя.

Я еще раз посмотрелась в зеркало. Конечно, не стоит отказываться от всего этого! То, что я хотела сделать сгоряча, теперь казалось дикой нелепостью. Магическая красота украшений и волнующая невесомость платья, умещающегося в ореховой скорлупе (наверно, умещающегося), словно загипнотизировали меня. Пусть одеяние и прозрачное. Но оно такое... Такое!.. Трудно передать это словами. Раз в жизни мне сделали столь роскошные подарки, а я в порыве эмоций чуть не отказалась от них! Ну уж нет! Может, Демо больше ничего не подарит мне? Решит, что и этого достаточно. «Ну и жадина он тогда, твой Демо! – пискнула противенькая мысль. – Всего лишь один раз подарил что-то стоящее и решил, что хватит». – «А, может, и не жадный он вовсе? – заступилась другая. – Может, он еще многое подарит? Но даже того, что он сейчас подарил, – очень много. Эти украшения, кстати, можно продать и получить кучу денег. Платье, правда, странное. Но его можно считать бесплатным приложением к драгоценностям». – «А зачем продавать украшения? – возмутилась еще одна мысль. – Это же подарок!» – «Но с этими подарками никуда не пойдешь. Некуда».

Пока я слушала спор мыслей, Демо грустно смотрел на меня. Он-то хотел как лучше! Он подарил мне сказочные вещи, пригласил на бал, а я на него накричала! Отказалась от туфелек. «А, может, не стоит отказываться от них? – мелькнула мысль. – Может, и не исчезнут они? У тебя ведь другая сказка!»

И как это я раньше не догадалась! У меня ведь другая сказка! У меня все по-другому. Надо сказать что-нибудь Демо. А то он выглядит таким расстроенным.

– Я не хотела тебя обижать, – начала оправдываться я. Я уже остыла и могла говорить спокойно. – Пойми, раньше мне никто не делал таких подарков. И я никогда не была на настоящем балу. Я всегда жила скромно.

Я вздохнула. Все, что я сказала, было правдой. Я говорила Демо истинную правду.

– Мне привычна скромная жизнь со скромной одеждой и скромной едой, – продолжала я. – Я не знаю, что такое жить в роскоши. Поэтому я и испугалась, когда ты предложил мне туфельки и бал.

– Ты испугалась туфелек и бала? – удивленно переспросил Демо.

– Да.

Неужели я действительно испугалась туфелек и бала? Нет, что-то не то я сказала! Не могла я их испугаться. Так чего же я все-таки испугалась?

– Кстати, а эти подарки, что ты уже сделал, не исчезнут? – спросила я, так и не поняв, чего же я все-таки испугалась.

– Почему ты считаешь, что они должны исчезнуть? – снова удивился Демо.

– Это же подарки Дьявола. А от него, то есть от тебя, можно ожидать что угодно. К тому же, безвозмездными подарки не бывают. Этому родители учили меня с детства. Они говорили, за все надо платить.

– Но Дьявол умеет дарить безвозмездно! Скажи, чем ты можешь заплатить мне за подарки? У тебя ведь лишнего рубля нет.

– Как чем? – поспешила сказать я (Надо же! – успела подумать я. – Он знает, что у меня нет лишнего рубля). – Дьяволы признают только одну валюту – душу. Они все меряют количеством загубленных душ.

– Ты опять про то же! Думаешь, мне нужна твоя душа?

– А что еще может желать Дьявол? Кстати, твои подарки обладают силой? Дьявольской силой?

Демо грустно вздохнул. Ему опять нужно было оправдываться! Вот и делай после этого подарки людям!

– Хочешь, я открою тебе страшную тайну?

– Открывай, – ответила я в предвкушении сюрприза.

– Ни украшения, ни платье не обладают какой-либо силой. Это просто подарки и все.

Да?! Я недоверчиво посмотрела на Демо.

– Неужели? – Я почему-то засмеялась.

Вслед за мной засмеялся и Демо.

Я впервые увидела, как смеется Демо. Интересно! «Значит, вот как смеются дьяволы! Вполне как люди. Почти как люди».

Я вдруг осознала, что некоторые мои мысли до потери пульса влюбились в Демо. Они защищали его всегда. Они защищали его как могли. Иногда глупо. Как сейчас, например. «А вот и вещественные

доказательства! – воскликнула одна из них. – Значит, Демо действительно есть. Он реален. И его подарки тоже реальны. Они не исчезнут. Покажи их Алексею, и он поверит. Обязательно поверит! Потому что если бы эти украшения были у тебя давно, ты бы не жила в малюсенькой однокомнатке. Значит, эти украшения появились у тебя только сейчас. Их мог подарить тебе только Дьявол. Кто же еще? Вот и доказательства». – «Не могут украшения быть доказательством, – возразила другая мысль, более спокойно относящаяся к Демо. – Кроме того, их никому нельзя показывать, в том числе и Алексею. Они слишком дорогие, чтобы их можно было демонстрировать кому-то. Так что нет пока вещественных доказательств». – «Значит, моим украшениям придется пылиться в коробочке?» – с сожалением подумала я. «Но ведь Демо подарил их для бала», – снова заступились за любимчика некоторые мысли. «Тогда нужны другие доказательства, – сказали мысли, не забывающие Алексея. – Попроси их у Демо». – «Прямо так и попросить: «Дай мне другие доказательства»? – удивилась я. «Да». – «Но это же некрасиво. Так нельзя!» – «А ты попроси Демо сделать что-нибудь супернеобычное. Как предлагал Алексей».

– Так ты хочешь на бал? – спросил меня Демо.

Я даже вздрогнула. Я-то уже забыла про бал! Наверно, потому что совсем не хотела туда.

– Что я там буду делать? Плясать среди холодных могущественных богинь, которых ты так не любишь?

И, видя, что Демо собрался мне возразить, я поспешила перевести разговор на другую тему. Да ну его, этот бал! «Спрашивай, спрашивай! – поторапливали меня те мысли, которые беспокоились за вещественные доказательства. – Попроси чего-нибудь необычного у Демо».

– Давай пока не будем про это! – выпалила я. – Давай о чем-нибудь другом.

– Хорошо, – согласился Демо. – Давай о другом. О чем?

– Сколько ты можешь исполнить моих желаний? – смело спросила я. (Это только со стороны выглядело, что я говорила смело. На самом деле, я чувствовала себя неловко, задавая этот вопрос.)

– Сколько угодно.

Вот это ответ! Вот это по-королевски! По дьявольски! Это как раз то, что мне нужно! Об этом мечтает любая женщина, а не только я (разве не так?).

У меня чуть не закружилась голова. Я с восхищением посмотрела на Демо. Неужели он действительно такой?

- А тебе это не трудно? – на всякий случай спросила я.
- Нисколько.
- И ты можешь исполнить любое мое желание?
- Почти любое. Я, конечно, всемогущий, но не абсолютно. Но твои желания, я думаю, смогу исполнить. Ты ведь не попросишь меня сделать то, что мне не под силу?
- «Ага, значит, что-то он все-таки не умеет делать! Ну и что! – снисходительно подумала я. – Не нужны мне такие желания, которые Демо не может исполнить. Достаточно и тех, которые ему под силу».
- И этих желаний может быть сколько угодно? – еще раз спросила я. Трудно же сразу поверить в то, что могут исполнить почти все твои желания.
- Сколько угодно.
- И тебе, значит, не трудно их исполнить? – в последний раз уточнила я.
- Только приятно, – ответил Демо как истинный джентльмен. Или рыцарь? Хотя какая разница!
- Ух, ты! – восторженно выдохнула я. У меня снова чуть не закружилась голова – У меня сейчас такое ощущение, будто я падаю вниз с высокой горы, – поделилась я своими ощущениями. – Это даже трудно представить, что любое мое желание может сбыться!
- Но это действительно так! Ты боишься дорогих подарков? Хорошо, я не буду дарить тебе такие. Но у тебя наверняка есть желание, о котором ты думаешь с замиранием сердца.
- «Какой он умный! – снова восхитилась я Демо. – И заклонило меня на этих «вещественных доказательствах». А ну их! Передо мной – сам Дьявол! И я могу просить его о чем угодно! А я, мелочная, думаю совсем не о том». – «Но ты ведь обещала Алексею...» – робко попыталась напомнить мне какая-то мысль. «Если Алексей хочет этих доказательств, то пусть сам и просит их у Демо, – отмахнулась я. – А я хочу другого».
- Итак, мне нужно было в срочном порядке придумать желание. Как можно быстрее. Демо-то ждет!
- Я не знаю... – несмело и скромно начала я. (Так я тянула время. Пока я тянула ничего не значащую фразу, я срочно придумывала желание). – Я действительно не знаю, чего я хочу. Недавно я хотела Дьявола (втайне), и ты появился. Теперь я даже не знаю, что мне надо. Может, желание у меня и есть, но только почему-то оно не приходит на ум. А, может, мне, действительно, больше нечего желать? – испугалась было я. – Хотя нет, есть! Вспомнила! –

тут же оживилась я. – У меня есть желание. Но оно мне кажется совсем не осуществимым.

– Тебе только кажется, что оно не осуществимо.

– Ты уверен?

– Абсолютно.

– Хорошо. В таком случае я скажу о нем. Знаешь, я часто вспоминаю детство. Вот и все мое желание – я хочу в детство. В то время все на свете мне казалось волшебным, и я верила в сказки. Это была самая счастливая пора моей жизни. Но тогда, будучи маленькой, я не ценила свое детство. Я хотела быстрее вырасти и стать взрослой. Ты можешь отправить меня туда? Хотя ненадолго. Хотя на чуть-чуть! – начала я упрашивать Демо, словно боялась, что он откажет исполнить это мое желание. – Но чтобы при этом я оставалась взрослой, – добавила я.

– Конечно, моя королева, – улыбнулся Демо. – Нет ничего проще. (А ведь он действительно Дьявол!)

– Только сначала я сниму с себя все это! – Я быстро переоделась в простое платье, сняв предварительно дорогие украшения.

– Как хочешь. – Мне показалось, Демо стал немного грустным.

Затем он подошел ко мне. Он подошел очень близко. Я даже чуть испугалась. Что он собрался сделать?

А ему, оказывается, нужно было просто посмотреть мне в глаза. Вот и все. Ему нужно было через глаза заглянуть в меня, чтобы увидеть мое детство. И отправить меня туда.

У меня закружилась голова. И я начала задавать глупые вопросы. (Это я после вспомнила. Это мне после показалось, что я задавала какие-то вопросы.)

– А ведьмы? – Это был мой первый глупый вопрос.

– Причем тут ведьмы?

– В том, вечном, мире живут только богини или там есть и ведьмы? – Это был другой мой глупый вопрос.

– Ведьм где угодно хватает, – с улыбкой ответил Демо.

– Ага, – понимающе протянула я.

– И что ты заговорила о ведьмах? Ты считаешь, Дьяволу нравятся ведьмы?

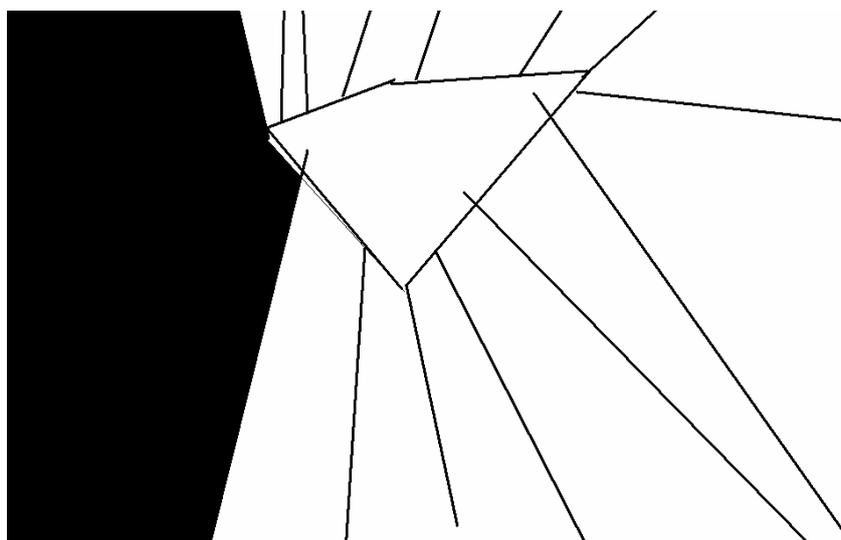
– Почему бы и нет?

– Ты действительно так считаешь?

– Ну, они же одного поля ягоды с тобой, – съязвила я.

Демо засмеялся.

И я очутилась в детстве.

11. В детстве

«Как много здесь солнца!» – подумала я и подняла голову.

Небо было высоким и чистым. Несколько легких, прозрачных облачков украшали эту бездонную синеву. Ослепительно сияло солнце.

Я давно не видела такого яркого солнца и так много синего неба.

Я стояла, задрала голову. Солнечно-синяя сказка заморозила меня. Я смотрела на светило, и моим глазам совсем не было больно. Словно это происходило во сне.

Я вспомнила, что иногда, во снах, я видела такое же солнце. Я неотрывно смотрела на него. И моим глазам также совсем не было больно. Я помню, удивлялась тогда, во снах, почему люди не могут долго смотреть на светило. Я ведь смотрю!

Сейчас происходило то же самое. «Может, я сплю?» – мелькнула мысль. Может, и сплю. Но как это проверить? Как это проверить, если я неотрывно смотрю на солнце и не хочу отрывать от него взгляда?

«Надо опустить голову», – посоветовала какая-то мысль. «Легко сказать – надо опустить голову, – ответила я. – А как это сделать?» –

«Очень просто. Нужно оторвать взгляд от солнца – усилием воли – и опустить взгляд. Попробуй! Это нетрудно».

Медленно, очень медленно я начала отводить взгляд от солнца. Я никогда не думала, что это можно делать бесконечно долго! Целую вечность. А, может, я стала немного Дьяволом? – если простое движение совершаю целую вечность. Или это все же сон?

Я, наконец, поняла, как можно быстро оторвать взгляд от солнца. Это же очень просто! Сначала нужно закрыть глаза – и это будет главным действием. Затем безболезненно опустить голову. А затем снова открыть глаза и посмотреть по сторонам. Вот и все! Только ни в коем случае не поднимать снова голову! Во второй раз закрыть глаза будет гораздо труднее. На это уже потребуется вечность.

Я так и сделала. Я закрыла глаза – я это сделала с необычайной легкостью – и вздохнула. Затем голова легко, очень легко опустилась – я снова вздохнула. И только после этого я снова открыла глаза.

Я увидела не менее восхитительную картину, чем безумно яркое солнце в синеве. Я увидела речку. Такую знакомую! Откуда же я знаю ее?

Я все вспомнила. Это не сон.

Это мое детство! И эта речка – также из далекого детства. Я не видела ее давно, очень давно. Когда я начала ходить в школу, наша семья переехала в другой город, и эта речушка, казалось, навсегда исчезла из моей жизни. И вот она снова появилась. У меня закружилась голова. «Нет-нет, все-таки это сон!» – только успела подумать я, и мои ноги подкосились.

Я едва удержалась на ногах! И снова помочь мне вызвалась та же мысль, которая советовала, как нужно отрывать взгляд от солнца. Едва я начала падать, она крикнула: «Нельзя, нельзя падать! Подними себя!» – «Как это сделать?» – спросила я, продолжая падать. «Сконцентрируй всю свою волю, напряги все мышцы – и встань!»

Я начала концентрировать свою волю и напрягать все свои мышцы. И опять этот процесс стал долгим, очень долгим! Я напрягала мышцы также долго, как и отрывала взгляд от солнца. Я опять начала чувствовать себя немного Дьяволом, покоряющим вечность.

Я поняла, как нужно быстро поднять себя. Это так просто! Нужно лишь вскинуть руки – высоко-высоко. К самому солнцу. Но при этом не смотреть на него – иначе застыну навсегда. Застыну в той позе, в какой взглянула наверх. И уже никто не сможет помочь мне. Даже Дьявол. Он ведь говорил, что его всемогущество не абсолютное. Он кое-что не умеет. Разорвать вечность он не сумеет никогда!

Поэтому, закрыв глаза – на всякий случай – чтобы не было соблазна взглянуть на солнце, я подняла руки. Я это сделала без усилий. Это оказалось таким же легким действием, как и закрыть глаза, когда я отрывала взгляд от солнца. Я подняла руки – они взлетели до самых небес – и я увлеклась за ними. Я взлетела! Я взлетела к небесам!

Вместо того чтобы падать, я стала взлетать. Но я не хотела этого! Я хотела встать на ноги. Значит, нужно было еще что-то сделать. И я знала что – опустить руки.

Так, постепенно, я училась жить в мире, где под солнцем уютно грелось мое детство.

Я опустила руки и легко приземлилась. Я сделала это быстро и безболезненно. Спустилась с небес и даже не ушиблась!

Теперь мне нужно было оглядеться по сторонам. Ведь в моем детстве были не только высокое синее небо, завораживающее солнце и речка под ногами. Там много чего было!

Я огляделась. И первое, на чем остановился мой взгляд, был старенький деревянный мостик. Когда я была маленькой, я любила ходить по нему от одного берега до другого по сто раз подряд. И мне никогда не надоедало это делать! Теперь бы мне и в голову не пришло – бесконечно ходить взад-вперед по какому-то мостику.

Я прошла по нему. Один-то раз можно пройтись!

Я дошла до другого берега. Но затем вернулась на прежний. «Я еще не все здесь посмотрела», – вспомнила я.

Вода в речке была такой же зеленой и мутной, как и раньше. В детстве родители рассказывали мне, что где-то, в других местах, текут совсем другие речки, прозрачные. Такие прозрачные, что, глядя на них, можно увидеть дно. Но я, глядя на свою мутную речку, никак не могла поверить в это. Мне это казалось неправдоподобным. Я была уверена, что взрослые сочиняют. В сказки я верила. А в то, что где-то есть прозрачные речки, я не верила. Такой вот парадокс детства!

Вдоль берега росли дубы. Это были прекрасные дубы. Самые красивые на свете. Я в этом убедилась позже. Когда взрослой увидела другие подобные деревья. Они тоже были красивыми, но уже не производили на меня какого-либо впечатления. Самое яркое впечатление производили на меня вот эти дубы, что росли вдоль родной речки. Только эти дубы упирались макушками в небо, а все остальные были ниже облаков.

Я остановилась возле самого большого дерева. Когда-то оно казалось мне огромным. Очень высоким. Высоченным-превысоченным. Но сейчас – странно! – этот дуб не показался мне

громадным. И он совсем не упирался макушкой в небо. Это был самый обыкновенный, средний дуб. Я разочарованно посмотрела на него. «Но он все же такой милый!» – пришла на помощь какая-то мысль. «Потому что он – из детства», – добавила другая.

Я подошла к нему, потрогала шершавую кору. Теплые, щемящие чувства переполнили меня. Я обняла ствол и заплакала. Он, несомненно, волшебный! Я это знаю. Когда я была маленькой, папа говорил мне, что на свете очень много волшебных вещей. Нужно только найти к ним ключи. Они где-то лежат и ждут своего часа. Ключи, оказывается, тоже ждут своего часа! – волшебного часа. Но где же спрятан ключ к этому дубу? Где?

Я вдруг заметила на земле желуди. «Желуди, настоящие желуди!» – обрадовалась я. Но потом удивилась: «Но сейчас ведь лето, а не осень. Сейчас не сезон падения желудей».

Я оглянулась. Лето, конечно, лето, если даже не весна. Что-то здесь не так! Так какое же время года сейчас? «А разве это имеет значение?» – тут же подумала я. Я ведь попала не в обычное детство. Я попала в детство, которое – в вечности. Правда, я пока не уверена в этом, я лишь предполагаю. Демо отправил меня в детство, которое, после того, как я выросла, переселилось в вечность. А в таком детстве может быть все что угодно!

Надо сказать, что там, где я живу сейчас, не растут дубы. Может, и растут, но только я их никогда не видела. И я почти забыла эти могучие деревья. Я почти забыла, что под ними могут лежать желуди. А ведь маленькой я так любила их собирать!

Я наклонилась и подняла несколько плодов. Мои движения были легкими, очень легкими. Не было того бесконечного замирания в вечности. «Вечность покорила меня!» – подумала я и улыбнулась своей первой победе в этом удивительном мире.

Желуди были гладкими и приятными на ощупь. Небольшие шероховатые шляпки служили кокетливым украшением. Девочкой, я не могла спокойно смотреть на них. Я их тут же срывала!

Я и сейчас проделала то же самое. Как и в далеко ушедшем времени, я сорвала эти шляпки. Желуди оголились и стали съедобными на вид. Они стали похожими на коричневые карамельки. Но это был обман – я знала. Желуди нельзя есть как конфеты!

Я посмотрела на них еще раз и положила в карман. Затем подумала и бросила к ним шляпки.

Рядом с речкой распласталось поле. Когда-то оно тоже казалось мне огромным. Я поняла: в детстве все мне казалось огромным. Я жила в огромном мире. А когда я стала взрослей, мир вокруг стал

почему-то уменьшаться. И теперь это поле, которое когда-то я не могла окинуть взглядом, вдруг стало совсем небольшим. Оказывается, оно имело края! И по этим краям росли деревья. И почему я в детстве всего этого не видела? Может, потому что была маленькой ростом? Неужели только из-за этого?

Поле было сплошь покрыто невысокой травой и простенькими цветочками – невзрачными полевыми цветочками. В детстве я любила собирать из них маленькие букетики. Но почему-то всегда теряла их. То ли, заигравшись, оставляла где-нибудь, то ли случайно роняла, а может, просто теряла к ним интерес и выбрасывала. Самым увлекательным был процесс собирания крохотного букетика, пока цветочки совсем свежие и красивые. Но под солнцем они быстро сникали и теряли свое изначальное очарование.

Я прошла по полю, сорвала несколько цветочков (не смогла остановить себя от этого магического и немножко варварского действия) и отправилась на другой берег.

Я снова перешла через деревянный мостик. И только сейчас заметила, что он покачивается от моих шагов. Когда проходила через него в первый раз, я не заметила этого, а сейчас заметила. Он покачивается! Чуть-чуть, но покачивается. Мостик был живой, он отвечал на каждый мой шаг.

Я ступила на другой берег – и он тоже таил в себе многое.

Вон то место на речке, где я обычно плыла, лежа на надувном матрасе. В детстве я так и не научилась плавать.

Но что же еще таил в себе этот берег? Я не могла сразу вспомнить – что же?

Вспомнила! Вернее, увидела. Это было небольшое деревянное сооружение, которое чем-то напоминало мостик, но доходило лишь до середины речки и упиралось о дно толстыми деревянными ногами.

Этот полумостик был построен специально для рыбаков. Обычно они сидели на нем по двое-трое. Каждый – на разных сторонах полумостика. И, глядя на маленькие поплавки, часами проводили время в неподвижном молчании. Я не понимала таких людей, которые ради нескольких рыбешек готовы были сидеть в застывших позах сколько угодно долго.

Я иногда заходила сюда, смотрела на рыбаков, подходила к каждому – они игнорировали меня: для них единственно важной вещью был их поплавок. Затем я отходила и, топнув по деревянному полу, покидала всех. Мне было скучно здесь.

Но хоть этот мир и был непонятным мне, я почему-то снова и снова приходила сюда. Наверно, в надежде, что, может, на этот раз

здесь что-то изменилось. Но этот мир и не думал изменяться. Он никогда не изменялся. Он всегда оставался безмолвным и неподвижным.

Как-то осенью полумостик был густо засыпан сухими опавшими листьями. Их было так много, что они образовали толстый шуршащий ковер. На краю сидел рыбак с удочкой, у которой слабо подрагивала леска. Рядом стоял другой мужчина и наблюдал за рыболовным процессом. Я помню, меня чрезвычайно удивило тогда, что, оказывается, можно не только заниматься рыбной ловлей, но еще и наблюдать за этим безумно нудным делом.

Я смотрела на стоящего человека. Но он, словно статуя, не замечал меня. Я в очередной раз удивилась этому странному миру и собралась покинуть его. И вдруг обратила внимание на осенний ковер под ногами. Оказывается, здесь бывает не так уж и скучно!

Я тут же начала шуршать листьями. Это было неопишимо приятно – подвести ногу под толстый ковер и вести вперед целую кучу сухого добра.

Меня настолько увлекла эта игра, что, забыв обо всем на свете, я стала ходить по всему полумостику, оставляя после себя неровные полосы. Я получала неимоверное удовольствие от придуманного развлечения.

Походив так некоторое время, я вдруг заметила, что не одна я буйствую в этом неподвижном мире. Возле рыбака метались две маленькие рыбки. Я подошла к ним и стала с жалостью смотреть на них. Хотела даже бросить их обратно в речку. Но не стала этого делать – рыбки-то теперь стали собственностью рыбака. И я отправилась дальше шуршать листьями.

Сначала все молчали, позволяя мне играть в незатейливую игру. Затем наблюдатель, видя, что конец шума предвидится нескоро, шикнул на меня, потребовав прекратить безобразие. Рыбак по-прежнему молчал, слившись воедино со своей удочкой.

Мне совсем не понравилось, что на меня шикнули и заставили прекратить, как оказалось, слишком оживленную для рыб игру. Но, как послушный ребенок, я все же оставила в покое изрядно скомканный ковер и ушла прочь.

Я ступила на полумостик. На нем одиноко лежали несколько листьев. Я попыталась захватить их ногой. Мне это не удалось и я, бросив бесполезное занятие, ушла.

Я направилась к любимой полянке, которая находилась поодаль от речки и скрывалась за склонившимися деревьями. На ней я любила бегать с подружками. И на ней же как-то бабушка рассказала мне

сказку. Я привыкла слушать сказки на ночь, засыпая на своей кровати. И поэтому было необычно и в то же время так приятно услышать про приключения знакомых героев в другом месте.

Я отогнула ветви деревьев, сделала несколько шагов и оказалась на полянке.

Она была все такой же чудесной и зеленой! Она тоже уменьшилась, как и все в этом мире. Но это меня уже не удивило. Я привыкла не только покорять вечность. Я привыкла и не удивляться тому, что с возрастом все вокруг уменьшается. Не уменьшилось только солнце. Оно осталось таким же, как и в детстве, и сейчас щедро освещало полянку. Лишь под деревьями была приятная прохлада, где можно было отдохнуть.

Я прошла по травке, даже попрыгала немного на одной ноге и, улыбаясь милым воспоминаниям, направилась к старым ивам.

Там, в тени склонившихся деревьев, сидел Демо. Я очень удивилась. Я даже не знала, что в моем детстве был еще и Демо.

– Так ты знаешь меня с детства? – спросила я.

– Разве это имеет значение? Для меня время не имеет протяженности.

– Но ведь это большая разница – знать меня в детстве и знать меня взрослой. Может, время и не имеет для тебя протяженности, но я-то во времени разная. В детстве – я была маленькой несмышленкой, а сейчас я совсем другая. А когда-нибудь я стану старой (ужас!). Это тоже не имеет для тебя значения?

– Нет, – ответил Демо, улыбнувшись.

– Почему ты улыбнулся?

– Потому что ты сейчас не старая. Зачем говорить о старости на этой полянке детства?

Я согласилась.

– Мне показалось, я покорила вечность, – сказала я, сев рядом.

– Это тебе только показалось. Вечность невозможно покорить.

Она сама покоряется.

– А мне она покорила? – Я глянула в его глаза.

И что меня заставило это сделать? Я невольно потянулась к нему. На какое-то мгновение мне показалось это святотатством – вот так тянуться к Демо на этом невинном кусочке детства. Но это длилось лишь мгновение. Дальше я уже думала, что нет ничего прекраснее – вот так тянуться к Дьяволу. Бесконечно тянуться к Дьяволу. А солнце, небо, полянка и гибкий поклон деревьев были частью этого бесконечно безумного действия.

12. Другое лицо священника

Когда я открыла глаза, был вечер, поздний вечер. Это показывали часы на стене.

Я сидела, откинувшись на спинке дивана. Наверно, в таком положении я спала. Я посмотрела на часы – скоро явится Демо.

Но почему я решила, что именно сейчас, в это время, должен явиться Демо? Я вскочила. Откуда такая уверенность? «Как откуда? – ответила дежурившая мысль. – Сегодня он как раз и являлся к тебе точно в такое же время». – «Что ты такое говоришь? – закричала я. – Как сегодня? Как являлся? Может, я еще не проснулась?» – «Ты проснулась, можешь в этом не сомневаться. А Демо действительно являлся. Есть даже вещественные доказательства этого. В твоём кармане».

Я быстро сунула руку в карман – точно! Что-то есть! Я собрала в горсть все, что там было. Желуди! Карамельки желудей и их шляпки. Неужели те самые? «А какие же еще? – ответила та же мысль. – В наших краях дубы не растут. Во всяком случае, поблизости их точно нет. Значит, желуди оттуда». – «Из детства?» – «Только оттуда».

Вот это вещественное доказательство! То, что надо! Это непременно сработает! Алексей будет поражен. Желуди из детства! – Я погладила их полированную кожуру. – Что может быть необычнее?

Я снова села на диван, закрыла глаза и отдалась воспоминаниям о своём путешествии в чудное время. «Как прекрасен мир! – почему-то подумала я. – Как прекрасен мир, в котором мы создаем Дьявола!»

Я встала, стряхнула с себя несколько прилипших травинок – так все-таки я побывала там! Включила свет, подошла к шкафу и положила желуди на полочку.

Я случайно заметила драгоценный блеск диадемы. Значит, Демо действительно сегодня был – украшения как ни в чем не бывало лежали на полке и открыто сияли мне. «У тебя даже нет достойной шкатулки для них!» – сказала с досадой какая-то мысль. «А платье, – напомнила другая мысль, – посмотри, на месте ли оно?» – «Уж о нем

можно точно не беспокоиться», – ответила я, но все же решила посмотреть.

Платье висело там же, куда я повесила его. Оно чуть сверкнуло в ответ на электрический свет, вторгшийся в темноту гардероба. Все на месте – и украшения, и платье. Только туфельки не было. Но я их и не просила – я ведь отказалась от них.

Итак, Демо являлся. Причем сегодня. Но сегодня еще не прошло. Оно осталось таким же, каким было до его прихода. Так Демо еще и властелин времени!

Утром я проснулась как обычно, в то же время, в какое и должна просыпаться. Я пробуждаюсь за минуту до звонка. И сегодня все также произошло. Я открыла глаза, посмотрела на будильник и выключила его. Для чего я завожу его, если все равно встаю раньше? Для уверенности, наверно. А вдруг когда-нибудь просплю?

Я встала, умылась и сварила кофе. Выпила его. Затем отправилась на работу.

И только на улице я вспомнила, что вчера-то был Демо, и я была в детстве! В моем мире не прошло и минуты, а в каком-то другом... Сколько ж времени прошло там? Час? Нет, больше. Конечно, больше. Несколько часов? Ночь и день? Подождите, подождите! Когда пришел Демо, был поздний вечер. А в детстве – день. Сияло яркое солнце. А когда я вернулась к себе, снова был поздний вечер, тот же час, та же минута, когда Демо прикоснулся к моим плечам. Какая-то мешанина во времени! Или я опять не так все понимаю? А как все это надо понимать?

Я попыталась разглядеть логику в том, как вчера шло время. Но это было невозможно. Никакой логики! «Какая может быть логика во времени, если оно не имеет протяженности, – подсказала мне какая-то мысль. – Это Демо сказал. Помнишь?»

Я стала вспоминать. «А что нужно вспоминать? – вдруг спохватилась я. – Сказал ли это Демо? Да он что угодно мог сказать. Ему это позволительно. Он же Дьявол».

Я словно увидела его перед собой. Его глаза... «А! – догадалась я. – Все дело в его глазах. Это в них – мешанина во времени. Вот в чем дело! Я же сразу поняла, что он Дьявол (хоть и не сразу призналась себе в этом). По его глазам поняла. Потому что такие глаза могут быть лишь у того, кто обладает властью надо всем. Главное не смотреть в них. Это только кажется, что можно научиться смотреть в глаза Дьяволу. Вроде бы научилась это делать. А в какой-то момент глянула в них – и все! – ничему-то я не научилась!».

Но это же невозможно – не смотреть в его глаза! Они затягивают. Они как та пропасть, что жаждала меня, когда в спину давил равнодушный мир, жадно отнимая последние сантиметры. Теперь этой пропасти нет. Исчез равнодушный мир. Но вместо них появился Дьявол. «Но ты ведь хотела его!» – сказала та мысль, которой в свое время удалось вырваться из бездны дьявольских глаз.

Все действительно так и было. Я хотела Дьявола. Правда, на мгновение. Но это мгновение превратилось в вечность. «Как же удалось той мысли вырваться из дьявольских глаз? – подумала я. – Она ведь как-то вырвалась!»

Я продолжала представлять Демо и смотреть в его глаза. Я не могла не делать этого. Я ведь не мыслью была. Я не могла, как она, быстро вырваться из них. Надо что-то делать! Опять надо что-то делать!

И я поняла. Я вспомнила, что нужно сделать. Может, закрыть глаза? Но они не закрывались. Может, поднять руки и закрыть ими глаза? Я подняла руки – они застыли в вечности. У меня закружилась голова. Я пошатнулась. Прохожий дотронулся до моей руки.

– Вам плохо?

– Нет-нет, – только и смогла сказать я.

– Может, вам помочь?

– Нет-нет, – снова только и смогла сказать я.

Это был священник. Он опустил руку. Он еще хотел что-то сказать, но я уже успела оправиться. Это был небольшой приступ слабости, всего лишь. Я протерла глаза и пошла дальше.

А священник продолжал стоять. Когда, через несколько шагов, я обернулась, он все еще стоял и смотрел на меня. Что-то было в его взгляде. Я отвернулась и пошла дальше.

Я села в автобус. Уже закрылись двери. Автобус тронулся. И только тогда я поняла, что тем священником был Алексей! Это он спросил, плохо ли мне. Это он предложил помочь мне. А я от всего отказалась. Боже, что я натворила! Я не узнала Алексея!

«Но почему он не назвал меня по имени? – подумала я. – Он меня никак не назвал. Он просто спросил: «Вам плохо? Вам помочь?» Алексей не обращался ко мне на «вы». Сначала обращался, а потом быстро перешел на «ты». Значит, он опять сделал вид, что не узнал меня. Ох, уж эта его работа! Сколько лицемерия в ней! Нет бы сказать: «Лилька, что с тобой?» Так он всякие ухищрения использует! На «вы» ко мне обращается. Поэтому я тоже правильно поступила, – заключила я, – что не узнала его. Я тоже умею играть во всякие игры! Хотя мне

этого совсем не хочется. В следующий раз, когда увижу его в церковной одежде, хоть где – хоть на улице, хоть в церкви – я скажу ему: «А я тебя знаю! Мы с тобой пиво пили. А еще ты требовал у меня вещественные доказательства того, что ко мне является Дьявол. Больно уж ты моим Дьяволом заинтересовался!» Каково? А? Что скажет на это Алексей? Как он поведет себя? Будет говорить: «Я вас не знаю, девушка»? Пусть только попробует! Я ему скажу: «А делать вид, что ты меня не знаешь, хорошо? Что про это в Библии написано?» Алексею станет неловко, он покраснеет, страшно смутиться. Затем отвернется и побежит прочь от меня. Ну и пусть!»

Автобус остановился. Я вышла и перестала думать об Алексее. «И не надо о нем много думать!» – решила я.

Впереди меня ждал рабочий день, скучный рабочий день. Но об Алексее я думать все равно не хотела.

13. Вещественные доказательства

Что-то изменилось во мне. Что-то произошло со мной. Мое настроение стало хорошим. Просто прекрасным. Я побывала в детстве и после этого сама стала словно ребенком. Это, конечно, не сразу произошло. Не вчера вечером. А сегодня утром, после встречи с Алексеем. Вышла из автобуса, прошла немного и вдруг повеселела.

Я стала испытывать давно забытое чувство не проходящей радости. Так хорошо бывает только маленьким детям. Взрослые не умеют долго радоваться.

Даже обычно скучный рабочий день вдруг стал ярким и интересным. Хотя с чего? Я возилась с теми же бумагами, смотрела на те же бесконечные ряды цифр. И при этом радовалась. На меня непонимающе посматривали сотрудники. Их, наверно, изумляло мое сияющее лицо.

Так же странно они смотрели на меня после того, как я впервые встретила Дема и до позднего вечера болтала с Алексеем. Это он первым сказал мне, что я красивая. Но если Алексей не уставал дарить комплименты, то сотрудники, наоборот, молчали. Лишь одна женщина подошла и спросила, что я сделала с собой. Я что-то ответила.

Итак, во мне поселилось хорошее настроение. Надолго ли? Пока не знаю. Посмотрим.

Вечером, быстро поужинав, я поспешила на улицу. Там меня наверняка ждал Алексей. Он наверняка не спал ночь и думал, какие же вещественные доказательства я ему предоставлю. Бедный! Он не спал, а я так замечательно проводила время. Я успела почувствовать себя и королевой, когда Дем подарил мне сказочные серьги, и даже богиней – когда на голове засияла божественная диадема. Вот только платье меня немного смутило. Но ведь никто меня не заставляет его надевать. И на бал я отказалась идти – непонятно, что я там бы делала? «Хотя, может, и стоило мне там появиться, – подумала я вдруг. – Может, мне было бы неплохо там? Ладно, – успокоила я себя, – если Дем еще раз

пригласит меня на бал, я не откажусь. Может быть, – на всякий случай добавила я. – А вдруг снова испугаюсь? Я ведь на этом балу буду единственным человеком. А все остальные будут – непонятно кто – всякие сказочные существа и те самые богини, которых не любит Демо. Станный все-таки бал! Я еще подумаю, появляться мне на нем или нет».

А еще я в детстве успела побывать. Как здорово было! Все пролетело как мгновение. В нашем мире прошло лишь мгновение, а в том другом, где Демо? «Так сколько времени прошло в моем мире, а сколько в другом?» – еще раз подумала я и решила, что все равно не пойму. Все равно не смогу решить эту задачу сама. Спрошу лучше Демо. Он все знает. Тем более, именно он все это и устроил – путаницу со временем. А мне лучше не думать об этом – иначе снова закружится голова. И я начну падать. И рядом почему-то окажется Алексей.

А вот и он! Только подумала о нем, он и появился – идет навстречу мне и улыбается.

– Это мне нравится, – сказал он, – что не надо ждать тебя, ругая: «Когда же она появится?» Не успел я подойти к твоему дому – а ты уже вышла. С чего ты такая радостная?

– А как ты думаешь?

– Боюсь сказать.

– Не бойся! Ты прав. У меня появились вещественные доказательства.

– А-а! – разочарованно протянул Алексей. – А я думал, ты мне так рада – поэтому все твое лицо улыбается.

– А вещественные доказательства разве тебе не нужны? – удивилась я. – Ты же так просил их!

– Какие такие «вещественные доказательства»? – не сразу понял Алексей. Но потом, видимо, вспомнил и протянул:

– Вон ты про что! А я уже успел про них забыть.

– Как так? – снова удивилась я. – Ты же так настойчиво требовал их.

Алексей почесал голову, помолчал, а потом сказал:

– Понимаешь, я хотел отвлечь тебя от этого твоего... как ты его назвала?

– Демо.

– Да, его самого. Ты же его выдумала. Я и подумал, зачем продолжать фантазировать?

– Какой ты наивный! – воскликнула я.

– Это почему еще?

- Потому что ты до сих пор не веришь в Дьявола.
- По-моему, из нас двоих наивная – это ты. Потому что веришь, что к тебе приходит Дьявол.
- Так я наивная или фантазирую про Дьявола? – ехидно спросила я.
- И то, и другое, – подумав, ответил Алексей.
- Ну что с ним делать, с этим Алексеем? Только вещественные доказательства и могут мне помочь. Придется предоставить их ему. Но тут я вспомнила свою утреннюю встречу с Алексеем. «Вот я спрошу его обо всем! – потирая руки, подумала я. – И пригрожу, что разоблачу его в следующий раз».
- Почему ты опять сделал вид, что не узнал меня? – спросила я, стараясь говорить как можно более невозмутимо. Я не хотела, чтобы Алексей догадался, что мне было неприятно после той утренней встречи с ним. Недолго, правда, было неприятно. Выйдя из автобуса, я уже забыла про него. Но, все равно, мне ведь было какое-то время неприятно! Ну и притворщик! А еще Богу служит!
- Мой вопрос, видимо, произвел на Алексея впечатление.
- Когда? – хрипло спросил он.
- А ты не помнишь? Утром. Мне стало плохо, я чуть не упала. Ты дотронулся до меня и спросил: «Вам плохо?»
- А ты?
- Что я? Что за допрос! Ты же сам все это видел и сам все говорил мне, и обращался ко мне на «вы».
- Прости, – смущенно сказал Алексей. – Мне и самому надоела эта двойная игра. Но приходится ее продолжать. Я пока не знаю, как из нее выйти.
- Как не знаешь? Ты же собирался свою священскую одежду бросить в огонь. Или уже раздумал?
- Нет-нет, не раздумал! Просто решил пока отложить это. Так сложились обстоятельства.
- А тебе не стыдно играть в эту самую двойную игру?
- Стыдно. Конечно, стыдно. – Алексей замолчал, опустил голову. Потом поднял ее, посмотрел на меня и сказал: – Не заговаривай со мной, когда на мне церковная одежда. Я же просил тебя об этом! Даже если я первым тебе что-то скажу, не отвечай.
- Но на улице-то можно! Ладно, в церкви не обязательно заговаривать с тобой – ты на службе. Но на улице-то можно!
- Нигде не заговаривай, если увидишь, что на мне ряса! Понимаешь... – Алексей замолчал.

Я вдруг вспомнила, как оглянулась сегодня утром на него и увидела, что он смотрит мне вслед. Если он так стесняется меня, когда на нем ряса, то почему он тогда смотрел мне вслед? Да еще с грустью смотрел (во всяком случае, мне так показалось).

– Но ты же смотрел мне вслед! – сказала я. – Ты стесняешься меня, когда на тебе ряса, а смотрел мне вслед. Да еще с грустью смотрел.

– Да? Тебе показалось, что с грустью? – Алексей посмотрел на меня и вдруг вскрикнул: – Не искушай меня!

Он был взволнован. Он смотрел на меня умоляющими глазами.

– Хорошо-хорошо! – ответила я, испугавшись.

– И больше ни слова о том, что я тебя не узнаю. Хорошо?

– Хорошо! – поспешно кивнула я, почувствовав себя грешницей, искушающей священника.

– Тогда все прекрасно! – улыбнулся Алексей.

Я тоже улыбнулась. Я вспомнила, что я должна быть радостной. Я с утра была радостной и сейчас должна быть такой же.

– Какой у нас сегодня маршрут прогулки? – спросил Алексей.

– Никакой, – засмеялась я. – Почему мы должны гулять по какому-то маршруту? Можно и без маршрута.

– Согласен, – кивнул Алексей. – Так даже лучше. О чем будем говорить?

– Ни о чем, – снова засмеялась я. – Нужно обязательно обговаривать, о чем будем говорить?

– Тоже верно, – снова согласился Алексей и тоже засмеялся.

И мы начали говорить всякую чепуху. Такую, которая через пять минут забывается. Помню, что мы болтали о вещах, абсолютно лишенных смысла. И нам было чрезвычайно весело. Нам это доставляло огромное удовольствие – болтать обо всем подряд, что только приходило на ум. Я что-то говорила Алексею. Он в ответ смеялся, соглашаясь с любой сказанной мной глупостью. Затем начинал говорить он. И я тоже смеялась и соглашалась со всеми его глупостями. Сказка детства продолжалась. Она продолжалась уже в этом, здешнем, мире. И – бывает же такое! – этот, здешний, мир вдруг показался мне просто чудесным. Я даже удивилась в какой-то момент: «И почему я этого раньше не замечала?» Все знакомое и обычное – то, что я видела каждый день – вдруг стало прекрасным. И весь этот мир представлял собой сплошную гармонию. «Зачем вечность, если божественное блаженство есть здесь, во всем», – подсказала какая-то мысль. И я тут же согласилась с ней.

Я лишь раз вспомнила о пропасти и равнодушном мире за спиной и чрезвычайно удивилась, где же я умудрилась их найти в этом милом мире.

– И что ты сегодня такая веселая? – ни с того с сего вдруг спросил Алексей – прямо во время болтовни спросил.

– Но ты ведь уже задавал этот вопрос.

– Да? Не помню. А тебе разве трудно еще раз ответить на него?

– Нет, не трудно. А можно, я отвечу сейчас по-другому? Не так, как в первый раз.

– Как угодно отвечай, – разрешил Алексей.

– Я сегодня такая, потому что мне была предложена вечность, а я от нее отказалась.

– Почему отказалась? Я бы, например, не отказался. – Алексей недоверчиво посмотрел на меня. Он, наверно, решил, что я опять разыгрываю его.

– А я отказалась. Не нужна мне никакая вечность. Зачем мне она? Что я с ней буду делать? Вернее, что я в ней буду делать?

– Как что? Тот, кто владеет вечностью, владеет всем миром. Ты разве не знала?

– А для чего мне владеть миром?

Алексей помолчал, наверно, не понимая меня.

– Это же приятно! – произнес он наконец.

– А мне кажется – это невероятно скучно.

– Почему скучно? Ничего ты не понимаешь! Представляешь, перед тобой открываются неограниченные возможности! Ты можешь делать все, что хочешь. Тебе не надо в поте лица зарабатывать копейки на кусок хлеба. Ты никогда не будешь стареть. Ты всегда будешь оставаться такой же молодой и красивой как сейчас. Разве этого недостаточно, чтобы захотеть жить в вечности?

– Этого даже слишком много. Мне бы немного поменьше из всего того, что ты перечислил. Иначе слишком трудно будет. Слишком трудно будет менять себя.

– Зачем менять себя? Ты сама незаметно изменишься.

– Да? – призадумалась я. – Хорошо, я подумаю над этим предложением. Но только не сейчас. Сейчас и без всякой вечности хорошо. А тебе разве не хорошо сейчас?

– Хорошо, – кивнул Алексей. – Но в вечности было бы лучше.

– Ах, вон ты зачем ушел в церковь, – догадалась я. – Ты хотел вечности?

Алексей, чуть подумав, кивнул:

– Может быть. Надо мне тоже подумать над этим. Но только не сейчас. Кстати, – спросил он, – кто же предложил тебе вечность? О главном-то тебя я не спросил.

– А я думала, ты догадался, – ответила я, сделав недоуменное лицо.

– Дьявол что ли?

– А кто еще мог предложить мне вечность?

– И он ничего не потребовал от тебя взамен?

– Нет.

– Что-то не похоже на Дьявола! Он как минимум душу требует.

– Я его о том же спрашивала.

– А он что?

– Сказал, что не нужна ему моя душа. Ему я нужна.

– Странный Дьявол. А зачем ты ему вдруг понадобилась?

– Ну... Наверно, он меня любит.

– Тебя? – засмеялся Алексей. – А за что?

– Разве можно любить за что-то? – обиделась я. – А ты почему со мной общаешься? Почему каждый день ждешь меня?

– Но я-то человек. Меня тянет к людям. А когда Дьявола тянет к людям, то это, как минимум, странно.

– Вот такой он, Демо, – сказал я.

– Забыл! У твоего же Дьявола еще и имя есть. Кстати, как с вещественными доказательствами? Ты говорила, что раздобыла их.

– Я их не добывала, а просто взяла, – возмутилась я.

– Хорошо! Пусть взяла. Показывай.

– У меня их нет с собой. Я их дома оставила.

– Что же будем делать?

– Хочешь, зайдем ко мне? Я могу даже кофе тебя угостить. Или чаем.

– С удовольствием! – сказал Алексей. – Дома я у тебя еще не был. Чаем ты меня тоже не поила. Как от такого можно отказаться?

И мы направились к моему дому.

– Ох, опасайся Дьявола! – сказал Алексей, когда мы поднимались по лестнице.

– Ты так считаешь? Его нужно опасаться?

– Конечно! Потому что от него можно ожидать что угодно.

– Ты в этом уверен?

– Ну... мне так кажется.

– А когда кажется... – Я засмеялась. – Надо креститься.

– Не хочу, – резко ответил Алексей.

- Ты думаешь, Дьявол не может быть честным?
- Это никак не вяжется с моим представлением о нем.
- А вот и моя дверь.
- Хорошая дверь, – сказал Алексей, наблюдая, как я вставляю ключ в замок.
- Не очень, – сказала я, впуская в квартиру Алексея. – Если ее сильно толкнуть, она может развалиться. На честном слове держится.
- Что ж ты так? – сказал Алексей. – Почему новую не поставишь?
- А нужно ли? У меня все равно нечего красть. Почти нечего, – добавила я, вспомнив про подарки Демо.
- Действительно, нечего красть, – сказал Алексей, осматривая полупустую комнату. – Но дверь все равно сделай. Она в любом случае должна быть надежной.
- Хорошо, – сказала я, скорее, для того, чтобы закончить с темой надежных и ненадежных дверей. – Кофе-то будешь?
- Конечно, – с готовностью ответил Алексей. – А еще лучше чай. Вечером лучше чай.
- Мы отправились на кухню.
- Я заварила чай и достала из полки конфеты и печенье. Чаепитие началось. Мы снова принялись болтать о всяких пустяках и непрерывно хохотать.
- Зачем тебе Дьявол? – в какой-то момент спросил Алексей.
- Он сказал это неожиданно. Говорил что-то, говорил – несущественное, смеялся при этом. А потом вдруг перестал смеяться и задал этот самый вопрос.
- Я тоже перестала смеяться.
- Ты ведь человек, – продолжал Алексей, – и рядом с тобой должен быть тоже человек. Счастливой ты будешь только с человеком, а не с Дьяволом. Дьявол будет регулярно предлагать тебе вечность, а ты – отказываться от нее, а затем радоваться, что отказалась. Что это за жизнь?
- Ты так считаешь? – радостное настроение у меня на миг исчезло, но тут же появилось вновь.
- Но ведь он предлагает мне не только вечность, – сказала я. – К тому же, если я попрошу его, то он никогда не будет говорить о ней.
- Дьявол не сможет не говорить о вечности.
- Сможет. Я думаю, я почти уверена в этом.
- Но ведь твоего Дьявола нет! – горячо воскликнул Алексей.

– Вещественные доказательства! – вспомнила я. – Я же собиралась показать их тебе. Для этого, кстати, я и пригласила тебя ко мне.

– А я думал, ты меня на чай пригласила, – немного расстроено произнес Алексей.

– И на чай в том числе. Но ты ведь сам требовал у меня эти самые доказательства.

– Так они у тебя все-таки есть? – Алексей удивленно поднял брови.

– Конечно. Я их прямо сейчас тебе покажу.

Алексей вздрогнул. Хоть он и не верил, по его словам, в Дьявола, однако возможность увидеть воочию нечто, связанное с ним, его, вероятно, все же не вдохновляла.

– Ты серьезно? – спросил он.

– Конечно.

Алексеево лицо стало каменным. В горле пересохло. Он сделал глоток чая, но подавился и закашлялся.

– Ты что, испугался? – Я принялась колотить его по спине, сбивая кашель.

Он не ответил, продолжая кашлять.

– Тебе совсем не страшно будет, – сказала я, продолжая бить его. – Вот увидишь!

Наконец, он перестал кашлять. Я побежала в комнату.

Когда я вернулась на кухню, Алексей сидел в напряженной позе. Увидев меня, он начал смотреть по сторонам. Я с интересом стала наблюдать за ним.

– Где? – наконец хрипло произнес он. – Где он?

– Кто?

– Дьявол, – совсем осипшим голосом произнес Алексей.

– Так ты же просил вещественные доказательства, а не Дьявола.

Алексей посмотрел на меня. Выражение его лица на несколько секунд застыло. Наконец, он вздохнул.

Он, наверно, решил, что вещественные доказательства – это и есть сам Дьявол. А увидеть Дьявола живым – прямо сейчас – на это способен не каждый. А вдруг я действительно не шучу и Дьявол не плод моего воображения?

– Вот они, – сказала я, раскрыв ладонь, на которой лежали желуди и шляпки от них.

Алексей непонимающе посмотрел сначала на желуди, потом на меня, потом снова на желуди, ничего не произнося при этом. Он продолжал находиться в шоке. Вернее, один шок у него сменился

другим. Первый был, когда он решил, что я покажу ему самого Дьявола. Второй – сейчас – когда вместо Дьявола он увидел желуди.

– Ты хочешь сказать, что эти желуди и есть твой Дьявол? – наконец, спросил он.

Я рассмеялась.

– Что-то ты сегодня совсем несообразительный! Все твердишь о Дьяволе, хотя просил у меня вещественные доказательства. И как ты мог подумать такое! Что желуди – это Дьявол. Какой ты смешной! Желуди – это не Дьявол. Это всего лишь дар Дьявола.

Лицо Алексея начало расплываться в улыбке.

– Здорово ты умеешь шутить! – сказал он. – Я и не знал, что у тебя такое отменное чувство юмора.

– Я не шучу, – обиделась я. – Я тебе принесла то, что обещала, а ты принимаешь это за шутку. Желуди – это действительно дар Дьявола. Ты не веришь?

– Почему не верю? – улыбаясь, ответил Алексей. – Очень даже верю и жалею этого твоего... как ты его назвала? А-а! Вспомнил! Демо. Мне жаль твоего Демо.

– Почему жаль?

– Потому что он такой бедный! Еще Дьяволом себя называет. Хоть бы постыдился такие подарки дарить. Разве это подарок – желуди? Он, скорее, посмеялся над тобой. А тебе не следовало бы принимать этот мусор. Гордость-то надо иметь! Такая красивая, а гордости нет.

– Никакой он не бедный, – снова обиделась я. – Если хочешь знать, он мне еще цветы дарит.

– Цветы-ы... – протянул Алексей. – Удивила! Цветы и я могу тебе подарить. Постой! Про цветы, кажется, ты уже говорила.

– Говорила. Ты даже купил мне букетик, тем самым желая показать, наверно, что ты не хуже Демо.

– Не хуже, – с готовностью согласился Алексей.

– Но Демо не покупает цветы, он их делает из ничего.

– Это он тебя гипнотизирует. Пока ты смотришь ему в глаза, разинув рот, он достает из-за спины эти самые цветы.

«Про глаза-то он правильно подметил, – подумала я. – Когда я смотрю в них, со мной что-то происходит. Что же со мной происходит?»

– Хорошо, – сказала я. – Пусть цветы он достает из-за спины. Но он мне не только цветы дарит. Он мне еще подарил... – Я замолчала. Я чуть не сказала про драгоценности.

– Что? Что он еще тебе подарил?

– Ничего. Ничего больше не подарил.

– Нет уж, раз начала, так говори.

Я молчала. Алексея мое молчание еще больше раззадорило.

– Ты чего-то испугалась? Почему ты не хочешь это показать? – начал он приставать с вопросами.

Лучше бы я не показывала ему желуди. Он все равно не поверил в их ценность, вдобавок посмеялся надо мной. И про другие подарки я бы тоже лучше не заикалась. Теперь просто так не отстанет.

Я начала кусать ногти. Показать? Или все же не стоит? Представим, что покажу. Что будет тогда? В худшем случае Алексей выкрадет их у меня. «Да что я такое подумала! – тут же рассердилась я на себя. – Как я могла!»

– Ну, если так хочешь, то покажу, – наконец, согласилась я, искусав ногти до крови.

– Показывай. – Алексей принял вальяжную позу.

«Ах, он какой! – возмутилась я про себя. – Он опять мне не верит! Эта его поза очень красноречиво говорит, что он мне ни капельки не верит. Сейчас я ему покажу!»

Я побежала в комнату, достала с полки диадему с серьгами. Подошла к зеркалу, сняла заколку с хвоста, поправила волосы, аккуратно надела на себя украшения и важной походкой направилась в кухню.

– О! – только и сказал Алексей, увидев меня.

– Что «О!»? – сказала я, стараясь наполнить достоинством свои слова.

– Впрочем, ничего. Хотя и похожа ты в этих побрякушках на африканского попугая.

– Что?! – возмущенно воскликнула я.

– Да ты посмотришь в зеркало! В футболке, джинсах – и нацепила на себя кучу стекла. У тебя что, вкуса нет?

– Какую кучу? Какого стекла? – вскричала я. Моей злости не было предела. – Если хочешь знать, на этих украшениях – одни лишь бриллианты, изумруды и другие, очень дорогие камни.

– С чего это ты решила? Откуда у тебя могут появиться бриллианты с изумрудами? Живешь в полупустой однокомнатной квартире. Или ты врешь, или ты глупая – одно из двух.

Я ничего не сказала. Я уже ничего не могла сказать этому неверующему Фоме. Я только отвернулась от него.

– Я вижу, ты обиделась, – сказал Алексей. – Давай рассуждать правильно. Если у тебя и появились каким-то образом деньги, то

почему ты не улучшила свои жилищные условия, а купила эти, по твоим словам, сверхдорогие безделушки?

– Почему купила? Я ведь тебе понятным языком сказала, что это подарок Дьявола.

– Так ты же говорила, что желуди – подарок Дьявола.

– И эти украшения тоже его подарок.

– Тогда почему в первую очередь ты показала не украшения, а какие-то непонятные желуди?

– Потому что история желудей гораздо интереснее, чем этих украшений.

– И с чего этот Демо вдруг решил подарить тебе украшения?

– Он ничего не решил. Он их просто подарил. Я его спросила, много ли он умеет делать как Дьявол. Он сказал, что много, но не все. Есть вещи, которые не умеет делать даже Дьявол. Но украшения подарить для него – пара пустяков. И подарил. Вот они – на мне. Я даже засомневалась – неужели бесплатно? Или что-то за них он с меня потребует? Он ответил, что ничего не потребует. Это для людей такие украшения дорогие, а для него они не имеют ценности.

– А что для него имеет ценность?

– Не знаю. – Я задумалась. Я никогда не задавалась этим вопросом – что Дьявол по-настоящему ценит?

– Интересно было бы узнать.

– Уж да! – сказала я, продолжая находиться в состоянии задумчивости.

– А ты спроси, – предложил неугомонный Алексей.

– Может, и спрошу. А, может, и нет.

– Так, значит, Демо подарил тебе все это просто так? И они не имеют для него никакой ценности? А зачем он подарил их тебе? Куда ты их наденешь, если они, как ты утверждаешь, действительно очень дорогие? На улицу, что ли? Так тебя обкрадут там в два счета.

– Он пригласил меня на бал.

– На какой еще бал?

– Не знаю.

– Опять не знаешь. Хоть бы спросила, на какой.

Я все поняла. Я все поняла!

– Он пригласил меня на любой бал. Какой только пожелаю. Я сначала не поняла его. Я думала, что на этом балу будут только разные богини и прочие обитатели вечного мира. А теперь я поняла, что Демо создаст для меня любой бал, какой я только пожелаю. Но у меня, к сожалению, фантазия оказалась не слишком богатой. Я испугалась и

отказалась от его предложения. Я отказалась даже от туфельек, боясь стать похожей на Золушку.

– Чем же плоха Золушка? Почему ты не захотела стать похожей на нее? Многие мечтают об этом.

– Об этом я почему-то не подумала. – Я снова задумалась. Действительно, чем меня испугала участь Золушки? Золушкой-то совсем не плохо быть.

– Ладно, хватит о туфельках. Что интересного в желудях? Ты хотела что-то рассказать о них. – Алексей взял желуди, которые я положила на стол перед тем, как отправиться за украшениями, и начал разглядывать их. – Желуди как желуди, ничего особенного.

– Они – из моего детства.

– То есть ты их сохранила с детства?

– Нет. Я попросила Демо отправить меня в то место, где прошло мое детство. Он отправил меня туда. Там росли красивые дубы. Я подняла с земли желуди – они лежали под моим любимым деревом – и положила их себе в карман. Вот и все.

– То есть вы с Демо съездили в то место, где прошло твое детство, и привезли оттуда желуди? – Алексей все еще пытался придать разговору здравый смысл.

– Опять нет. Никуда я не ездила. То место, где прошло мое раннее детство, находится очень далеко, и я не была там почти двадцать лет. Хотя в памяти я часто возвращаюсь туда. Воспоминания детства самые яркие. – Я помолчала немного, вспоминая снова, как бродила вчера по дорогим сердцу местам. – И когда Демо предложил исполнить любое мое желание, я сразу не могла понять, что же я настоящего хочу. А затем вспомнила. Я давно хотела попасть в то место, где я гуляла маленькой. И попросила Демо отправить меня туда. Нет, я не стала девочкой. Я просто попала туда, где прошло мое детство. Попала такой, какая я есть сейчас – взрослой. Мне захотелось взрослой посмотреть на те места, которые раньше мне казались сказочными. И знаешь, что больше всего поразило меня, когда я очутилась там? Меня поразило, что детство мое прошло в маленьком мире. Раньше он казался мне очень большим. А когда я очутилась там вчера, то увидела, что он крохотный. Неужели он действительно был таким? Или уменьшился со временем?

– Не знаю. Есть такой эффект. Я помню, у меня тоже подобное случилось. Как-то я побывал в местах своего детства и тоже обратил внимание на это. Все казавшееся мне огромным и очень красивым в детстве, оказалось небольшим и вполне обычным, когда я увидел это взрослым.

Я взяла желуди, погладила еще раз их полированную кожуру и унесла обратно в комнату. Прихватив с собой украшения.

Когда я вернулась, Алексей выглядел задумчивым.

– Я вот что думаю, – сказал он, когда я села на стул рядом с ним. – Почему ты оказалась в детстве взрослой? Это ведь неинтересно. Это совсем не то. В детстве самое приятное то, что ты – ребенок и воспринимаешь мир по-другому, не так, как взрослые. Разве Демо не может сделать тебя маленькой?

– Может, – поспешила оправдать я Демо. – Он просто исполнил то мое желание, которое я попросила. А попросила я его отправить меня в детство взрослой. Мне захотелось увидеть тот мир нынешними глазами. Но ты подал хорошую идею – я попрошу его отправить меня в детство маленькой девочкой.

– Я тоже часто вспоминаю детство, – сказал Алексей. – Это время невозможно не вспоминать. Оно самое счастливое. Хотя тогда мне очень хотелось стать взрослым.

– Мне тоже! – засмеялась я. – Я тоже хотела стать взрослой. – Радостное настроение снова вернулось ко мне. – Как мы с тобой похожи!

– Я думаю, все дети похожи друг на друга тем, что хотят стать взрослыми, – мудро заметил Алексей. – И все взрослые похожи друг на друга тем, что с особым чувством вспоминают свое детство и хотят снова оказаться в нем. Я бы тоже хотел вернуться туда – хоть на денек.

– Я тоже, – снова засмеялась я. Но Алексей почему-то погрузился.

– Тебе проще, – вздохнул он. – У тебя этот... твой Демо есть. Он отправит тебя, куда ты захочешь. А у меня нет такого преданного Дьявола.

– Так ты все-таки поверил в него?

– Почему бы нет? Пусть будет так, как ты говоришь. В принципе, это не важно, является к тебе Дьявол или нет. Важно другое.

– Что же?

– Ты разве не знаешь?

– Нет.

– Важно то, чтобы тебе было хорошо с этим Дьяволом. Неважно – выдуманным или настоящим.

Вот те раз! И это говорит Алексей? Который упорно твердил, что мои рассказы о Демо – попытки разыграть его? И он же сказал, что неважно, каким является Дьявол, – выдуманным или настоящим.

Значит, он, может, верит в него, а, может, – нет. Короче, надоело мне убеждать его в реальности Демо!

– Давай лучше помечтаем, как бы мы с тобой дружили, если бы оказались вместе в детстве, – предложила я, решив, наконец, уйти от разговоров о Демо. – Неважно – в выдуманном или настоящем.

– Давай, – грустно согласился Алексей.

– Что с тобой? Откуда грусть? Сегодня запрещено быть грустным!

– Почему? – Алексей сделал попытку улыбнуться.

– Ну и память у тебя! Да я же праздную мой отказ от вечности.

– Ах, да! Забыл! – Алексей, наконец, улыбнулся – уже настоящему.

– Ну? Принимаешь игру?

– Принимаю! А какую?

– Ну, ты даешь! У тебя всегда такая память или только сегодня?

Игру в детство. Мы с тобой маленькие. Как бы мы с тобой общались?

– Ну и игры у тебя!

– Сложные разве?

– Конечно! Нужно включать воображение.

– А как же! Хотя можно и не играть, если так не хочется тебе.

– Почему же? Можно и поиграть.

Я поняла, что Алексей начинает чувствовать вкус к чему-то, только когда я предлагаю это что-то не делать. Есть такой сорт людей. Впрочем, ничего плохого в этом нет. Просто нужно будет учитывать эту особенность Алексея, если я буду общаться с ним дальше. «А буду ли я общаться с ним дальше?» – подумала я. Что-то не задумывалась об этом – не было особой необходимости. Но сейчас, вроде, он стал даже другом мне. Мне даже интересно общаться с ним. А Демо? С ним-то еще интереснее. Но Демо-то другой! Он совсем другой.

В голове у меня стало все путаться.

– Я, в принципе, совсем не прочь стать маленьким и дружить с тобой, тоже маленькой, – сказал Алексей. Он, оказывается, уже почти начал игру. А я, наоборот, погрузилась в какие-то сложные думы. Хватит! Это же я предложила игру. Значит, мне ее поддерживать.

– А я не согласна! – сказала я. – Я бы не хотела с тобой дружить.

– Это еще почему? – удивился Алексей.

– Потому что ты меня дергал бы за косички.

Алексей почесал затылок.

– Мда, – сказал он. – Не учел я этот момент. Хорошо. Тогда я бы хотел стать маленьким, дружить с тобой и не дергать тебя за твои мышинные косички.

Мы засмеялась. Нам стало весело. Снова весело. Об игре мы почти сразу же забыли и принялись вспоминать, какими мы были в детстве, в какие игры играли и какие сказки слушали.

Неожиданно я вспомнила про бабушку. Мне стало грустно. Я перестала смеяться.

– Теперь ты решила погрустить? – спросил Алексей.

Я кивнула.

– В детстве не все было приятным, – сказала я.

– Это понятно. Но зачем об этом вспоминать? Мы же решили повеселиться сегодня. Ладно, рассказывай, – сказал Алексей, видя, что я никак не могу повеселеть. – Что в твоём детстве было такого, что тебе стало грустно сейчас?

– У меня была бабушка, – сказала я. – Я ее очень любила. Но однажды она заболела и умерла. Это было так странно! Я даже не успела понять, что же произошло в моей жизни. Я была маленькой и не понимала страшной глубины смерти. Не понимала, что если человек умирает, то безвозвратно. И поэтому когда мне сообщили, что бабушки больше нет, я улыбнулась. Это было дико, но я улыбнулась! Это был мой протест. Мне была непонятна скорбь, и я решила показать всем другое отношение к случившемуся. Просто я не понимала, что бабушки больше никогда не будет.

Меня никто не укорил за неуместную улыбку, я ведь была маленькой и глупенькой.

Но спустя некоторое время я вдруг осознала, с незнакомой мне глубокой тоской, что бабушки никогда больше не будет! Она не испечет мне пироги, не сплетет венки из полевых цветов, не расскажет сказку. Она вообще ничего не делает. Потому что ее нет.

Я заплакала. Я упала поперек кровати и заплакала.

Я долго плакала.

А, выплакавшись, успокоилась и смирилась с невозполнимой утратой.

Я вздохнула. Я все еще была грустной. Алексей молчал.

Грустная минута продолжалась. Она становилась долгой. Она превращалась в бесконечную минуту. Она превращалась в бесконечную, невыносимую минуту.

Выражение лица Алексея застыло – его выражение лица тоже стало погружаться в вечность.

«Грустная вечность», – вдруг мелькнула какая-то мысль. И именно она вывела меня из безнадежного состояния. Вернее, она не

вывела меня из этого состояния. Просто когда я услышала ее, то поняла, что нужно что-то делать.

Я уже знала! Я знала, что мне нужно делать. Нужно сделать что-то очень маленькое, что спасет меня.

Времени не оставалось! Я начала напряженно вспоминать.

Времени не оставалось! Минута грусти застыла в вечности!

И в тот момент, когда минута застыла... Бывает такое – когда минута застыла, но еще не застыла... В это самое мгновение я вспомнила: «Все это было давно!»

И вечность раздвинулась. Лицо Алексея ожило. Я вздохнула полной грудью.

Оказывается, нужно было вспомнить только одно – что это было давно. И сразу же все изменилось.

Теперь эту фразу нужно было произнести вслух. И я произнесла:

– Но ведь это было давно.

– И я про то же, – сказал Алексей и улыбнулся.

Я снова вздохнула полной грудью. Мне ничто не мешало дышать полной грудью!

Надо же! Отказавшись от вечности, я чуть было не погрузилась в нее. Может, где-то рядом Демо?

Я оглянулась. Никого вокруг не было. Только я и Алексей.

– Кого ты ищешь? – весело спросил Алексей.

Я засмеялась. Мир оставался таким, каким был до погружения в минуту невыносимой вечности. Лишь где-то сбоку блеснул едва заметный свет. Его заметила только я. Но это было лишь раз и лишь на мгновение.

Я снова заварила чай. И мы с Алексеем снова принялись пить самый замечательный в мире напиток и болтать обо всем подряд. Снова стало весело. Из праздника детства была вычеркнута грустная минута.

Перед уходом, прощаясь, Алексей попытался поцеловать меня в щеку. Но я увернулась.

14. Когда-нибудь, лет через двадцать

Было очень жарко. Продолжался июль месяц. Я разделась и, обнаженная, легла на прохладную постель.

Я старалась вобрать в себя как можно больше прохлады. Как можно больше... Затем, вобрав все, что было подо мной, я передвинулась, чтобы вобрать в себя остальную часть прохлады, которую еще хранила постель.

«Тебе было так весело, так хорошо, – мелькали разные мысли. – Ты побывала в детстве, отказалась от вечности. Оказывается, нужно было всего лишь побыть в детстве, всего лишь отказаться от вечности – чтобы стало радостно. Всего лишь... побыть в детстве... отказаться от вечности...»

Я вскочила. Почему я отказалась от вечности? Я отказалась от вечности? Но я от нее не отказывалась! Я лишь отказалась от туфель и бала. Но от вечности я не отказывалась! Мне никто не предлагал ее. Вечность мне мог предложить только Демо. Но он не предлагал ее!

«Предлагал, предлагал! – сказала какая-то мысль. – Вот видишь, и с твоей памятью что-то происходит, а не только с Алексеевой».

«Неужели, неужели Демо предлагал мне вечность, а я забыла про это?» – воскликнула я. «Ты просто не обратила на это внимание, – сказала та же мысль. – Видать, действительно, не очень-то нужна тебе эта вечность, раз ты не обратила внимания на предложение Демо. А зря! Подумай хорошенько. Не стоит отмахиваться от королевских подарков. Да каких там королевских! Королевам такое не предлагают. Так что подумай еще раз, пока не поздно, над подарком».

Мне снова стало жарко. Но постель нагрелась. В ней больше не было прохлады. А во мне больше не было радости. Недолгим, однако, было мое хорошее настроение. В чем же причина того, что оно быстро закончилось? А в чем причина внезапно охватившей меня радости? В том, что я побывала в детстве? Или в том, что я отказалась от вечности? В чем же? В чем?

Я встала. Подошла к окну. Высунула сначала голову, затем – тело до пояса. За окном не было прохлады. Прохлады нигде не было.

Я знала, я была уверена, что если я не получу хоть немного прохлады, жар станет нестерпимым. Если я не получу хоть глотка прохлады, жар перетечет в вечность. Жар станет вечным. И я уже ничего не смогу поделать с этим. Нужно что-то сделать. Прямо сейчас. В эту же секунду. Если я не придумаю что-нибудь в эту же секунду, эта секунда, так же, как и жар, перетечет в вечность. И я опять ничего не смогу поделать с этим. Нужно что-то сделать прямо сейчас, пока не закончилась эта секунда.

Мои движения замедлились. Мои мысли стали останавливаться. Секунда подходила к своему краю, начиная переходить через отведенную ей меру. Жар слился с моим телом. Переполнив меня, он начал перетекать туда, куда увлекала его переходившая через свою меру секунда.

Но жар еще не начал перетекать. Секунда только-только стала переходить через свою меру. Осталось еще мгновение. В моих руках было лишь мгновение. И именно в это мгновение.

Именно в это мгновение с необычайной ясностью я вспомнила простую, очень простую – слишком простую – вещь. Мне нужно как можно быстрее добежать до ванной комнаты и встать под холодный душ. И все.

Я рванула. Лишь только коснулось меня это понимание, я рванула. Я взлетела. Я одним, быстрым, стремительным, молниеносным шагом...

Мгновения оказалось достаточно, чтобы успеть все.

Я стояла под холодным душем и принимала живительную прохладу. Этой прохлады было много. Ее было очень много. Сколько угодно много – чтобы остудить жар. Я впервые почувствовала, я поняла смысл слова «много». «Много» – это очень много, это намного больше, это гораздо больше, чем нужно мне.

Я приняла столько прохлады, сколько нужно было мне. Холодная вода продолжала щедро течь. Она утекала просто так – непонятно куда.

Я выключила воду и, не вытираясь, мокрая, капая большими каплями, направилась в комнату, к своей постели.

Жар исчез – он вытек вместе с водой. Секунды, мелкими шажками, не торопясь, как обычно, одна за другой, засеменяли куда им положено – каждая своим чередом.

Все такая же мокрая, я упала на постель – одним, большим, широким движением – и тут же заснула. Пока было прохладно, пока я

была мокрая, нужно было как можно быстрее заснуть. Пока не ушла прохлада – нужно было – как можно быстрее – рухнуть в сон. И никаких мыслей. И никаких движений. Поэтому я тут же заснула. Как только упала, тут же заснула.

Когда-нибудь – лет через десять, а может, пятнадцать или даже двадцать – я вдруг вспомню его. Вспомню, что когда-то в моей жизни был Он. И подумаю – как же все было прекрасно тогда! А я этого не замечала – что все прекрасно – прекраснее не бывает.

Нет-нет, я не права! Я не вспомню его вдруг. Все эти десять, пятнадцать и даже двадцать лет я буду помнить – конечно же, я буду помнить его! А как иначе? Такое не забывается. Такое никогда не забывается.

Все эти годы я буду иногда – очень часто – вечерами, перед сном, вспоминать его и думать, как же он сейчас? Где он? И во снах будет являться он – часто-часто. Так часто, что я даже привыкну, что во снах является мне он. Он станет частью моих снов. И, просыпаясь, я буду думать – неужели это был сон? Всего лишь сон? И весь день думать о том, что когда-то был он.

Сейчас мне даже трудно представить себе, что после я так часто буду вспоминать его. Что он станет моими – самыми красивыми – воспоминаниями.

А иногда мне будет казаться, что я забыла его навсегда.

Но – вдруг – утром, проснувшись, я вспомню свой сон. Я не всегда вспоминаю свои сны по утрам. Я обычно просыпаюсь и тут же встаю. И мир сновидений исчезает, так и не возникнув в моих утренних грезах. Но в какое-то утро, проснувшись, я долго не смогу отойти от последнего сна. Я буду вспоминать и вспоминать его. И так не захочется вставать с теплой постели. Потому что вдруг – снова – во сне я увижу его.

А затем я буду удивляться – я же забыла его совсем. И память не возвращает меня к нему уже давно. И вдруг снова во сне... К чему бы это?

Я снова и снова буду вспоминать его – потому что это, оказывается, невозможно – не вспоминать о нем.

Он мне рассказывал о какой-то избушке – среди непроходимого леса – придумал же такое! Я слушала его и думала – о чем это он? В ответ он смотрел на меня – долго, молча.

А еще я услышала от него о какой-то вечности, в которой можно жить и даже хорошо жить. В полном уединении. Я его спросила: «А

вечность – это избушка?» В ответ он снова долго и молча смотрел на меня.

Я начну думать о нем с той самой минуты, когда расстанусь с ним (навсегда?). Все мои мысли будут снова и снова возвращаться к нему.

Но я не знаю, я даже не знаю... Я никогда не смогу ответить на этот вопрос: «Хочу ли я встретиться с ним снова?» Я буду бояться задавать себе этот вопрос. Ведь прошло столько лет! И я не знаю, что будет со мной, если я – вдруг – случайно – встречу его.

Когда неожиданно будет всплывать этот вопрос – хочу ли я встретиться с ним? – у меня будет сжиматься сердце – то ли от волнения – сильного волнения. То ли от страха – сильного страха. И невольно – где-то вдали от меня – нет-нет! не у меня! – всплывет вопрос – «Зачем?». Зачем я хочу встретиться с ним? Ведь у меня теперь другая жизнь. И у него, наверно, тоже. Зачем вносить в наши – уже другие – жизни то, что было когда-то?

Я задала вопрос «зачем?», и сразу же всплыло это противное – «ведь у меня другая жизнь, и у него, наверно, тоже».

Но затем я вспомню – и засмеюсь.

И как же я забыла это?!

Как я могла такое забыть?!

Он ведь Дьявол!

И у него не может быть другой жизни. Как я могла такое забыть?

А затем я встречу его. Случайно. А когда встречу, то, как всегда, забуду, снова забуду, что он-то – Дьявол!

Я подумала. Когда-нибудь – через десять, а может, пятнадцать, а может, даже и двадцать лет – я встречу его. Случайно.

Я буду идти среди галдящей толпы в большом-пребольшом шумном городе. Вокруг меня будет много людей, и все они будут разными, и их будет очень много. Затем, в каком-то месте, я выплыву из этой толпы и пойду дальше по какой-то дороге. По ней будет идти уже не так много людей. Я даже смогу оглядываться по сторонам и смотреть на всякие здания, небо над ними... Затем, случайно кинув взгляд куда-то вперед, наткнусь этим взглядом на какого-то прохожего. Я буду продолжать идти и смотреть на него. А он будет приближаться. Затем вдруг блеснет мысль, что он напоминает мне кого-то.

Да мало ли в большом-пребольшом городе может встретиться людей, похожих на кого-то? Это обычное дело, когда на улице, среди прохожих встречаешь человека, похожего на кого-то.

Но мысли, всякие мысли начнут кружить в моей голове. И незаметно для себя я начну вспоминать, на кого же похож этот человек. На кого же он похож? На кого же? Нет, не знаю.

Мы подойдем близко друг к другу, но я так и не вспомню, на кого же он похож.

Он посмотрит на меня. – Он тоже, наконец, обратит внимание на меня (может, потому что я неотрывно смотрю на него?).

Он будет смотреть на меня. А я – на него.

Затем мы подойдем совсем близко друг к другу и... пройдем мимо... каждый мимо другого. Так обычно бывает. Так всегда расходятся случайные прохожие.

Мы никогда больше не встретимся. Мы случайно оказались на одной улице. Случайно взглянули друг на друга. Вот и все. Что в этом необычного? Ничего необычного. Все слишком обычно.

Он уже будет позади меня. Я – позади него.

Но я вдруг обернусь. Он – тоже. Я остановлюсь. И он, конечно же, – тоже. И одного этого – будет много.

Мы постоим в нерешительности. Чуть-чуть постоим в нерешительности.

Но все уже будет ясно.

Мы начнем идти друг к другу. Сначала медленно, затем быстрее. И, подойдя очень близко, почти столкнувшись, остановимся...

Я начну смотреть в его глаза. И совсем не бояться – ничего не бояться.

Он тоже начнет смотреть на меня. И молчать. Лишь чуть-чуть шевельнуться его губы. Но этого мне будет достаточно. Мне будет все ясно – он произнес мое имя.

Я чуть кивну ему и попытаюсь улыбнуться.

А дальше мы снова будем стоять, смотреть друг на друга и молчать.

Я подумаю: «А он уже не так молод, каким был тогда». Но что в этом удивительного – ведь столько лет прошло с тех пор!

Будет бросаться в глаза седина на его волосах. Когда-то его волосы были волнистыми и черными, как смола, и красиво падали на плечи. А теперь они поредели, так сильно поредели. И появились те самые – седые – волосы. Я подумаю: «Боже! Время все-таки сильнее нас».

Под глазами будут дрябло лежать морщины. На лбу тоже – прочно залягут длинные морщины. Чуть обвисшими станут щеки, более усталыми и печальными – губы.

Но это будешь ты! Это непременно – по-прежнему – конечно же – будешь ты!

Твои губы шевельнуться отчетливее. Я громче произнесу твое имя. Ты во все глаза будешь смотреть на меня.

Ведь когда-то мы любили друг друга. Об этом я могу сказать только сейчас. Когда прошло столько времени. О том, что мы любили друг друга, я могу сказать только сейчас – увы, так поздно!

Наверно, у тебя есть своя семья. У меня – тоже. А все, что было когда-то, ушло в прошлое. Безвозвратно ушло в прошлое. И ничего не вернуть. Теперь мы можем лишь стоять рядом – друг напротив друга – и шевелить губами – каждый произнося имя другого. А затем замолчать и снова молча смотреть друг на друга. Ведь когда-то...

Но мы уже совсем не те, что тогда... Я – не так глупа. А ты – не так молод.

А ты – не так молод. И бросается в глаза седина на твоих волосах.

«Почему не так молод?!» – вскричала я.

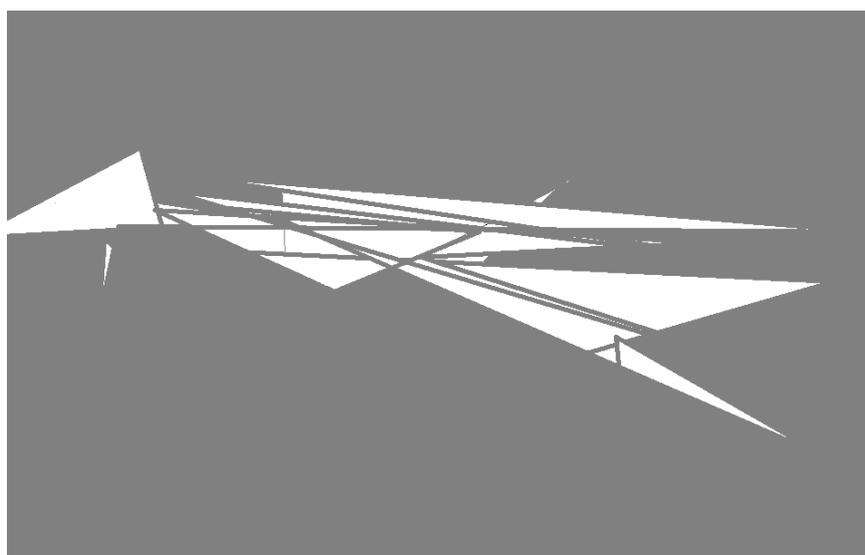
Оказывается, я лежала на постели, никак не могла заснуть и о чем-то думала! Мне казалось, что я рухнула в сон. А я не рухнула. Я лежала, не могла заснуть и сочиняла эту встречу.

«Но он же Дьявол!»

А Дьяволы не стареют. Они никогда не стареют. Как же я забыла про это?!

Значит, этой встречи не будет? А что же тогда будет? Какой будет наша встреча?

И почему я решила, что наша встреча – через десять или пятнадцать, а может, даже, и двадцать лет – непременно случиться?

15. Взлёт

Дьявол снова сидел на крылечке своей избушки – в глубине огромного, непроходимого леса. И, как всегда, вспоминал.

Вспоминал, как она взлетела. Они сидели в комнате ее маленькой квартирке, такой же маленькой, как и его избушка. Вдруг она взмахнула руками и взлетела. Он даже не успел ей ничего крикнуть. Она почему-то забыла, что находилась в комнате. Об этом она после сказала – что забыла, что в комнате находилась.

Она взлетела и больно ударилась головой о потолок. Сначала ударились о потолок ее руки. Но они не успели задержать ее взлета – она все еще продолжала стремиться ввысь. И только когда голова громко ударилась о потолок, ее взлет прекратился. Она всей тяжестью упала на пол, рядом с ним.

Он даже не успел испугаться. Он тут же оказался рядом с ней. Его рука лежала на ее голове. Все произошло очень быстро.

Она подняла голову и улыбнулась – словно и не было никакого удара.

Затем она рассказала ему о том, что часто забывает, что она – в комнате. И тогда перед ней снова появляется пропасть, а за спиной – равнодушный мир. Она сказала, что, наверно, все дело – в ее комнате. Эта комната какая-то странная – превращается во что угодно. И главное – в такие минуты – не забывать, всеми силами стараться не забывать, что в комнате есть потолок и стены. И окно – и окно еще есть.

На этот раз он не предложил себя – вместо пропасти. Не сказал, что он и есть Дьявол. Он лишь спросил ее: «Зачем ты взлетела?» В ответ она удивленно ответила: «Но ты же сам предложил мне оказаться в избушке». Он сказал: «Но в избушку можно попасть, не только взлетая. Взлетать для этого вовсе не обязательно. Можно просто взять и оказаться в избушке – в мгновение ока – простой дьявольский прием». Она сказала, что она-то – не Дьявол. Она не умеет ничего делать в мгновение ока. Единственное, что она умеет – так это взлетать. Она даже летать не умеет пока. Она научилась лишь взлетать. Но и взлетать тоже очень приятно и захватывающе.

Он тогда снова вспомнил, что она – человек. Он часто забывает об этом.

Он так захотел перенести ее в вечность и сказал: «Хочешь, я подарю тебе вечность?» Он так и сказал. Он предложил ей вечность. И начал ждать ответа.

Но она отвечать не торопилась. Она все еще не знала, что такое вечность. Дьявол не сразу это понял. А когда понял, то сказал:

«Вечность – это когда весь мир – перед тобой. Весь мир – твой. И тебе подвластно все».

Она сказала, что иногда ее посещает такое чувство, что она может все – абсолютно все. И не только когда она взлетает, посещает ее это чувство. Ее давно это чувство посещает. Но оно длится лишь мгновения. И она не успевает – ничего не успевает – за эти мгновения.

Он объяснил ей: «Это все потому, что ты не владеешь вечностью. Если ты не будешь владеть вечностью, то за те мгновения ты ничего не будешь успевать».

Она сказала, что пока не чувствует разницы между вечностью и мгновениями.

Но владеть вечностью она, конечно же, хотела. А как этого не хотеть! Это же так заманчиво! Особенно человеку. И даже ему, Дьяволу, так сладостно бывает, после трудных попыток стать

человеком, снова прикоснуться к вечности. Надо обязательно сказать ей об этом. Надо сказать, что даже ему, Дьяволу...

Она спросила: «Как же научиться владеть мгновениями? Для этого обязательно нужно научиться владеть вечностью?»

Что он мог ответить ей на это? Мог ли он ей сказать, что ничему учиться не надо? Поверила бы она ему?

Он все хотел спросить ее – но каждый раз забывал об этом. Он каждый раз, когда хотел спросить ее об этом, вдруг произносил совсем другое. И снова забывал о своем вопросе. Но, наконец, она подсказала ему сама.

Она снова сказала, что взлетать так приятно и захватывающе. И тогда он вспомнил...

Он вспомнил, что – снова – хотел спросить, для чего же она взлетела – в этой маленькой комнатке с низким потолком? Она во второй раз ответила ему, что ей очень захотелось снова оказаться в избушке – в тиши, посреди непроходимого леса. Ему было так приятно слушать об этом. И он снова задавал ей этот же самый вопрос. А она не уставала отвечать ему одно и то же.

Как-то, когда она отвечала на этот вопрос, он поспешил ей сказать. Пока она продолжала отвечать на его вопрос – тот же самый вопрос – он поспешил ей сказать, что в избушке у нее будет все. И вечность тоже. И не будет покидать ее чувство, что она может все, и все ей подвластно. Это чувство уже не будет длиться какие-то мгновения. Оно будет просто длиться и длиться... Она тут же спросила, а сможет ли она взлетать – над избушкой, над полянкой, над лесом? Он удивился, неужели она ничего не поняла до сих пор? Он хотел спросить ее: «А разве ты не помнишь, что уже взлетала – и над избушкой, и над полянкой, и над лесом?» Но не стал спрашивать. Он понял, что она-то только-только постигала вечность! И ей было так приятно чувствовать – снова и снова, – что она умеет взлетать – надо всем. Поэтому и задала она этот вопрос. Он ей, конечно же, ответил, что взлетать она сможет всегда – когда захочет. И везде – где захочет.

Ей так хотелось верить ему, Дьяволу. Она даже сказала, что она ведь – человек. И ей очень хочется – хотя бы иногда – верить – без остатка – кому-то. Это так трудно, но ей так хочется!

Что-то дрогнуло в его душе. Он так боялся этого – чтобы ему верили без остатка. В такие минуты он не знал, кем лучше себя чувствовать – Дьяволом или человеком.

Она снова и снова подходила к нему и прижималась к его груди. Он опускал голову и касался подбородком ее затылка – рядом с ним она была такая маленькая.

Затем она начала непрестанно спрашивать его, а подарит ли он ей вечность. Он отвечал – конечно же. Разве может быть иначе? И он радовался, что она не спрашивала его – когда? Когда же это произойдет? Этому вопросу он боялся больше всего. Потому что не знал, как на него ответить.

Она по-прежнему не задавала этого вопроса. И он по-прежнему радовался, что, наверно, она его поняла. Он хотел ей сказать: «Только не говори «когда же?»» Но не сказал. Он ведь думал, что она его поняла.

Но однажды она чуть не задала этот вопрос. Он даже вздрогнул. Он даже – совсем как человек – недаром он учился этой науке! – затаил дыхание. И лишь в последний момент она поняла – все-таки поняла! Лишь в последнее мгновение она раздумала задавать этот вопрос.

Он знал, что она учится ловить мгновения. Это было так смешно. Когда она училась это делать – ловить мгновения, – она становилась похожей на собаку, которая ловит на лету кость. Но она этому все же училась, пусть и смешно, и постепенно научилась ловить эти мгновения мастерски. Дьяволу даже хотелось хлопнуть ей – он радовался каждой ее маленькой победе – каждой, очень маленькой, но – победе. Но он не делал этого, боясь убить то мгновение, которое она сумела поймать. Эти мгновения становились для нее бусинками, которые она затем легко – играючи – нанизывала на нить своего времени. Это было действительно восхитительно.

Теперь и Дьявол наблюдал, как человек учится – трудно, упорно. Как когда-то и он учился – также трудно, упорно – становиться человеком.

16. Допрос

– Сколько прошло времени? – сразу же начала я с главного вопроса, как только Демо явился ко мне в очередной раз. – Сколько прошло времени в моем мире? И сколько в том?

– В каком том? – не понял Демо.

«Неужели он, действительно, не понял? – злорадно усмехнулась какая-то мысль. – Косит под дурачка. Ну и ну! Интересно, все дьяволы такие? Или он один такой? И откуда он такой выискался?» – «А может, он действительно не понял, – заступилась за Демо другая мысль. – Для чего сразу делать вывод, что он под дурачка косит?»

Я послушала мысли, подумала самостоятельно над тем, действительно ли Демо не понял меня или притворился, и решила, в конце концов, терпеливо объяснить ему все (если он, действительно, не понял, о каком таком «том мире» я говорю). Но сначала я решила задать ему один вопросик (чтобы успокоить мои беспокойные мысли):

– А ты разве не понимаешь, о чем я?

Демо посмотрел на меня. Я мельком глянула ему в глаза – буквально пролетела над ними. Его взгляд был чистым. «Надо же! – подумала я. – Оказывается, у Дьявола взгляд может быть чистым. А раньше... Раньше я совсем не могла смотреть в его глаза... Даже скользить по ним было трудно. Ведь именно так и было! Его взгляд был таким...» – Я начала вспоминать, каким был взгляд Демо. Я начала вспоминать...

Нет-нет! Не надо! Только не это! Лучше не вспоминать! – Я все еще помнила – такое не забывается! – что происходило со мной, когда я смотрела в глаза Демо.

«Что это ты всполошилась? – спросила ехидная мысль. – Может, взгляд Демо и раньше был чистым. Одно другому не мешает. То, что ты не могла спокойно смотреть в его глаза, не мешает тому, что его взгляд чистый». – «Действительно, – подхватила другая мысль, – может, у Демо взгляд всегда был чистым. А ты попробуй сейчас! – посмотри в его глаза». – «А если? – испуганно сказала я. – А если все снова начнется?» – «А ты осторожно посмотри. Сначала взгляни быстро – и тут же отведи свой взгляд от него. Затем передохни и, если ничего не произойдет, снова взгляни в его глаза. Остановись на пару мгновений дольше. Снова отведи взгляд. Так, постепенно, шаг за шагом, ты научишься смотреть в его глаза – сколько захочешь».

Я решила послушаться эту вполне мудрую мысль (в который раз я убеждалась, что меня порой посещают и мудрые мысли!). Нужно

действовать постепенно. Это самое важное, что если ты боишься чего-то – нужно действовать постепенно, осторожно, шаг за шагом. Можно, конечно, и быстро действовать. Так некоторые и поступают, говоря, что им лучше быстро действовать. Но мне лучше осторожно действовать.

Я подняла свой взгляд и посмотрела в глаза Демо – его взгляд был по-прежнему чистым.

Я даже не заметила, как отвела свой взгляд. Передохнула (и даже это я не сразу заметила, я это заметила, когда уже передохнула и подготовилась к следующему прыжку). Снова – молниеносно – подняла свой взгляд и посмотрела в глаза Демо – его взгляд по-прежнему оставался чистым. Я остановилась в его глазах – я позволила себе чуть окунуться в его глаза (главное – вовремя вынырнуть!). Огонь его глаз не обжег меня. Ни капельки не обжег.

Я опять не заметила, что уже не смотрю на него – а смотрю куда-то в сторону. Еще она попытка – еще один нырок! – в самую глубину его глаз – в самый адский огонь. – Вынырнула – передохнула – все нормально! – Это была моя новая маленькая победа.

Так я научилась смотреть в глаза Дьяволу.

Демо дал мне возможность поупражняться в нырянии в его глаза. Он терпеливо ждал до самого моего последнего нырка – погружения и выныривания.

И только когда я вынырнула и сделала глубокий вдох и выдох в последний раз, он ответил на мой вопрос. Все-таки он ответил на него!

– Твое путешествие в детство произошло вне времени, – спокойно сказал он. – Поэтому в твоём мире не прошло ни минуты.

Вот так-то! Он ответил на оба мои вопроса сразу. Не косит он под дурачка. И мне не потребовалась терпеливо объяснять ему все.

– Ты имеешь власть над временем? – Теперь я смотрела в его глаза сколько хотела.

– Да.

Мне стало немного холодно. Я поежилась. Я так и знала! Я догадывалась, что он имеет власть над временем. Хотя, что в этом необычного? Что в этом необычного для Дьявола?

– Но ведь это несложно, – сказал он.

Я снова посмотрела в его глаза. Они по-прежнему были чистыми. Наверно, права была та мысль, что сказала, что его взгляд всегда был чистым. И огонь в его глазах был чистым и почти невидимым. Просто я не могла увидеть всего этого раньше, потому что тонула в его глазах. – Как только начинала смотреть в его глаза, тут же тонула в них.

– Время – оно такое – как почувствуешь его – увидишь его, – то сможешь творить с ним что угодно. Время – это то, что способно подчиняться. Нужно только понять его. А главное – почувствовать и увидеть. Время – оно мягкое, податливое.

– А я смогу творить с ним что угодно?

– Нет. Ты ведь человек.

Я обиделась. Впервые, когда обо мне сказали, что я – человек, я обиделась. Словно я букашка какая-то! – Именно такой я почувствовала себя, когда Демо сказал мне, что я – оказывается! – человек. И никогда поэтому я не смогу стать властелином времени.

– Но это тебе и не нужно, – попытался успокоить меня Демо. – Ведь у тебя есть я.

«Вот как он повернул! – снова обиделась я. – Он, значит, могущественный, а я – нет? Я, значит, всего лишь человек (хотя, что в этом плохого?)».

– Хочешь, наши встречи будут происходить вне твоего мира? – снова попытался успокоить меня Демо.

Нет! Это он не успокаивал меня! Это он сделал предложение – такое странное! Он, значит, в своем – каком-то – мире будет принимать меня, а я его – в своем – нет. Какая несправедливость! Я так и сказала:

– Какая несправедливость!

– Здесь нет никакой несправедливости, – попытался убедить меня он. – Мы будем наслаждаться с тобой вечностью, а в твоём мире при этом не пройдет ни секунды. Ты будешь спать всю ночь и утром просыпаться выспавшейся. Несмотря на то, что ночь провела в вечности.

«А что, идея!» – подмигнула какая-то мысль.

– Если я буду в вечности, то смогу творить со временем что угодно, не так ли? – спросила я, не обратив ни малейшего внимания на мысль. – Но ты мне сказал, что временем я никогда не смогу владеть.

– Вечность – вне времени. В вечности много времени, слишком много времени, но она – вне времени.

– А разве может быть такое, чтобы вечность была вне времени, и при этом в ней было слишком много времени?

– Только так и может быть.

– А ты, значит, можешь и в вечности быть, и творить со временем что угодно?

– Но я же не человек. Я чуть не стал человеком. Но все же остался Дьяволом.

Ой-ей-ей! Как все запутанно! Если я буду находиться в вечности, то это еще не означает, что я буду владеть временем. А Дьявол все может – и то, и другое. Он даже чуть человеком не стал. Запутанно, как все запутанно!

– Я совсем запуталась, – сказала я. – Во всем, что ты сказал, я запуталась. И кстати, ты мне уже предлагал вечность. Предлагал ведь?

Демо вздохнул. Значит, предлагал.

– Скажи мне! Когда ты в первый раз предложил вечность, я отказалась от нее?

– Нет, не отказалась.

– Как не отказалась? – удивилась я.

– Просто разговор перешел на другую тему.

Ах, вот в чем дело! А я думала, и что это я радуюсь, что отказалась от вечности, если Демо не предлагал ее мне. Хорошо, мысли помогли вспомнить. Значит, сменилась тема разговора, вот я и забыла про предложение Демо. Хотя нет, не забыла. И даже радовалась чему-то – вроде бы моему отказу от вечности. Нет, все-таки что-то начинает со мной происходить! Всякие потери памяти, метаморфозы со временем, вечность... – это ведь со мной что-то происходит? Но надо, надо вернуться к прежней теме разговора! Чтобы окончательно не увязнуть в непонятном. Значит, о чем мы говорили только что – до того, как я сказала, что запуталась во всем? О многом говорили. А самое главное, Демо снова предложил мне вечность. Предложил встречаться с ним вне моего мира. Но что же это такое – встречаться с Демо вне моего мира? Как бы прояснить это?

– Постой! – крикнула я, наконец, поняв что-то. – Получается, я буду видеть тебя во сне? Но это же неинтересно! Я так не хочу!

Демо задумался. Действительно, его предложение получалось каким-то неоднозначным – и как он об этом не подумал! Я с ним ночью и – оказывается – вижу его во сне. Так ведь получается?

– Выходит, я буду возвращаться домой и весь вечер находиться одна, а тебя не будет рядом? – продолжала я. Обида захлестнула меня.

– Буду смотреть телевизор, читать книгу. Или смотреть в окно – вспоминая тебя. Ужасно! А ты лишь изволишь являться ко мне во снах. Так ведь получается?

Получалось именно так. Демо был с этим согласен. Нужно придумать что-нибудь другое.

– Я хочу, чтобы ты заполнял все мои минуты, – вдруг выпалила я и сама удивилась своим словам. Вот это смелость! Да я, можно сказать, призналась ему – в том, что хочу быть с ним всегда! Интересно, что на это ответит Демо.

Демо смотрел в окно. Интересно, он услышал меня? «А как же! – язвительно сказала мысль. – Услышал. А теперь смотрит в окно и переваривает твои слова».

«Как много у меня, однако, таких вот язвительных, ехидных, злобных, противных мыслей, – подумала я. – И все они норовят сказать что-нибудь неприятное – в любой подходящей или неподходящей ситуации».

– И пусть эти минуты все же будут не бесконечными, – добавила я, пока Демо, по мнению язвительной мысли, переваривал мои слова. – Мне трудно жить по-другому.

Демо кивнул. Он отвернулся от окна, посмотрел на меня – чистыми, бездонными глазами – и кивнул.

В дверь постучали. Я тревожно посмотрела на Демо.

– Ты не исчезнешь? – спросила я.

– Почему ты решила, что я должен исчезнуть? – удивился Демо.

«Начинается! – каркнула противная мысль. – Вечно эти игры-притворялки! Делает вид, что ничего не понимает. Он опять собирается косить под дурачка?» – «А может, действительно, ничего не понимает, – заступилась за Демо другая мысль. – Давайте, лучше спросим у него обо всем и пойдем, притворяется он или нет». – «Давайте», – согласилась я.

– Но ты ведь уже исчезал, – сказала я.

Демо молчал.

– Начиная с самого первого раза, – продолжала напоминать я. – Помнишь, когда ты пришел ко мне в самый первый раз?

Демо кивнул.

– А помнишь, как ты исчез тогда?

– Я ушел, – ответил Демо.

– Ты не ушел, ты исчез, – теряя самообладание, выговорила я.

– Ты мне сказала: «Уходи, ко мне пришли». И я ушел. И в первый, и во второй раз ты мне так сказала.

– Но я тебе ничего подобного не говорила!

Демо не отвечал.

– Хочешь сказать, ты тогда находился в своей вечности, а я здесь? – не смогла я удержаться от ехидства.

– Может быть. – Лицо Демо засияло, словно он обрадовался, поняв решение сложной задачи.

– У меня слов нет! – только и смогла сказать я. – Так любое свое странное поведение можно объяснить.

– Но я не хотел объяснять.

– Ну да, конечно! Это я заставила тебя объясняться. Конечно, легче легкого – свалить всю вину на меня!

Демо вздохнул. «Словно невинный младенец вздохнул», – усмехнулась мысль. «Таких мыслей у меня всегда наготове сто штук», – почему-то подумала я. Вот такая я.

В дверь снова постучали. Я встрепенулась. Источая злобу, я забыла о том, что ко мне постучали. «Вот сейчас и проверим Демо», – подумала я в унисон с доброй половиной злобных мыслей, копошащихся в моей голове.

– Ты не исчезнешь? – снова спросила я.

– Нет, – поспешил успокоить меня Демо. – Хочешь, я пойду вместе с тобой – открывать дверь?

Я радостно закивала и побежала к двери. Демо, как и обещал, покорно пошел вслед за мной.

Это были те самые старушка с внучкой, что приходили ко мне в прошлый раз. «Так! – успела подумать я. – Опять пришли учить. Ну, я им покажу! Я им самого Дьявола покажу! Интересно, что они скажут? Я первая начну говорить!»

Но меня опередили.

– Вы кофе на этот раз не варите? – спросила старушка.

– Нет, – ответила я.

– Хорошо, – сказала старушка. Внучка, как всегда, молчала. Только улыбалась иногда – к месту, и не к месту.

– Я вижу, вы не одна, – сказала старушка, увидев за моей спиной Демо.

– Да, – ответила я, – не одна.

Дальше мы все немного помолчали. Старушка с девочкой, видимо, ждали, что я приглашу их к себе. А я не торопилась этого делать. Зачем?

– Вы о Дьяволе пришли поговорить? – спросила я.

Старушка с внучкой оживились.

– Почему о Дьяволе? О Боге.

– Но вы же в прошлый раз о Дьяволе говорили. Что он якобы правит миром.

– Да, мы говорили это, – согласилась старушка. – Но мы еще сказали, что скоро вернется Бог.

– А где он раньше был?

– Кто?

– Бог.

Старушка собралась было открыть свой морщинистый рот, как вдруг заговорил Демо. Я даже вздрогнула.

– Но пока миром правлю я, – сказал он.

Старушка непонимающе посмотрела сначала на Демо, потом – на меня. Внучка тоже непонимающе посмотрела на Демо и на меня. При этом она не улыбалась.

– Вы хотите сказать... – начала старушка.

– Да, я хочу сказать, что я и есть тот самый Дьявол, который правит миром.

Старушка понимающе улыбнулась.

– Библию-то вы хорошо знаете? – спросил Демо. «Допрос он, что ли, собрался устроить? – встревожились я. – Этого еще не хватало!»

– Такое никто не может утверждать, – ответила старушка. – Библия неисчерпаема.

– А я – тот самый, для которого Библия – словно прозрачный кристалл. Я знаю всю Библию. И можете задавать мне любые вопросы – на все отвечу.

«Какой самоуверенный тон, – наверно, подумала старушка. – Сколько наглости! Это все от Дьявола! Это он так людей с пути истинного сбивает. Спасать его надо!»

– Не надо меня спасать, – сказал Демо.

«О чем это он?» – подумала я.

– Если хотите, я сам вас спасу, – предложил Демо.

– Нет-нет, не надо, – вежливо ответила старушка. А через секунду ее и внучку как ветром сдуло.

– Как это ты? – спросила я, когда мы закрыли дверь и вернулись в комнату.

– Ты же сама видела как. Теперь они не будут стучать в твою дверь.

– А-а! – понимающе воскликнула я. – Во второй раз ты исчез, потому что испугался бабуси с внучкой. Что они про Бога собирались говорить. А Дьяволу про Бога неприятно слушать.

– Что ты! – поспешил опровергнуть мое предположение Демо. – Никого я не испугался.

«Действительно, – подумала я. – Кого ему бояться? Бабушку с девочкой? Конечно, нет. Сейчас ведь он их не испугался. Значит, и в прошлый раз не испугался. А соседку, что вернула мне деньги, взятые в долг, тем более не испугался. А исчез Демо потому, что я попросила его об этом. Может, все так и было. Может, я и сказала «Уходи!» И тут же забыла об этом».

Я почему-то вспомнила про кофе. Бабушка спросила, не варю ли я кофе. «Почему бы и не сварить?» – подумала я и высказала эту идею

Демо. Он был не против. И даже сам сварил кофе. Демо, оказывается, еще и кофе умеет варить! Все-то он умеет.

Стоял умопомрачительный запах бодрящего напитка. Демо разлил его по чашечкам.

Я сделала глоток и сказала: «Вкусно!». А затем вдруг вспомнила, как я рассказывала Алексею о своем путешествии в детство. Алексея не впечатлил мой рассказ. «Побывать в детстве взрослой – это совсем не то. – По-моему, он сказал что-то вроде этого. – В детстве нужно быть маленькой». Логично. Я обещала Алексею попросить Демо об этом – отправить меня в детство маленькой. Но согласится ли Демо исполнить это мое желание? Или маленькой он меня не сможет сделать? Или подумает – надоела она со своими желаниями? Но он же сам говорил, что сделает для меня все что угодно. И ему это совсем не трудно, а даже приятно. Тогда, значит, не стоит мне волноваться? Конечно, не стоит. Хотя пока трудно не волноваться. Я ведь еще не привыкла, что все мои желания будут исполняться, как только я захочу этого.

Я снова вспомнила Алексея. Он рассказывал, что его девушке нужны были подарки, а не он сам. Я бы совсем не хотела, чтобы Демо думал про меня также. Может, он и не думает так. Тем более, я постараюсь быть скромнее – я не буду часто просить его исполнять мои желания. Хотя иногда так хочется! Так хочется, чтобы желания исполнялись просто так, без усилий, легко, быстро... Только бы Демо не подумал, что подарки я люблю больше, чем его. Интересно, умеет ли он читать чужие мысли? Нелепый вопрос – конечно умеет! Хотя сказал как-то, что не читает. Что он отучался это делать. Так ли это? Наверно, все-таки не так. Наверно, все-таки читает. Было бы странно – исполнять сказочные желания и при этом не уметь читать мысли. Конечно же, читает. А сказал он тогда, что не читает мысли, чтобы успокоить меня.

Я заволновалась – если он умеет читать чужие мысли, значит, мои он и подавно читает. Я, значит, ничего не ведая, рассуждаю про себя, в моей голове крутятся всякие мысли – как хорошие, так и плохие. А он их преспокойно читает и, наверно, думает про меня: какая же она глупая, да еще и меркантильная! Неужели он так и думает про меня? Ой! Я совсем не хочу, чтобы он так думал. Я же не такая. Для меня подарки не главное. Они приятны, но они не главное. Он – главнее. Он – Демо – мне нужнее, чем его подарки! Так что пусть он прочтает эту мою, последнюю, мысль и поймет, какая я на самом деле – совсем не такая, какой он меня считает.

Но Демо сидел и спокойно пил свой кофе. «Он пьет кофе! – воскликнула эмоциональная мысль. – И с удовольствием это делает. Прямо как человек. Может, он все-таки человек? А только прикидывается Дьяволом?» – «А разве Дьявол не может с удовольствием пить кофе? – заступилась за Демо другая мысль. – Он тоже любит получать удовольствия. Не только человек, но и Дьявол любит получать удовольствия. Было бы странно, если бы Дьявол был аскетом и не любил наслаждений. Именно Дьявол больше остальных любит наслаждаться. Так что, ничего странного в том нет, что Демо с удовольствием пьет кофе».

«Но почему он делает вид, что не читает мои мысли? – подумала я. – Он так маскируется или действительно не читает их? Надо бы все-таки спросить его об этом. Надо внести ясность в этот вопрос – читает он мои мысли или нет. А то как-то мне не по себе стало. Да и кому понравится, что его мысли читают? Это ведь вторжение во внутреннюю жизнь! Интересно, есть ли закон, запрещающий читать чужие мысли?» – «О чем ты беспокоишься? – сказала подслушавшая меня мысль. – О каком законе ты говоришь? Откуда может взяться такой закон в человеческом обществе?» (А-а! – поняла я только сейчас. – Вот кто меня всегда подслушивает! – мои же собственные мысли. Они вторгаются в мою голову непонятно откуда, затем становятся моими – они же в моей голове! – а затем начинают подслушивать меня. Хитро они, однако, действуют!) «Значит, можно беспрепятственно подслушивать чужие мысли?» – спросила я. «Конечно! – ответила та же мысль. – Не запрещено, значит – можно». – «Значит, Демо подслушивает меня, только делает вид, что не подслушивает?» – спросила я. «Не обязательно, – откликнулась уже другая мысль. – Это вовсе не обязательно, что он тебя подслушивает. Может, он деликатный и никогда без разрешения не подслушивает чужие мысли. А, может, по их законам это запрещено. А ты спроси у него обо всем этом. Не стоит гадать – лучше спросить».

Я с этой последней мыслью согласилась. Спросить надо Демо. Так будет лучше. Не стоит жить в постоянных сомнениях – читают твои мысли или нет? А так спросила – и все узнала – и спокойно на душе, и никаких сомнений. Он хоть правду ответит мне? Кстати! Вот еще один вопрос – всегда ли Дьявол говорит правду? «О-о! – простонала я. – Хватит и одного вопроса! А про правду-неправду давайте не будем! Трудно ведь обо всем сразу. К тому же, про желание еще не забыть бы».

И я решилась. Я поняла, что это – пока – самый важный вопрос, в который нужно внести ясность. – Так читает ли Демо мои мысли? И я спросила его об этом. Так и спросила.

Я сделала глоток кофе, затем приняла как можно более невозмутимый вид, чтобы он – не дай Бог! – не подумал, что меня волнует этот вопрос, и спросила, небрежно поставив чашку с кофе на стол:

– А у вас принято читать мысли?

Демо перестал пить кофе и принялся с интересом смотреть на меня. «И что это он так смотрит на меня? – подумала я. – Что я такого сказала? Просто спросила, принято ли у них читать мысли».

Наконец, Демо перестал смотреть на меня, сделал глоток кофе, затем спокойно и небрежно (почти как я) поставил чашку на стол и сказал:

– А ты бы что хотела услышать?

Вот те раз! Он еще вопросами решил мне отвечать! Прямо, прямо надо отвечать. Глядя в глаза собеседнику! Я так и сказала ему:

– А ты можешь прямо ответить на вопрос? Не задавая встречного вопроса? И глядя мне в глаза?

Демо расхохотался.

– К чему такая строгость? – спросил он, наконец, нахохотавшись вдоволь.

– Я же просила не отвечать вопросами! – потребовала я.

– Хорошо, – спокойно сказал Демо. – Не буду отвечать вопросами. Я просто подумал: «Какие они все-таки другие, люди! Не хотят, чтобы читали их мысли». А что в этом плохого? Каковы мысли человека, таков и он сам. Если ты любишь прямые ответы, значит, не должна бояться того, что я читаю твои мысли. Хорошо-хорошо! – поторопился успокоить меня Демо, увидев мой гневный взгляд. – Я отвечу на твой вопрос прямо – я не читаю твои мысли. Я ведь уже говорил тебе об этом, что не читаю. Ты мне до сих пор не веришь? Я отучался это делать. Я ведь изучал людей и понял, что они любят, а что – нет. То, что они не любят, когда читают их мысли, я понял сразу. Нужно уважать законы того мира, в который ты явился.

«Как сложно он говорит! – подумала я. – Разобраться бы, что он наговорил».

– Ты изучал людей? Но ты же и так их знаешь!

– Это совсем другое дело – изучать людей изнутри, живя их жизнью.

– А зачем это тебе понадобилось – изучать людей изнутри?

Демо помолчал и сказал:

– Тебя хотел найти.

Что-то похожее я уже слышала. Ну да ладно. Пусть будет так. Не это сейчас главное.

– Значит, ты не читаешь мои мысли? – спросила я, решив поставить точку в этом вопросе.

– Нет, – ответил Демо и посмотрел на меня. Я посмотрела на него. «Все-таки бездонные у него глаза. Может, и чистые, но бездонные. И где-то огонь адский запрятан. Сразу-то и не увидишь, где этот огонь запрятан», – подумала я, пробежавшись по его глазам. Окунаться в них меня не тянуло.

– А как же быть тогда с тем, что ты говорил мне – мимолетные мысли, якобы, часто самые сильные? Я же перед твоим приходом, еще перед самым первым приходом, подумала мимолетно про Дьявола, и ты не замедлил явиться. Выходит, ты прочитал мою мысль о тебе?

– Нет, – ответил Демо. – Я не читал ее. Я действительно не читал ее! – Демо положил обе руки на грудь. – Так получилось. Я сам не знал, до последнего, что приду к тебе. Я увидел тебя на улице и сразу же понял – это она. Это та, ради которой я спустился на землю. Я увидел тебя утром, затем ты исчезла. Да-да, я потерял тебя. И только вечером я снова увидел тебя и уже не сводил с тебя глаз, чтобы вновь не потерять тебя. А какие у тебя мысли были, я не знаю!

– Ладно, пусть будет так. Но как же дальше все происходило – во второй, третий раз?.. Я ведь, когда хотела, чтобы ты пришел, говорила про себя: «Мне бы Демо!». Ты сразу являлся. Как это объяснить?

– Все просто. Я начинал испытывать непреодолимое желание увидеть тебя, и меня уже ничто не могло остановить. И я являлся к тебе. А ты в это время, оказывается, думала обо мне.

Все! Хватит о чтении мыслей. Устала я выяснять это. Демо не читает мои мысли – поверим ему. Пора переходить к детству.

– Мне кажется, я постепенно начинаю терять себя, – начала я издали.

– В чем? – Демо тревожно посмотрел на меня. «Ага! – подумала я. – Значит, Дьявол умеет и тревожно смотреть. Или он этому тоже научился, когда изучал людей изнутри?»

– Во всем, – сказала я. – В детстве, например, я ощущала мир по-другому – более искренно, доверчиво. А сейчас я не такая. Да ты и сам это видишь, наверно.

Демо молчал и внимательно слушал меня.

– А ведь это ужасно! – продолжала я. – Знаешь, что я поняла недавно? Я поняла это неожиданно и испугалась: я перестала понимать детей.

Я помолчала, обдумывая, что же сказать дальше. Обдумывать долго не пришлось. Дальше говорить было легче. Слова стали идти сами собой. Я даже не ожидала, что смогу так красноречиво говорить. Это Алексей! Это он разворошил все внутри меня разговорами о детстве и мечтой снова побыть ребенком.

– Как-то я сидела на скамейке возле дома, – продолжала я. – Просто сидела, болтала ногами и щелкала семечки. Вдруг ко мне подошел маленький мальчик. Я сначала подумала – это он случайно подошел. Играл где-то в песочнице и отошел от нее. Сейчас он пройдет мимо меня и пойдет обратно к своей песочнице.

Но он и не думал уходить. Он сел рядом со мной и стал молча наблюдать, как я болтаю ногами и щелкаю семечки.

Мне стало не по себе. Болтать ногами рядом с ребенком, в то время как он молча, почти по-взрослому смотрит на меня, – это, наверно, смотрелось со стороны как-то не очень.

Я перестала болтать ногами, но щелкать семечки не перестала – я ведь отдыхала, а семечки помогли мне расслабиться. Ребенок продолжал молча наблюдать за мной.

Наконец, я не выдержала и сказала: «Чего тебе, мальчик?»

Он, вероятно, обрадовался тому, что я, наконец, обратила на него внимание. Теперь он принялся болтать ногами и что-то рассказывать мне. Надо сказать, говорил он не очень понятно – не выговаривал многих букв. Но при желании его можно было понять.

Сначала я не прилагала особых усилий, чтобы понять его. Но он продолжал радостно говорить и взмахивать время от времени ручками. И я решила послушать, что же он говорит. Мне удалось понять его речь, но меня охватила невероятная скука – мальчик с непонятным мне восторгом говорил о каких-то примитивных вещах.

Я послушала его немного из приличия, но затем мне надоело изображать из себя внимательную тетю. Я встала, сказала мальчику, что куда-то тороплюсь, и ушла.

Когда я оглянулась, он сидел рядом с лавочкой и собирал сосновые шишки. Меня почему-то это обрадовало. Меня обрадовало, что мальчик не расстроился, что я перестала его слушать и ушла. Хотя, может, поначалу он и расстроился – на несколько секунд. Дети ведь не умеют долго пребывать в плохом настроении. Они быстро находят себе другие развлечения.

Прошло несколько дней. Я снова увидела этого мальчика, играющим на песочнице. Он был настолько увлечен тем, что строил какую-то башню из песка, что даже не поднял головы, когда я проходила мимо, совсем рядом.

Я отошла от песочницы – она осталась далеко позади меня. И только тогда я поняла, что все дело во мне! Это мне кажутся примитивными те вещи, о которых с такой радостью рассказывал мальчик. Потому что я – взрослая. А он – ребенок и живет в замечательном, чистом мире и радуется самым простым вещам. А я так не умею. Он радуется маме, когда она, наконец, приходит забрать его из детского садика. Радуется подаренному ему ведерку с набором формочек для игры с песком. А я так не умею. Я забыла все эти прелести. Язык ребенка стал для меня чужим. А ведь когда-то я тоже была маленькой, и мир для меня был огромным и полным чудес. Когда я была девочкой, у меня почти никогда не было плохого настроения. А сейчас у меня часто плохое настроение. – Я вздохнула. – И все реже мое настроение бывает светлым. Как я хочу, хоть ненадолго, стать маленькой и снова испытать чистую радость детства. Ты можешь исполнить еще одно мое желание? – спросила я, наконец, о главном.

– Конечно, и не только одно, а сколько угодно. Я ведь уже говорил тебе об этом – что могу исполнить сколько угодно твоих желаний. Поэтому не беспокойся и рассказывай мне о них.

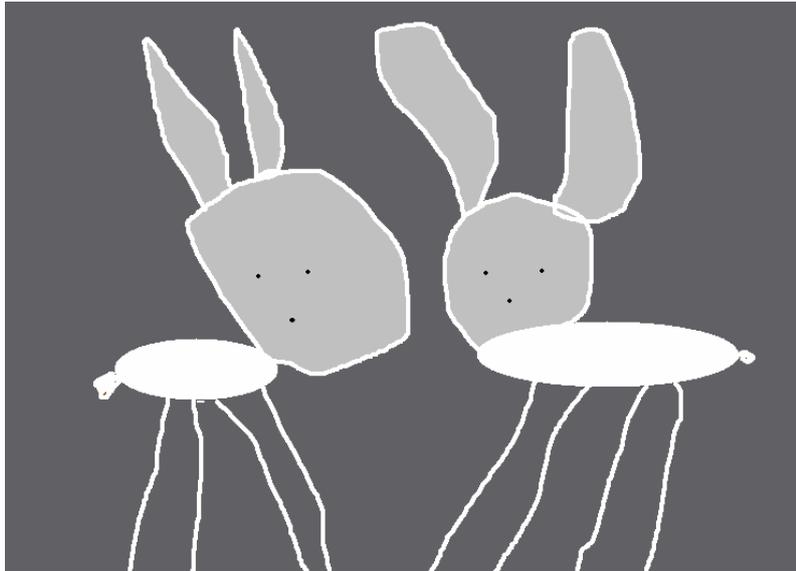
– Нет-нет, мне достаточно одного, – поспешила сказать я. И что это я так сказала? Скромной что ли стала?

– Да ладно! – сказал Демо. – Можешь не скромничать. Мне ведь не трудно исполнять твои желания.

Я вздохнула. Все нормально! Значит, по-прежнему все остается в силе – с исполнением моих желаний. Вот это Дьявол! Настоящий мужчина – с размахом. Не мелочится! Я снова обрадовалась. Я не разочаровалась в Дьяволе. А то как противно бывает на душе, когда в ком-нибудь разочаровываешься. Но Дьявол держит марку! И не требует взамен своих подарков чего-либо. Тем более что мне отдавать-то ему нечего. Разве только душу свою. Но он душой моей не интересуется, по-видимому. Во всяком случае, сам так говорит. Он говорит, что я, своей собственной персоной, его интересую. Надо же! И что во мне есть такого? – Алексей тоже удивлялся этому. Что во мне есть такого, что сам Дьявол заинтересовался мной?

– Помнишь, ты отправлял меня в детство? – сказала я. – Так вот, я хочу еще раз оказаться там, но уже не взрослой, а маленькой, совсем маленькой девочкой. Я снова хочу испытать это особое чувство детства. Я ведь так давно не была маленькой. Вернее, я больше никогда не стану такой.

Я была очень взволнована. Неужели Демо исполнит это желание? Неужели сможет?

17. Я – маленькая!

Смог! Исполнил! Я очутилась возле знакомого дуба – того самого.

На земле снова лежали желуди, а над головой ярко светило солнце.

“Я – маленькая!”, – произнесла я, затем подняла ручки и посмотрела на них. Сжала кулачки, разжала – они были маленькими и забавными.

На мне было коротенькое ситцевое платьице, то самое, которое мама купила, когда мне исполнилось четыре годика. Мне оно нравилось тем, что когда я вертелась, юбка раскрывалась, словно цветок.

Ну, как в таком платьице не покружиться! И я, конечно же, закружилась. Юбка поднялась, едва успевая лететь вслед за мной. А я старалась быстро перебирать ножками, чтобы она не падала, чтобы развевалась как тогда... «Когда тогда?» – задала я себе вопрос. Я даже остановилась. Сейчас ведь и есть то самое «тогда». Это самое «тогда» застыло в вечности. А я – в вечности.

Все-таки оставалось у меня еще что-то от взрослой. Рассуждала я все еще по-взрослому! «Но это ненадолго, – тут же успокоила я себя. – Скоро начну думать по-детски».

Я посмотрела на свои острые коленки. Даже потрогала их. Затем подняла руку и дотронулась до волос. Они были заплетены в две длинные тоненькие косички, завязанные бантиками. Косички! Бантики! Как здорово! «О! – подумала я. – Оказывается, я уже начинаю радоваться, как маленькая. Так от взрослых мыслей скоро ничего не останется!»

Меня, правда, посетила еще пара взрослых мыслей. Но вскоре я вообще перестала о чем-либо думать и запрыгала от радости. А то, что недавно я была взрослой, окончательно выветрилось из головы. Спроси меня в ту минуту, помню ли я себя взрослой, я бы даже не поняла, о чем меня спрашивают. Я вернулась в детство, в то время, когда позволено бегать вприпрыжку, веселиться и не тяготиться какими-либо заботами. Сказка снова начинается!

Я наклонилась и подняла с земли несколько желудей. Их, как и в первый раз, украшали веселые шершавые шапочки. Я, конечно, тут же сорвала их – желуди оголились и стали похожими на коричневые карамели. Я погладила их и бросила обратно на землю. Я никогда не клала желуди в карман. Сорвав с них шапочки, я тут же выбрасывала их. Мне интересен был сам процесс поднимания желудей с земли и срывания с них задорных береток. Дальше они уже не представляли для меня никакого интереса. Один лишь раз помню, как принесла несколько плодов домой, куда-то положила и забыла про них. Лишь через несколько месяцев я обнаружила их в старой шкатулке.

Я вприпрыжку побежала к зеленому полю.

Подбежав, несколько раз покружилась вокруг себя, с восторгом глядя на взлетевшую юбочку. Затем, когда закружилась голова, я упала на мягкую траву и устремила взгляд в небо – небо закружилось. Даже земля закружилась подо мной. Кружилось небо, кружилась земля, кружился весь мир.

Меня немного подташнивало. За головокружительные ощущения мне обычно приходилось расплачиваться временным плохим самочувствием. Но это не останавливало меня. Я снова самозабвенно кружилась, снова падала на траву и снова смотрела на быструю карусель неба.

Кружение, наконец, замедлилось и прекратилось совсем. Я вскочила и собралась еще раз покружиться, но передумала. Меня все еще подташнивало. Вот цветочки бы собрать для бабушки – это другое дело.

Сев на корточки, я принялась собирать маленькие полевые цветочки и складывать их в букетик. Розовый цветочек, беленький, желтенький, еще один розовый, голубой – букетик готов.

Я поднялась и все-таки еще раз покружилась – трудно ведь удержаться от такого соблазна! Еще раз упала на траву и еще раз испытала восхитительное головокружение. Затем встала и поскакала к речке.

Она была мутной и очень родной. Не нужны мне никакие прозрачные речки, которые, как рассказывали родители, текут в других краях. И эта хороша для меня.

Я ступила на старый деревянный мостик – он чуть качнулся. Я сделала еще один шаг – мостик снова качнулся, затем еще шаг... – Мостик откликнулся на каждое мое движение, мостик радовался каждому моему шагу.

Так, шагами общаясь с мостиком, я незаметно дошла до другого берега. Я собралась повернуться, чтобы пройти по мостику обратно, до прежнего берега, затем снова вернуться на этот, затем... Но, постояв немного, раздумала. Я вспомнила, что меня ждет бабушка.

Я уже собралась идти к ней, на полянку, но в последний момент и это передумала делать. Мне очень захотелось прогуляться по берегу. Я ведь маленькая, и мне вовсе не обязательно противится своим желанием. Даже если меня ждет бабушка.

Я сбросила сандалики и босиком ступила на мелкую гальку. Ею был усыпан берег возле небольшой заводи, которая считалась местным пляжем. Маленькие камушки сильно нагревались в жаркий день. Но нас, ребяташек, это нисколько не пугало. Мы заливали гальку водой и, таким образом, спасали свои ноги.

Я лишь раз не спасла свои ноги. Когда ступила на тлеющие угольки. Они показались мне холодными, так как не имели предохраняющего цвета. И я ступила на них. Обжигающий жар проник внутрь сандаликов. Они задымились – то ли ноги, то ли сандалики – трудно было понять тогда.

Поначалу я не смогла вымолвить ни слова. Я лишь с застывшим ужасом смотрела на свои дымящиеся ноги. Сколько это длилось, не помню. В какой-то момент у меня прорезался голос, и я истошно закричала. Что было дальше, вспоминается обрывками – ко мне подбежала мама, мои ноги пихали в таз с водой, я вырывалась... Затем была больница, забинтованные ноги и лежаче-сидячий образ жизни.

До сих пор ступни моих ног хранят следы тех ожогов, которые случились в далеком детстве и которые теперь уже никогда окончательно не заживут.

Я шла вдоль берега, по маленьким камушкам и ощущала их приятную теплую твердость. Они упруго входили в мои ноги, когда я наступала на них. Я остановилась, подняла ногу и посмотрела на нее – страшный рисунок ожога прочно въелся в середину ступни. Я опустила ногу, подняла другую. Тоже ожог – середина другой ступни также предоставила себя жуткому творению.

Но я уже успела привыкнуть к этим рисункам. Родители научили меня не обращать внимания на них.

Я бросила взгляд вниз и увидела красивую ракушку. Таких было много на берегу. Я наклонилась и подняла маленькую, твердую, полосатую скорлупку и принялась изучать ее. Покрутила ее в руках и бросила в речку.

Я снова вспомнила бабушку. Она ведь ждет меня и уже, наверно, волнуется. Надо бы поспешить к ней.

Я надела сандалики и побежала на полянку. Но после нескольких шагов остановилась. Я ведь пропустила очень важное на этом берегу – я еще не сходила на рыбацкий мостик! Он такой же безмолвный? А, может, он уже ожил? По-детски наивно я всегда ждала, что на нем когда-нибудь станет весело.

Я повернулась и побежала к этому деревянному сооружению, который почему-то не доходил до другого берега, а обрывался на середине речки. Я как-то спросила об этом папу. «Это же ясно, – ответил мне папа. – Если бы полумостик доходил до другого берега, то по нему постоянно ходили бы люди и мешали рыбакам».

На краю сидел рыбак и неотрывно смотрел на поплавок. Рядом стоял другой мужчина и наблюдал за неподвижно-немым процессом рыбной ловли. Хотя ловлей это дело можно было назвать с большой натяжкой – одна-единственная маленькая рыбешка металась возле угрюмого рыбака и такого же угрюмого наблюдателя.

Я зашла на полумостик и попыталась загрести ногой несколько сухих листьев. Они не загребались. Сейчас ведь лето, и деревьям рано осыпаться. Лишь случайные листья залетали на этот уголок полного покоя.

Я бросила это бесполезное занятие и начала прыгать. Один прыжок – полумостик качнулся. «Он, оказывается, похож на тот мостик, по которому я перехожу от одного берега на другой, – подумала я. – Он тоже умеет качаться».

Я сделала еще один, более смелый прыжок – полумостик качнулся сильнее. Затем мои прыжки пошли один за другим. Я взлетала все сильнее и сильнее, все выше и выше. Полумостик ожил, а вместе с ним ожил и весь этот скучный мир. Все пришло в движение.

Доски, из которых было построено сооружение, начали подпрыгивать в такт моим прыжкам. Вот что, оказывается, нужно делать, чтобы здесь стало весело! Не только листья загребать осенью, но и прыгать в любое время года – и тогда обязательно станет весело.

Рыбак и наблюдатель одновременно повернулись ко мне и стали возмущенно кричать. Они требовали прекратить эту детскую вакханалию.

Я перестала прыгать и, обидевшись на взрослых, покинула их непонятную страну. Я хотела как лучше, а меня опять не поняли.

Но я недолго оставалась грустной. Я вспомнила про бабушку – на душе потеплело. Я побежала к ней. Я мчалась изо всех сил, как можно быстрее.

Наконец, я добежала до полянки. Отогнула ветви, сделала несколько шагов и очутилась на зеленой, солнечной лужайке.

А вот и бабушка! Она сидит под ветвями старой ивы и плетет венок. Я подбежала к ней и, сев рядом, протянула букетик из поникших цветочков. Все-таки донесла их до бабушки!

– Это тебе, бабушка!

– Спасибо, внученька! – Бабушка взяла букетик и поцеловала меня. – Где ж ты так долго бегала?

– Везде. – Для меня те места, по которым я бегала только что, действительно означали «везде». – Это ты мне венок плетешь?

– Тебе, конечно, кому же еще?

Вплетя последние цветочки и соединив концы длинной косички, бабушка надела венок мне на голову. Я тут же сняла его и принялась разглядывать.

– Что это за цветы, бабушка? – спросила я и надела венок на голову. И почему так заинтересовал меня этот вопрос? Может, это был отголосок недавней «взрослости»?

– Не знаю. Но венок на тебе смотрится чудесно.

Конечно, чудесно! А как еще может смотреться пушистый венок на девочке с тоненькими смешными косичками и лицом, украшенным созвездием веснушек? – только чудесно.

– Бабушка, расскажи сказку, – попросила я.

– Какую?

– Ту самую – про волков и козлика с овечкой.

– Сколько ж можно ее рассказывать?

– Ну, бабушка! Ну, расскажи! – затила я.

Бабушке пришлось согласиться. Ну, разве можно отказать внучке?

– Ладно, слушай, – сказала она и уселась поудобнее.

Я тоже уселась поудобнее, поправила венки на голове и в сотый раз принялась слушать свою любимую сказку.

– Как-то сбежали от старушки козлик с овечкой, – начала бабушка. – Они очень радовались своему удачному побегу, бегали по лужайкам, щипали высокую травку, весело блеяли и мекали. И, резвясь, не заметили, как оказались в густом лесу. И заблудились. Ну, как им было не заблудиться? Они ведь впервые оказались среди бесконечности деревьев.

Сначала они не поняли, что заблудились. А когда поняли, то испугались и, конечно же, захотели вернуться к бабушке. Но не так-то просто это было сделать! Наступала ночь, вокруг стало темнеть, а выбраться из леса в такое время совсем нелегко.

Вдруг они увидели на земле волчью голову. Вот те раз! Ну и находка!

Козлик с овечкой не знали, что это голова страшного зверя. Лежал бы вместо нее живой волк, он непременно съел бы их! А так лежала только его голова. Откуда козлику с овечкой было знать, что будь этот волк живой, он непременно съел бы их? Они ведь сегодня впервые оказались на вольных хлебах.

Но сообразительный козлик, посмотрев на находку внимательнее, все же догадался, что это – голова хищника.

– Слишком уж большие и острые зубы у него, – сказал он. – Помнишь, бабушка рассказывала нам сказку про серого волка? Так вот, это его голова. Волки живут в лесу, и они могут нас съесть! – сделал вывод козлик.

Овечка затряслась от страха. Но козлик сказал, что если они будут трястись от страха, то никогда не выберутся из леса и их обязательно съедят волки. И кинул найденную голову в мешок – на всякий случай.

Наступила ночь. Лес замер. Стало совсем тихо. Лишь иногда до ушей заблудших путников доходил заунывный вой голодных животных.

– Мне стра-а-ашно! – дрожащим голосом протянула овечка. – Это, наверно, воют те самые ужасные волки. А еще мне кушать очень хочется.

– Но ты же травку пощипала! – удивленно воскликнул козлик.

– Травкой сильно не наешься. Хочется чего-нибудь существенного.

– Мне тоже хочется чего-нибудь существенного, – признался козлик. – И мне тоже страшно.

Но делать было нечего, и зверюшки, вздрагивая от каждого шороха и поздно раскаиваясь, что зря убежали от бабушки, продолжали блуждать по пугающей темноте леса.

Вдруг, меж деревьев, они увидели огонек. Как они обрадовались ему! Они, глупые, наверно, подумали, что это бабушкин домик, и побежали к нему.

А это было светящееся окошко в заброшенном лесном домике.

Подбежав к домику, козлик с овечкой заглянули в окошко и увидели страшную картину – четыре голодных волка варили в котле кашу.

Наши друзья задрожали.

– Что делать, козлик? – проблеяла овечка. – Они же съедят нас!

– Ни в коем случае, – ответил отчаянный козлик. Пока овечка блеяла, он успел совладать с собой и унять дрожь. – Нужно зайти в дом и прогнать волков!

– Что ты такое говоришь! Если мы зайдем к ним, они нас точно съедят!

– Не бойся! – В голове козлика уже созрел план. – У нас ведь в мешке настоящая волчья голова.

– Как может помочь нам эта голова? – спросила овечка и еще сильнее задрожала.

– Увидишь! – ответил козлик и, толкнув дверь, смело вошел в домик. Овечка, дрожа, тоже направилась вслед за ним – не оставлять же друга в беде!

– Смотрите, кто к нам пришел! – крикнул один из хищников.

Злые жадные глаза устремились на неожиданных гостей.

– О, какой приятный подарок! – обрадовано воскликнул другой волк. – Да это же мясо для нашей каши! Так что, не придется нам сегодня быть вегетарианцами.

– А вот и нет! – крикнул козлик. Ему было страшно, но он всеми силами старался не показывать свой страх. Овечка покрылась холодным потом. Но она тоже держалась молодцом и пыталась всеми силами унять дрожь.

– Это мы пришли за вами, – продолжал кричать храбрый козлик.

– Мы – беспощадные пожиратели волков. Сегодня мы убили уже восемь ваших братьев.

С этими словами козлик жестом победителя вытащил из мешка волчью голову.

– Видите, это первый! – продемонстрировал он всем голову и бросил ее обратно в мешок.

Волки опешили. Их алчное настроение тут же угасло.

– А вот и второй! – Козлик вынул ту же самую голову. Мы-то знаем, что это была та же голова, но волки об этом не догадывались, в их головах было меньше сообразительности и ума, чем у маленького козлика.

Торжественно показав голову во второй раз, козлик снова бросил ее в мешок. Опешившие волки еще больше опешили. В их глазах появились первые искры страха.

А козлик тем временем достал третью голову и снова победным взглядом посмотрел на своих врагов. Он увидел в их глазах нескрываемый ужас. Значит, он действовал правильно. Это придало ему больше уверенности. Он полез за четвертым трофеем, но поднять его не успел. Волки громко застучали зубами. Козлик застыл в полусогнутом положении – он как раз нащупывал уши, чтобы ухватиться за них и в очередной раз жестом победителя вытащить голову.

Козлик остановил свое торжественное действие и посмотрел на волков. Но тех уже не было. Поджав хвосты, они пулей выбежали из избышки и умчались прочь от коварных, беспощадных гостей.

– Ну и шустрые, эти звери! – сказал козлик, разогнувшись.

Потом, позже козлик покажет волчью голову бабушке, а та ужаснется, всплеснет руками и запричитает: «Боже мой! Неужто вы так проголодались, что волка целиком съели, со шкурой, костями, только голову оставили?»

Козлик вытер пот со лба, сказал «Фу!» и бросил мешок в дальний угол.

Волки убежали, а кашу-то они оставили! Она уже сварилась и начала даже подгорать. Теперь сноровку проявила овечка. Она подбежала к котелку и отодвинула его от огня. Предстояла трапеза.

Каша была вкусной (волки оказались неплохими поварами). К тому же – вегетарианской. И козлику с овечкой не потребовалось есть себе подобных или почти себе подобных.

Они с аппетитом съели кашу (которую, кстати сказать, заслужили!) и завалились спать.

А наутро, отоспавшись, они покинули домик, выбрались из леса и отправились к бабушке.

Сколько раз я слушала сказку, столько раз удивлялась, как это бабушка умудряется рассказывать ее каждый раз по-новому. Неизменным в ней оставался лишь один эпизод: когда козлик вынимал из мешка и бросал обратно одну и ту же волчью голову, все больше пугая тем самым врагов – на этом месте я всегда смеялась.

– А козлик с овечкой вернулись к бабушке? – спросила я в сотый раз.

– Конечно. – Бабушка никогда не уставала отвечать на этот вопрос.

– И они больше никогда не убегали от нее?

– Никогда.

– Бабушка, ты сегодня совсем по-другому рассказала сказку.

– Как по-другому?

– По-модерновому. То есть особенно, – добавила я, видя, что бабушка не поняла меня.

– А-а! – улыбнулась она. – Так сегодня же особенный день. И все сегодня особенное. Вот и сказка получилась модерновая.

– Бабушка, а почему ты сказала, что козлику с овечкой не пришлось есть себе подобных или почти себе подобных? Это разве плохо – есть таких?

– Конечно, плохо. Люди ведь не едят людей.

– Но животным можно есть друг друга. И мы тоже едим животных.

– Но себе подобных все равно лучше не есть – неприятно это.

– А почему тогда наши куры с удовольствием съели остатки сваренного петуха. Он ведь у них один был, и они его любили.

– Неужели они съели его? – Бабушку передернуло.

– Что ты удивляешься, бабушка? Это же ты им бросила петушиные кости. А куры тут же налетели на них и, отпихивая друг друга, съели все, что можно было съесть. Только абсолютно голые кости оставили.

– Неужели все так и было? – Бабушку снова передернуло.

– Бабушка, я удивляюсь тебе. Ты притворяешься, что ли?

Бабушка вдруг стала усталой-преусталой, она вмиг превратилась в столетнюю старушку.

Я испугалась. У меня язык отнялся. Я застыла в ужасе.

Сколько пробыла я в таком состоянии, не помню.

Я пришла в себя, когда бабушка встала и сказала:

– Пора идти домой, обед готовить.

Теперь это была обычная, привычная бабушка.

– А можно, я еще останусь? – спросила я.

«Наверно, это мне почудилось», – подумала я про недавнее превращение любимой бабули.

– Скоро придут подружки, я очень хочу поиграть с ними в догоняшки, – объяснила я.

– Хорошо, – тут же согласилась бабушка.

«Хорошая она у меня, однако, – подумала я. – Все разрешает и никогда не ругает».

Бабушка ушла, а я осталась на полянке одна.

Подружек еще не было. «И почему я решила, что они должны прийти? – удивилась я. – Ведь мы не договаривались о встрече. Неужели я обманула бабушку? Как плохо!»

Я сняла с себя венок и принялась снова разглядывать его. Он был тугой и приятный на ощупь. Во все стороны тесным строем торчали из него небольшие соцветия крошечных белых цветочков. Я поднесла венок к лицу и вдохнула медовый аромат полянки – это же на полянке бабушка собирала цветы. Вдохнула еще раз, опустила венок, полюбовалась им со всех сторон и снова надела его на голову.

«Но почему я решила, что обманула бабушку? – снова пришла ко мне мысль. – Это же у меня с языка сорвалось – про подружек. Как это получилось?»

Однако долго думать на эту тему я не могла. Я ведь была ребенком. Мысли не задерживались долго в моей голове. Они быстро сменяли друг друга.

«Я сейчас как принцесса. – Это была моя следующая мысль. – Жаль, что меня никто не видит. Где же подружки, почему они до сих пор не пришли? Ну, ничего, вот придут, увидят мой венок и начнут просить меня дать его поносить. Мне, конечно, жаль его кому-нибудь давать, но подружкам я обязательно дам поносить. И мы все по очереди будем принцессами. Опять я про подружек! С чего это я решила, что на полянку непременно должны прийти подружки? Наверно, все же сегодня особенный день, как сказала бабушка. С подружками я не договаривалась, но знаю, что они придут сюда. Значит, буду ждать их».

Я улыбнулась, представляя себе радостную беготню с подружками и венком.

И вдруг заметила, что ко мне идет человек.

«Ой, кто это? – испугалась я. – Ведь должны прийти подружки, а идет этот человек. Кто он? Может, это разбойник, который хочет меня украсть? – Я вздрогнула. – Бабушка строго-настрого запрещала мне подходить к чужим дядям и тетям. Даже если они будут предлагать мне конфету, даже если игрушку протянут мне – ни за что не подходить к ним. Потому что некоторые из них воруют детей. Брр! – страшнее не придумаешь!»

Я задумалась. В моей маленькой голове закопошились всякие мысли. Они говорили, что бабушка преувеличивала, говоря, что некоторые дяди и тети воруют детей. Для чего их воровать? Дети ведь

обычно капризные и противные. И если они попадут к кому-нибудь, то начнут вопить и просить: «Купи мне то! Купи мне это!» Тут никакие нервы не выдержат. И если меня украдет этот дядя, который уже близко, то мне тоже нужно будет обязательно начать вопить и просить его купить и то, и это, и еще много чего. «Так! – вдруг подумала я, перестав слушать свои мысли. – А разве у этого дяди есть столько денег, чтобы покупать мне все, о чем я буду его просить? Даже если денег у него много, они все равно когда-нибудь закончатся, и он приведет меня к бабушке. И скажет при этом: «Надоела она мне со своими «купи мне то! купи мне это!» Забирайте ее обратно! Так что не стоит мне бояться его».

Я вздохнула, приняв окончательное решение, как я буду вести себя, если этот дядя вздумает украсть меня. Ясное дело – я начну его мучить!

Незнакомец подошел еще ближе. Я даже увидела его лицо. «А он ничего, – мелькнуло у меня. – Красивенький».

Что значит «а он ничего»? и что значит «красивенький»? Может, он и в самом деле злодей? А я здесь сижу спокойно и в ус не дую. Что же делать? Я ведь совсем одна! Бабушка ушла, подружки еще не пришли. Я даже не смогу убежать от него! Он меня обязательно догонит.

А, может, мне все-таки попробовать убежать? Я добегу до дороги – там много машин. Я буду кричать и размахивать руками, и останавливать машины. Разбойник испугается и убежит.

Такой план мне понравился. Тем более что он был единственным разумным в моей – ой, нележкой! – ситуации. Я уже встала и собралась бежать.

Но вдруг передумала. Потому что дядя оказался совсем молодым и красивым (даже не красивеньким, а красивым) парнем. И у него была очень интересная улыбка. «Такие улыбки не бывают у злых людей», – подумала я и успокоилась.

«Наверно, он все-таки не разбойник, – продолжала рассуждать я. – Наверно, он принц. Такими красивыми бывают только принцы. Так все сказки говорят. Принцы не бывают страшными. Они бывают только красивыми и всегда ищут своих принцесс».

Ну, конечно, он принц! А я принцесса. А кто же я еще? Ведь у меня на голове такой чудесный веночек – почти корона. Пусть моя корона не блестящая, зато она цветочная. «Значит, я – цветочная принцесса». – Такой вывод сделала я, перебрав в голове всякие мысли. Последняя – что я цветочная принцесса – мне понравилась.

Парень подошел и ласково погладил меня по голове.

– Ты только веночек не урони, – сказала я и спросила его:

– Ты разбойник или принц? Если ты разбойник, то я убегаю от тебя. И ты меня ни за что не догонишь, потому что я бегаю очень быстро. А если ты принц, то я останусь и буду с тобой дружить.

– А ты как думаешь, на кого я больше похожа, на разбойника или принца?

Я немного подумала. Я не ожидала такого поворота. Я думала, что дядя, глядя мне в глаза, ответит на мой вопрос. А он взял и задал почти тот же вопрос, который я ему задала, но уже мне! Но я-то честная! Я не буду снова задавать ему тот же вопрос, а отвечу на него сама.

– Наверно, все-таки на принца, – сказала я и объяснила: – Потому что ты красивый. А разбойники страшные.

Пришелец, который все больше становился принцем, заулыбался:

– Вот видишь, ты сама догадалась.

«Как бы он не зазнался! – подумала я. – Мне бабушка говорила, что если кого-то долго хвалить, то он может зазнаться. А все зазнавшиеся перестают общаться со своими друзьями и ходят, задрав носы. Это надо в корне пресекать – так говорила бабушка».

Я тоже решила в корне пресечь все это и, сделав преспокойное лицо (словно меня не удивило, что передо мной – настоящий принц), спросила:

– А я похожа на принцессу? – При этом я кокетливо приподняла голову и поправила веночек на голове.

– Ты и есть принцесса.

Ага! Значит, я была права! Я – принцесса. Раз об этом говорит сам принц. Теперь надо спросить, как он узнал, что я принцесса.

– А как ты догадался, что я принцесса?

– Во-первых, потому что ты красивая, – сказал принц с серьезным видом. – Во-вторых, у тебя на голове веночек.

– Я красивая? – удивленно переспросила я.

Такого ответа я не ожидала! Меня называли красивой! Разве я такая? Но почему мне раньше никто об этом не говорил?

– Но почему мне раньше никто об этом не говорил? – повторила я вслух свою мысль. – Что я красивая.

– А мама с папой? А бабушка? Разве они тебе об этом не говорили? – удивленно спросил принц.

– Они не в счет! Мне бабушка говорила, что для родителей их дети – самые лучшие. Но мне хочется быть красивой не только для

родителей. Мне хочется быть красивой для всех, как принцесса в сказке.

– Но я ведь сказал, что ты красивая. Мне ты веришь?

Я подумала, подумала и решила поверить ему. Зачем принцу обманывать свою принцессу?

Я вскочила, запрыгала от радости и захлопала в ладоши.

– Ура! Я красивая! – кричала я, отплясывая простенький танец.

– А как тебя зовут? – спросила я, уgomонившись.

– Демо, – ответил принц.

– Демо? – переспросила я. – Почему у тебя такое странное имя?

– Потому что я принц из далекой-далекой страны. Там у всех другие имена, не такие как здесь. – Принц Демо посмотрел мне в глаза.

«А глаза у него честные, – подумала я. – Принц с такими глазами не может обманывать».

– И ты пришел сюда, чтобы найти свою принцессу?

– А разве может быть иначе? Я пришел сюда именно для того, чтобы найти свою принцессу – то есть тебя.

Вот это да! Прямо как в настоящей сказке! Я – такая маленькая и уже – принцесса, и меня искал и нашел мой принц. Мой принц. А чей же он еще? Раз он искал и нашел меня, значит, он – мой. Но что же мне с ним делать? С игрушкой можно поиграть, а с принцем что делать?

– И что мы теперь будем делать? – спросила я.

– А что должны делать принц и принцесса, когда они находят друг друга?

Опять эти вопросы! Неужели он глупый, раз постоянно задает вопросы? Я его спрашиваю о чем-нибудь, а он мне в ответ – вопрос. О чем мне говорить с принцем, который глупее меня? – Я серьезно задумалась. Я была еще ребенком, но уже чувствовала, что умная, умнее многих. Может, даже умнее принца.

В ответ на его встречный вопрос я пожала плечами. Принц тоже пожал плечами.

– Зачем же ты тогда искал меня, если не знаешь, что мы теперь будем делать? – рассердилась я.

Я, наверно, выглядела очень сердитой. Потому что принц, судя по его лицу, начал резко думать, как же нам быть, что делать.

– Придумал! – воскликнул он, прямо как маленький. – Мы с тобой можем поиграть.

– Во что? – деловито спросила я. Мне его предложение понравилось.

– А во что ты играешь со своими подружками?

– В догоняшки.

– Давай в догоняшки.

– Не хочу.

– Почему?

– Потому что это смешно – когда взрослый дядя носится по полянке, как маленький.

Демо пришлось смириться. Принцам тоже иногда приходится смиряться, как и другим людям.

Мне нужно было сочинить другую игру. Чтобы и Демо не смотрелся смешно, играя в нее, и я не скучала.

И я придумала! Все оказалось просто. Мне нужно было вспомнить сказки с принцами: что они делали, встречая своих принцесс.

– Я знаю! – радостно закричала я. – Мы будем целоваться. Всегда, когда принц встречает свою принцессу, он ее сначала целует.

Это я хорошо придумала! Потому что когда целуются взрослые, это не выглядит смешно. И мне будет не слишком скучно – если только недолго целоваться. Демо мое предложение, похоже, тоже понравилось. Потому что он охотно согласился с ним. Он сказал:

– Значит, и мы будем целоваться. – И вытянулся ко мне.

Вот тут-то я испугалась!

– Ой! – сказала я. – Я никогда не целовалась с чужими дядями.

– Но я ведь не чужой дядя! Ты сама сказала, что я принц.

– В общем-то, принц. – Я захлопала ресницами. – А, может, не принц? – Я снова начала сомневаться.

– Какая ты недоверчивая! – озадаченно сказал Демо.

И как только он это сказал, я поняла, что мое время истекло. Сказка еще не закончилась, а мое время уже истекло!

Мне очень захотелось спать.

Я стала наклоняться к траве, чтобы лечь. Меня непреодолимо тянуло в сон.

Но пока я наклонялась, я успела кинуть взгляд на Демо. Ему, оказывается, тоже непреодолимо захотелось спать. Поэтому он тоже стал наклоняться к траве. Его глаза закрывались.

«Это хорошо, что его глаза закрываются», – почему-то подумала я. Я тоже сомкнула веки и продолжила свое падение.

В какой-то миг я успела подумать: «А ведь солнце очень жаркое!» Но я беспокоилась напрасно – от ярких лучей нас защищали склонившиеся ветви старой ивы.

18. Жизнь изменилась

У меня больше не было страхов. Я научилась не бояться желать Дьявола. И он появлялся – как только я этого хотела. Для этого нужно было лишь прошептать его имя – тихо, горячими губами. Всего-то! И он появлялся! Обязательно появлялся!

Он оказывался рядом со мной или просто заходил в комнату, как будто никуда и не уходил. И я никогда не удивлялась, что его только что не было и вдруг – он здесь. Я бы удивилась, если бы позвала его – а он вдруг не явился бы. А бывало, что он являлся даже быстрее моего желания.

А иногда он стучал в дверь. Я открывала – он стоял у порога с букетом в руках. Обычно он дарил простые земные цветы. Было что-то трогательное в этом: Дьявол – и дарил простые земные цветы. Он протягивал их мне – и я каждый раз улыбалась и говорила: «Это мне?». Затем ставила букет в прозрачную зеленую вазу.

Я жила в мире людей, но я уже не могла жить без Дьявола. Бывает же такое! – когда, живя в мире людей, трудно жить без Дьявола.

Когда являлся Дьявол, мир людей переплетался с миром вечности. Но об этом знала только я. Остальные даже не подозревали об этом.

Когда являлся Дьявол, начинал дуть легкий ветерок – совсем легкий, почти неуловимый. Никто не знал, откуда дует он. Только я знала – этот ветерок дует из одной бесконечности в другую. И такие ветерки бывают! Именно когда дул этот ветерок, сливались два мира. Именно в эти мгновения вечность входила в мой мир – тихо и незаметно.

Когда являлся Дьявол... Только когда являлся Дьявол, я становилась богиней. И об этом тоже никто не знал.

«Куда исчезает Демо? – подумала я как-то. – Что представляет собой мир, в котором он живет? Он ведь живет где-то? Когда он

приходит ко мне, то живет в моем мире – это очевидно. Но когда он исчезает? В какой мир он исчезает?» Мне было страшно любопытно узнать про все это.

«А может, он живет в твоих мыслях?» – подсказала как-то одна из мыслей. На нее тут же накинудись остальные подруги: «Как он может жить в мыслях, если мы его не видим среди нас?» – «А может, он прячется между нами?» – «Это как?» – воскликнули все. «Он же Дьявол, ему виднее, как можно спрятаться между мыслей», – ответила отбившаяся от всех мысль. Но ее уже никто не слушал – именно поэтому никто ее и не слушал, что она отбилась от всех остальных мыслей. Сначала слушали, а потом не слушали. Даже в моем мире не любили отбившихся от всех.

«Он говорил о какой-то избушке, – вспомнила я как-то. – Что это за избушка такая?» – «Да он только о ней и твердит», – тут же подлетела услужливая мысль. «И что он о ней говорит?» – «Он говорит, что живет в ней, и она ему очень нравится. И тебе тоже очень хорошо в избушке. И ты мечтаешь поселиться в ней навечно». – «Где? В избушке?» – не поверила я. «Именно в избушке. Но ты никогда не верила ему. Ты говорила ему, что он фантазер. Что тебе никогда в голову не приходило – мечтать об избушке».

Какие внимательные у меня мысли! Неужели я все это говорила, что они мне сейчас рассказали? И все-то они запоминают – и то, что надо, и то, что не надо – все запоминают! А я почему-то – нет. Вы думаете, такое возможно, чтобы мысли запоминали все, а я нет?

«А что он еще говорил про избушку?» – спросила я. «Говорил, что тебе нравится взлетать над ней». – «Как!? Я еще умею и взлетать?» Я еще умею и взлетать? Лгут! Мои мысли лгут!

«А вот и нет! – возмутились мысли. – Нисколько мы не врем. Зачем нам тебе врать? Мы ведь – твои. Но знаем обо всем больше, чем ты». – «Вы уверены, что знаете больше меня?» – «Раз ты не помнишь, что говорила про избушку, значит, мы знаем больше тебя. Мы даже знаем, что ты умеешь взлетать. Но – предупреждаем! – не пытайся взлетать в комнате. В комнате очень низкий потолок. И если ты взлетишь в ней, то обязательно ударишься головой о потолок».

Значит, Демо живет в избушке. Этого-то я не знала. Вернее, знала, но не верила все еще. Я-то думала, что он всемогущий. А зачем всемогущему жить в какой-то избушке? А он, оказывается, действительно живет в ней. Ну и Дьявол мне достался!

«А каким, по-твоему, должен быть Дьявол?» – спросили меня любопытные мысли. «А вы разве сами не знаете?» – «Мы-то знаем. А вот ты?» – «Давайте лучше не будем говорить о том, каким должен

быть Дьявол, – сказала я. Не хотелось мне вступать в философский спор со своими же мыслями. – Давайте лучше поговорим о том, что он должен делать?». – «Давай, – согласились мысли. – И что же он должен делать?» – «Дьявол должен выполнять свою работу», – сказала я. «Какую?» – хором спросили все. «Какую? Карающую. Это же любому ясно, что Дьявол должен наказывать». – «Кого?» – «Вы меня удивляете! Грешников, конечно. Кого еще наказывает Дьявол?» – «Выходит, он помощник Бога? Бог не наказывает грешников, а Дьявол выполняет эту работу?»

О Боже! И вы про то же! Как вы все надоели мне со своими духовными вопросами! Надоели мне эти вопросы! Неужели вы не поняли это?

«Поняли, поняли», – поспешили ответить мне мысли, испугавшись, что я отмахнусь от них, и им придется искать себе другое место. А будет ли другое место лучше меня? Может, не будет. Лучшее – враг хорошего. Поэтому покидать меня мысли совсем не хотели.

«Ты думаешь, Демо злой? – спросила осторожно, после паузы, какая-то мысль. – Раз он наказывает грешников». – «Ничего я не думаю. Я не хочу об этом думать. Все, хватит!» – Мысли упорхнули как стая испуганных воробьев.

Но меня потрясло то, что я, оказывается, умею взлетать. Разве может быть такое – я не знаю об этом, а это происходит? Я взлетаю – красиво, изящно, в одно мгновение. Я ведь, наверно, взлетаю в одно мгновение – а как еще можно взлетать?

Алексей тоже вошел в мою жизнь. Мы с ним почти каждый день гуляли по летнему вечернему городку. Иногда пили чай у меня. Но у него дома я ни разу пока не была. На его приглашения отвечала одинаково: «Ведь лето на дворе – зачем дома в такое время отсиживаться?» Он тогда спрашивал: «А у тебя, значит, можно отсиживаться?» На это я говорила: «А тебе разве не нравится у меня?» Он говорил: «Конечно, нравится!» На этом наши споры заканчивались.

Однако я не называла Алексею главной причины, почему я не принимала его приглашения зайти к нему в гости. А причина была такова – я боялась. Я просто боялась войти в дом священника, пусть даже такого вот странного. Каким может быть его дом? На всех стенах – иконы, одни иконы. Я войду в какую-нибудь комнату – да что там комнату – прихожую. Да! Уже в прихожей на меня разом глянут сотни глаз – и все святые. Ужас! Что я буду делать? Я – такая грешная –

знающая Дьявола – как я буду смотреть на них? Ну, хорошо, я могу не смотреть на них. Я опущу взгляд и буду все время ходить с опущенной головой. Но разве это дело? Разве это нормально? Стоит ли вообще заходить в дом Алексея, если ходить мне там придется с опущенной головой?

Ладно, я могу обнаглеть и ходить, не опуская головы, и когда захочу – смотреть на иконы. Но ведь это тоже не то! Мне ведь все равно будет не по себе! Они будут смотреть на меня с неммым укором, а я буду нагло смотреть на них? Нет, так не пойдет!

Итак, я к Алексею не заходила, потому что боялась икон – обилия икон. Мне и в церкви не по себе, когда вокруг одни иконы и свечи пылающие – я начинаю чувствовать себя такой падшей! А в доме священника мне тем более будет не по себе. Алексей-то, наверно, привык к ним. Он на них смело смотрит. А я так не могу.

Так и общались мы с Алексеем – или на вечерних прогулках по городку, или у меня дома – за чаем. А у него – пока нет.

Он больше не приставал ко мне с требованиями предоставить «вещественные доказательства» того, что у меня бывает Демо. Наверно, надоело ему все это – мои рассказы о Дьяволе. Он даже не спросил меня, побывала ли я в детстве маленькой. Сама же я ничего не сказала ему про это. Раз он не спрашивает, значит, ему это не интересно. Кстати, кстати! Помните, каким радостным у меня было настроение после первого посещения детства, взрослой? Я еще не могла понять, отчего мне так хорошо – то ли действительно от посещения детства, то ли оттого, что я якобы отказалась от вечности. Так вот, после второго посещения детства, маленькой, никакой радости у меня не было. Так, обычное настроение. Наверно, привыкла я к подобным путешествиям. Быстро, однако, привыкла.

Мы даже о церкви больше не говорили. Алексею тяжело об этом – ведь он всерьез собирался покинуть службу. А мне подобные беседы особо не интересны. Вот и молчали мы оба и о Дьяволе, и о церкви.

Говорили же мы с ним о всякой чепухе. Мне даже понравилось это – говорить о всякой чепухе. Так и получалось – с Демо у меня была особенная жизнь, в которой я, оказывается, если верить мыслям, взлетала. А с Алексеем – простая, человеческая. И какая из этих жизней мне нравилась больше, я не могу сказать. Мне казалось, что с Демо лучше. Но когда я болтала с Алексеем, начинала думать, что и он неплох, и с ним можно классно провести время. Мне было хорошо и с Демо, и с Алексеем – но со всеми по-разному. А главное – я чуть не забыла – мне больше не было скучно и одиноко.

Вам, наверно, интересно узнать, знали ли друг о друге Демо и Алексей?

Алексей, конечно, знал – из моих рассказов. Но видеть он его не видел и особо не горел желанием увидеть. Демо, может, и знал – он ведь Дьявол. А дьяволы все знают – я так полагаю. Но ничего про Алексея он не спрашивал. Когда приходил Демо, не до Алексея было – меня захватывала другая жизнь, и про него я забывала. Только изредка подсказывала какая-нибудь мысль, что, например, Алексею нужны вещественные доказательства или что-то в этом роде. Но таких случаев почти не было – лишь раз или два.

Если поначалу я боялась Демо и пряталась от Алексея, то в дальнейшем, когда с ними довольно хорошо познакомилась, стала с каждым общаться почти ежедневно. И, надо сказать, со всеми получалось общаться. Сначала с Алексеем – вечерами, а затем с Демо – ночами. И высыпаться успевала. Наверно, в этом была все же заслуга Демо. Помните, он предлагал мне переноситься в вечность – чтобы в нашем мире ни минуты при этом не проходило? Так вот, хоть он и обещал не делать этого, но все-таки делал. Я думаю, происходило это так. Наша встреча начинала затягиваться. Время было за полночь. В это время все, кому завтра на работу, уже давно спали. В это время и положено спать, иначе весь следующий день придется клевать носом и мечтать быстрее вернуться домой, чтобы завалиться на кровать. И так, наша встреча начинала затягиваться, и Демо решал незаметненько перенести нашу встречу в вечность. Я не замечала этого, а, может, и замечала, но не подавала виду. И таким образом, давала добро на это – переносится в вечность. В следующий раз Демо снова делал то же самое – я снова ничего не говорила. Дальше было ясно – нет ничего лучше встреч в вечности. Там сколько угодно можно тараторить о чем-то или творить захватывающие дух вещи – как, например, взлетать. Так может, именно в вечности я и взлетаю? Иначе с чего бы мне забывать, что я взлетаю? Такое не забывается! А если это в вечности происходит, тогда все становится более-менее ясным. Может, там память у меня другая? Мысли всегда начеку, им без разницы, где они – в вечности или не в вечности. Они все и всегда запоминают – что бы со мной ни происходило. Ничего от них не скрыть! А я забываю.

Что там, в вечности, еще со мной происходит? Спросить бы об этом мысли. Но боюсь! Иногда спрашиваю их об этом, но в основном боюсь. Такая я вот трусишка: иконы увидеть у Алексея боюсь, узнать, что со мной происходит в вечности – тоже боюсь. Хотя к вечности я постепенно начинаю привыкать. Ко всему ведь привыкаешь. Там всего

много – так сказали мне однажды мысли. Они даже расхваливали этот не привычный для людей мир. Там всего много и, прежде всего, там много – времени. Хоть вечность и вне времени, но в ней много, очень много времени – целое море. Даже не море, а океан, бескрайний, бездонный. И в этом времени можно купаться сколько душе угодно. Никто не скажет: «Ваше время закончилось». Там даже не скажут: «За дополнительное время надо платить». Там ничего не говорят. Там ничего не запрещают. Там всего – сколько угодно. И никому не жалко всего этого – бери сколько хочешь! Вот это мир! Но этот мир – не для людей, вот в чем загвоздка-то!

Хотя почему тогда мысли говорят мне, что вечность – это какая-то странная избушка – посреди леса? И не просто леса, а непроходимого леса. И Демо вроде бы утверждает, что в этой избушке мне очень нравится. Быть такого не может! Сколько раз слышала про нее, столько же раз удивлялась.

19. Происшествие

Дьявол сидел на крылечке. Было тихо. Как всегда, только птички пели.

Затем он встал – нужно было идти в деревню. Он давно не ходил туда. А ведь продукты давно закончились. А он еще не решил окончательно, он еще не знал, стоит ли ему забыть про старую мечту – стать человеком. Он пока не знал, как ему быть. А продукты тем временем закончились.

Давно он не был в деревне. Он вдруг заскучал по простым лицам крестьян – они так просто смотрели на него и так просто говорили. Говорили они и про Веру, называя ее Веркой. Говорили, что она только про него думает и плачет тоже только из-за него. Давно он не видел и Веру. Как она там?

Он решил попасть в деревню не в мгновение ока, как раньше. Он решил долететь до нее.

И он взлетел. Он снова хотел понять, что она испытывала, когда впервые взлетела над лесом.

Это оказалось нелегким делом – он не смог понять ее чувств. Он хоть и учился быть человеком, но все же остался Дьяволом. Поэтому ему трудно было понять, что такое – взлететь впервые! Взлететь для него было то же самое, что человеку сделать шаг. Что для человека шаг, то для Дьявола – взлет. Вот что он понял сейчас.

Когда он взлетел, лес оказался внизу. А вдали завиднелась деревня. Значит, нужно лететь туда. Он-то сразу увидел деревню. Зрение-то у него оставалось дьявольским.

Но он решил не долетать до нее. Он решил лишь до опушки леса долететь. Потому что если он спустится с небес прямо в деревню, его увидят крестьяне. И тогда все поймут, что он – не человек.

Он очень точно приземлился у опушки леса. И его никто не заметил – для этого Дьявол тщательно постарался.

Он прошел немного и вдруг увидел крестьян. Они странно посмотрели на него. «Наверно, потому, что не видели меня давно», – подумал Дьявол.

Крестьяне подошли к нему и спросили: «Ты видел ее?» – «Кого?» – «Верку». – «Нет, – ответил Дьявол. – Не видел я ее. А где она?» – «За тобой побежала». – «Куда?» – «Как куда? В лес, конечно. Ты же из леса к нам являешься. Она держала в руках толстую пачку денег. Волосы ее были растрепаны. Обычно она собирает их заколкой, а сегодня они у нее, точно у ведьмы, развевались на ветру. Ее лицо обычно красивое, а сегодня оно перекошилось – то ли от злости, то ли от страха, то ли еще от чего-то. Такая вот она побежала к лесу – с растрепанными волосами, перекошенным лицом и толстой пачкой денег». – «Она добежала до леса?» – «Она не просто добежала, она уже где-то по лесу бежит». – «Но ведь лес непроходимый!» – удивился Дьявол. «И мы также думали, а она взяла и забежала в лес. И уже давненько ее нет. Бежит где-то. Она у нас отчаянная оказалась. Мы и не знали, что она такая». – «А пачка денег для чего?» – спросил Дьявол. «Не знаем. Мы не знаем и откуда эти деньги. Таких больших денег никто в деревне не видел. Разве только по телевизору. Сами понять не можем, откуда они у Верки взялись. А когда она бежала, то кричала: «Не нужны мне эти деньги! Я знаю – они его. Он думает, я из-за денег ему улыбалась, а я и не знала, что они у него есть. Я думала, что ему едва на хлеб хватает». Вот с такими словами она бежала к лесу. И так легко вбежала в него. Мы даже удивиться не успели. Мы и моргнуть не успели, а она уже в глубине леса пропала. Где-то бегают она сейчас. Это твои деньги были?» – спросили крестьяне и внимательно посмотрели на Дьявола. «Но я хотел помочь ей», – честно признался Дьявол. Крестьяне покачали головами. Вот во что может обернуться желание помочь!

Что же делать? Дьявол стоял в нерешительности. Он не знал, как ему поступить. Идти в магазин за хлебом? Но Вера убежала, значит, магазин закрыт. Возвращаться домой? Так нельзя же! Вера пропала и, судя по словам крестьян, из-за него. Нужно искать ее. Но где?

Как где? Он же Дьявол! – Что-то часто он стал забывать, что он Дьявол! А Дьяволу положено знать все. Дьяволу положено знать даже больше, чем Богу. Да-да! Не удивляйтесь. Тем более что он правит миром сейчас – так многие говорят. Не только та бабуся с внучкой. Об этом Дьявол слышал от разных людей и неоднократно. Ведь (если по секрету) он изучал не только крестьян. Иногда он торопил события – ему хотелось научиться всему как можно быстрее! И тогда он

потихоньку, даже незаметно для себя отправлялся куда-нибудь – наугад – оказываясь там в мгновение ока – и подслушивал людей. Подслушивал, что они говорят.

И чего он только не услышал от этих людей! И напридумывать они могут всякое, и знать больше его, Дьявола, они тоже могут. Он не уставал удивляться людям, словно впервые открывал их для себя.

Но где же Вера? Что делать? Как найти ее? Может, спросить у крестьян – они-то наверняка больше его знают. Про Веру они точно знают больше его.

– И куда она побежала? – спросил Дьявол у крестьян.

Они непонимающе посмотрели на него.

– Ты ведь спрашивал нас об этом, – сказал один из них. – Куда она может побежать? К тебе, конечно. Ты же признался, что это ты оставлял деньги Верке. Значит, к тебе она и побежала.

– В лес?

– Чудной ты какой-то! Ты же из леса к нам являешься. Понятное дело, в лес она и побежала тебя искать.

– Но как она найдет мой дом?

– Откуда мы знаем!

– Вы думаете, она найдет?

– Тоже не знаем. Ты думаешь, мы знаем больше тебя про Верку? Мы только то, что видели, знаем. А обо всем остальном лишь догадываться можем, да и то – не обо всем.

Дьявол постоял еще немного. Подумал немного. Здесь, в деревне, ему делать нечего. Веры нет, магазин закрыт. С крестьянами он поговорил. Больше с ними говорить не о чем. Он повернулся и пошел к лесу.

Крестьяне тоже постояли немного, смотря, как он идет к лесу, покачали головами и ушли. Им здесь тоже делать было нечего.

Дьявол пробирался сквозь непроходимый лес, сквозь крепко сцепившиеся друг с другом ветви густых деревьев – очень трудный был этот лес. И как это Вера смогла вбежать в него и скрыться в глубине? Сюда вбежать невозможно – этот лес не для людей. И не для Дьявола. Однако и Дьявол, и человек пробирались сквозь него. Вернее, Дьявол пробирался, а человек – вбежал в него и скрылся.

Долго шел Дьявол и, наконец, устал. Его руки были исцарапаны, а из многочисленных ран текла кровь – яркая, алая кровь. Дьявол впервые увидел на своих руках кровь – свою кровь. «Наверно, все же я стал немного человеком, – подумал он. – Я трудно учился этому, я так хотел стать человеком». И это не могло пройти просто так. Все, чему

мы учимся, когда-нибудь приносит свои плоды – хотим мы этого или нет. Тем более, если учимся со страстным желанием.

Дьявол устал, а из его рук текла кровь. Он задыхался. Дьявол задыхался, и, казалось, что уже совсем нет сил идти дальше. Может, как раз это – что не осталось сил – и стало главным. Дьявол решил не идти дальше. Он оглянулся – сквозь ветви деревьев на него смотрели крестьяне. Они, оказывается, не ушли. Они, наверно, решили вернуться, увидев, что Дьявол вошел в лес. Они захотели посмотреть, как он будет пробираться сквозь него. Им стало любопытно – сможет ли Дьявол пройти?

Когда Дьявол обернулся и увидел смотрящих на него крестьян, он понял, он был потрясен – он прошел совсем ничего. Он смог победить лишь пару деревьев – пару самых маленьких деревьев, какие только были в этом лесу, у опушки. Прошло столько времени, он отдал столько сил, а смог расцепить ветви лишь двух маленьких деревьев!

Крестьяне, увидев, что он оглянулся, засмеялись: «Как же ты раньше проходил через этот лес, если сейчас, за столько времени лишь с парой слабеньких деревьев смог справиться?»

Дьявол промолчал. Отчаяние охватило его.

Дьявол заревел – во весь лес. Крестьяне отшатнулись. Такого они не ожидали от него.

Дьявол заревел еще раз – поднялся ветер. Крестьяне закрыли лица руками и бросились бежать. А когда ветер стих, они решили оглянуться. Однако Дьявола уже нигде не было. Он исчез. Этому они почему-то удивились меньше всего.

А Дьявол, как мы уже, наверно, догадались, после рева отчаяния решил прибегнуть к старому дьявольскому приему – в мгновение ока очутиться там, где он хотел очутиться. А хотел он очутиться у себя в домике. Ведь Вера туда рвалась – по словам крестьян. Дьявол тоже не сомневался, что Вера помчалась к его домику. Только вот добраться ей до него ох, как нелегко будет! Сможет ли Вера осилить такой длинный и трудный путь, который даже сам Дьявол не смог осилить? Куда ему! – он не привык преодолевать трудные непроходимые леса. Ему проще было пойти знакомым легким путем – по-дьявольски очутиться где угодно. И полянку он тоже создал по-дьявольски – в мгновение ока расчистил под его взглядом кусочек леса. Вот так, по-дьявольски, он начал свой человеческий путь в этом непонятном ему мире. Непонятном изнутри. А сверху-то этот мир он знал очень хорошо – он летал над ним и взирал на него сверху вниз. Он это делал всегда – ибо жил в вечности.

Но совсем другое дело – увидеть все изнутри. Понять людей, глядя им в глаза. Перед Дьяволом открылся совсем другой мир – полный странностей и жестокости. А еще этот мир был полон любви. Это он от людей услышал, что главное в их мире – любовь.

Дьявол исчез из того места, где пытался сразиться с непроходимым лесом, и появился на своей полянке, возле домика.

Он сразу обратил внимание, что дверь домика открыта. Он всегда закрывал ее, когда уходил. Так делали все люди – закрывали двери своих домов, когда уходили куда-нибудь. И он тоже так поступал. Но сейчас дверь была открыта. Значит, Вера все-таки добралась до этого места. Бедная! – ее руки, наверно, тоже все в крови, и она сидит сейчас на его кровати и плачет от боли. Он взглянул на свои руки – они были чистыми и белыми. Раны затянулись сами собой. Значит, он не стал человеком, раз раны затянулись сами собой. Он больше Дьяволом был, нежели человеком.

Но сейчас нужно помочь Вере – ее раны залечить. Ему совсем нетрудно это сделать. Это даже благородным поступком нельзя назвать – залечить многочисленные раны Веры. Ведь ему это сделать легко. Сказать об этом сложнее, чем сделать. Чтобы сказать, нужно много слов потратить. А чтобы сделать – нужно просто захотеть. И никаких усилий не нужно совершать – просто захотеть. Как захотеть – это другое дело. Этого людям не понять – как нужно захотеть, чтобы в мгновение ока залечились кровавые раны. И подарить деньги Вере ему было легко. На это он тоже не потратил никаких сил. Крестьяне больше потратили сил, рассказывая о той пачке, которую держала в руках Вера. И не стоило из-за нее Вере мчаться через лес к нему. Не хотела она этих денег – бросила бы их куда угодно – хоть на землю, хоть в ведро с мусором – они бы сами исчезли, если так не нужны были ей. А Дьяволу эти деньги и подавно не нужны. Нет, не стоило Вере вбегать из-за этого в лес и теряться в темной ветвистой глубине. Ох, Верка!

А, может, она спешила к нему из-за другого? Вдруг поняла что-то и побежала к нему. Это Дьявол понял бы больше. А бежать, чтобы деньги вернуть – это ему трудно понять.

Дьявол постоял возле избушки. Дверь слегка поскрипывала на ветерке. Он подошел к домику близко и остановился, ожидая, что Вера выйдет к нему сама. Она обязательно увидит его через окно и выбежит к нему, забыв о боли в израненных руках и ногах.

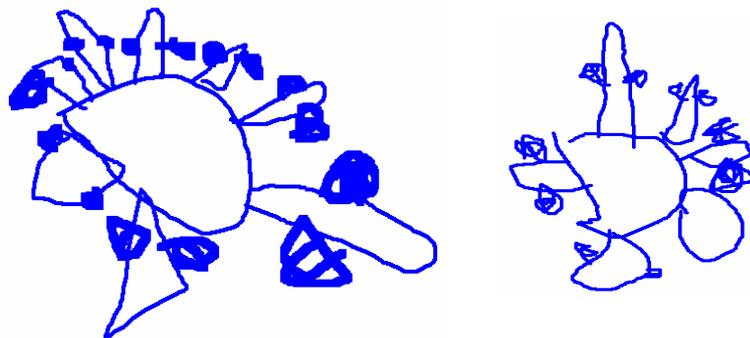
Но никто не выбегал. По-прежнему было тихо. Только дверь поскрипывала – больше никаких звуков. Даже птицы не пели.

Дьявол ступил на крылечко, прошел несколько ступеней и вошел в домик. Огляделся. Никого в домике не было.

Но почему дверь была открыта? Не мог он оставить ее открытой, когда уходил в деревню. Не мог и все. Что произошло в его отсутствии? Дьявол снова оглядел комнату – его домик состоял-то всего из одной-единственной комнаты. Больше Дьяволу и не нужно было – одной комнаты ему было достаточно.

Его взгляд упал на пачку денег. Она лежала на столе. Все! Теперь все стало ясно – вот она разгадка тайны открытой двери. Вера все-таки побывала здесь – чтобы оставить деньги. Дьявол подошел к столу, взял пачку, повертел ее, посмотрел на нее с разных сторон и выбросил ее в окно. Окно у него всегда оставалось открытым. Непонятно почему, но окно Дьявол всегда оставлял открытым. Пачка улетела в окно – теперь она никому не была нужна. Раз Вере она не нужна, то Дьяволу она тем более не нужна. Ох, Вера, Вера! Что ты наделала!

Дьявол устало сел на кровать. Ему так захотелось спать. Он так устал от всего. Он лег и заснул. И ему приснились чудные сны. Самым счастливым он, наверно, был все же во снах.

20. Сон Дьявола

Она сидела в избушке, на кровати – кровать чуть прогибалась под ней. – И это был сон Дьявола.

Она иногда вставала с кровати и начинала ходить по комнате. Или выходила на крылечко. И с крылечка оглядывала свои владения. Ведь Дьявол сказал ей: «Этот домик, прежде всего, – твой». Она поняла его слова как надо и вела себя по-хозяйски – ходила куда хотела. Доходила до леса, стояла немного перед сплошной стеной деревьев и поворачивала обратно. Подходила к грядкам и долго смотрела на высокий цветущий картофель. Затем отходила от грядок и подходила к дому с обратной стороны, затем сбоку, затем с другого бока. Со всех сторон она осматривала домик. Затем снова подходила к лесу – к другой стене леса, смотрела на него и, повернувшись, отходила.

Она все осмотрела и, поднявшись по ступеням, вошла в домик. Дьявол все это время из окна наблюдал за ней. Ему было приятно, что она чувствовала себя здесь хозяйкой. По-хозяйски все осматривала.

Она зашла в домик и села рядом с ним на кровать.

Они сидели на кровати и болтали ногами. Было хорошо и беззаботно. Она спросила про картофель, что он собирается с ним

делать. Он ответил, что не знает пока. Он увидел только, как сажают его крестьяне, и сделал то же самое. А дальше он не наблюдал за крестьянами (потому что ее встретил) – поэтому и не знает, что с картофелем делать дальше. «Пусть растет, – сказал он. – Он ведь так красиво цветет». Она согласилась. Она рассказала, что в детстве у нее в огороде тоже случайно вырос один куст картофеля, и она любовалась им. Он не был похож на остальные цветы. И самое главное – она не знала, что это картофель. Она никогда не видела, как растет картофель. Это потом ей мама сказала, что это картофель. И маме тоже очень нравилось, как он цветет. Но картофель они не сажали. В том крае, где они жили, не было принято сажать в огородах картофель.

Дьявол был потрясен. И в то же время ему стало смешно. Он-то думал, что если он будет выращивать картофель, то быстрее станет человеком. А она только что сказала, что не везде сажают картофель. Но когда он посадил картофель, он ведь только-только постигал искусство быть человеком. Он только-только начинал становиться человеком. Смешно! – он, оказывается, делал вещи, которые вовсе не обязательно было делать. Но он тогда не знал об этом. Но все равно, он хорошо поступил тогда. – И сейчас возле его избушки тянутся вверх цветущие кусты картофеля. Они так нравятся ей – значит, не зря он их посадил.

Она еще спросила, поливает ли он картофель. Он ответил, что нет, не поливает. И удивился, что картофель, оказывается, нужно еще и поливать. «Он же засохнет, если его не поливать», – сказала она. «Но он же не засыхает», – ответил Дьявол. «Значит, дождь поливает», – предположила она. «Может, и дождь поливает, – согласился Дьявол. – Наверно, дождь. Потому что иногда на полянку падает с неба теплый дождь. Он никогда не мешает. Он-то, наверно, и поливает картофель».

Потом Дьявол почему-то рассказал ей о деревне, о крестьянах и о Вере. Почему-то рассказал. Наверно, он хотел услышать, что она скажет, послушав его. Она ведь рассказала ему о пропасти и равнодушном мире за спиной. Теперь настала его очередь выворачивать душу наизнанку – ведь именно с деревни, крестьян и Веры начинался его путь к людям. А, значит, и к ней.

Он прекратил болтать ногами, она – тоже. И Дьявол начал рассказывать. Она слушала его, чуть опустив голову – так она лучше представляла то, о чем он рассказывал. Так она пояснила ему, когда он спросил, почему она опустила голову, хотя недавно смотрела ему прямо в глаза.

Он долго рассказывал. Вспоминал свои первые шаги в этом мире. И ему было так дорого все – то, о чем он рассказывал. Он даже не ожидал, что ему будет так дорого то, что останется позади. Он ведь среди людей живет. А у людей почти все остается позади. Все, что произошло, остается позади. Или непонятное – произойдет впереди. То, что впереди, они называют будущим. И это будущее всегда непонятно. А прошлое всегда мило. «Почти всегда мило», – поправила она его. Но его прошлое оказалось для него милым – и деревня, и крестьяне, и Вера – все оказалось милым.

– Какие странные крестьяне в твоём прошлом! – сказала она и очень удивила его этим.

– Странные? – переспросил он. – Чем же они странные?

– Тем, что они не пьяные и рассуждают как-то не по-крестьянски.

– Разве крестьяне должны быть пьяными? – спросил он.

Она в ответ засмеялась.

– Конечно! – сказала она, продолжая смеяться. – Жить в глухомани, в окружении непроходимого леса и не быть пьяным – так не бывает.

Вот те раз! Ну и сказанула она! Дьявол даже опешил. Ему трудно было представить другое – ему трудно было представить тех самых, знакомых ему крестьян пьяными. Он так и сказал ей. Она в ответ сказала, что все равно, его крестьяне какие-то странные, не такие, какими бывают обычно.

– Ты говоришь, они рассуждают не по-крестьянски? – спросил он у нее. – Как же должны рассуждать крестьяне?

– Ты видел настоящих крестьян?

– Только этих, – признался Дьявол.

– Если бы ты увидел настоящих, то понял бы, как рассуждают крестьяне. Мне кажется, они у тебя не настоящие. Мне кажется, ты их выдумал.

Ну, это она совсем! Как скажет, так не по себе становится. Не выдумал он их! Он их случайно обнаружил, когда исследовал то, что вокруг его избушки находится. А когда обнаружил их, то обрадовался, подумав: «Это же люди! С них мне и надо начинать! Они будут первыми, кто поможет мне стать человеком».

– Не выдумал я их! – воскликнул Дьявол. – Это были первые люди, которых я увидел, придя на эту землю.

– А ты точно уверен, что попал на ту землю, на какую хотел попасть? Мне кажется, это совсем другая земля. Я имею в виду, не такая, на какой, например, живу я.

– Может, и другая, – смирился Дьявол. – А разве это имеет значение, если я все равно встретил тебя?

– Не имеет, – согласилась она. – Просто они все, в той деревне, не такие, как другие люди. Но все это, действительно, не имеет значения. Только Верку жалко.

– И тебе ее жалко? – спросил Дьявол.

– И мне, – вздохнула она.

Дьявол очень хотел задать вопрос «почему?». Но не задал. Нельзя сейчас задавать этот вопрос. Нельзя и все. Хотя так хочется! – аж язык чешется.

– Верка бы тоже захотела жить в этой избушке, – сказала она.

– Наверно, – ответил Дьявол.

Затем они молчали, каждый думая о своем. Вернее, она думала, а Дьявол молча смотрел на нее. Они молчали, и им было хорошо. Чтобы было хорошо, оказывается, не обязательно говорить, можно и молчать. Это Дьявол понял только сейчас, когда она молча, опустив голову, думала о чем-то. Он не знал, о чем она думала, но это было неважно. Важно было то, что он смотрел на нее, она молчала, и им было хорошо. Если бы она позволила перенести это молчание в вечность... О, как многое он перенес бы в вечность! – и не только это молчание.

Но она пока боялась вечности. Она только начинала ее постигать, но все еще боялась ее. Ее охватывала паника, когда вечность тихонько, совсем незаметно касалась ее. У нее перехватывало дыхание, и он в самые первые секунды даже не знал, как помочь ей. Лишь постепенно она научилась справляться сама, даже без его помощи. Но она пока научилась справляться лишь с мгновениями и слабыми вздохами вечности.

– Ты еще будешь ходить в ту деревню? – спросила она. Молчание растворилось. Дьявол даже не успел понять, куда ушло то молчание – когда она, опустив голову, о чем-то думала, он смотрел на нее, и они оба молчали.

Дьявол помотал головой.

– Потому что там Верка?

Дьявол не знал, что ответить. Но надо было что-то ответить, и он кивнул.

– А хлеб где будешь покупать? – спросила она. – И другие продукты. Ведь рядом нет других деревень. Другие слишком далеко.

– Но это же не главное – хлеб покупать, – сказал Дьявол. – Можно и без хлеба прожить. Можно вообще без продуктов прожить. Избушка ведь в вечности. У меня было вдохновение, и на одном

дыхании я сочинил здесь вечность – в мире, где избушка, полянка, а вокруг непроходимый лес.

Ах, зачем он сказал это! Зачем он раскрыл ей страшную тайну, что сочинил эту вечность?

Она испуганно посмотрела на него. Он увидел ее глаза – в них плескалась вечность. Такое бывает – когда человек боится чего-то, в его глазах плещется это. Почему-то Дьяволу на ум пришли смешные слова: «Вечность плескалась в ее глазах осторожно, чтобы не выплеснуться». Он рассмеялся, потому что это звучало действительно смешно. Он забыл (ну и Дьявол!), что она испугалась, и неотрывно смотрит на него.

А ее, между тем, понемногу начало колотить – мелкая дрожь потихоньку охватывала ее.

Еще мгновение – и дрожь стала сильнее. Ее колотило уже крупной дрожью. Она не могла совладать с собой. Ее колотило, и вечность начала выплескиваться из ее глаз наружу.

Он схватил ее за плечи, пытаясь унять дрожь. Но она продолжала смотреть на него, и сильная дрожь, сквозь ее плечи, проникала в его тело. Нужно было что-то делать. Потому что колотить уже начало и его, хотя это была ее дрожь. Он стал лихорадочно думать.

Но она крикнула: «Я хочу домой!». Она крикнула это сквозь судорожную дрожь и оторвала от него свой взгляд.

Он вздохнул. На этот раз она снова оказалась сильнее его. Он не смог справиться с вечностью в ее глазах, а она – смогла. Она даже не выплеснула эту вечность из своих глаз. Он-то думал, что когда ее колотило, из глаз выплескивалась вечность. Но, оказывается, он был не прав. Она не выплеснула ни капли. Он это понял, когда она крикнула, что хочет домой.

21. Уход из церкви

– Я ушел из церкви, – сказал Алексей.

– Ушел? – Я хоть и знала, что он собирался это сделать, но все равно была немного удивлена.

Мы шли по тихой пустынной улице и разговаривали. Вокруг никого не было. Вдруг Алексей остановился и сообщил мне эту новость. Я переспросила: «Ушел?» и оглянулась – почему-то я оглянулась – и увидела, что на улице никого нет. Мне стало слегка не по себе.

– А рясу сжег?

Позже я удивлялась себе, что задала этот вопрос. И почему это меня взволновало, сжег Алексей свою одежду или нет?

– Нет, не сжег. А я обещал это сделать? – Алексей вопросительно посмотрел на меня.

Я промолчала.

– Смалодушничал. – Он виновато опустил голову. – Можно так сказать. Я просто оставил ее и ушел. Но ведь я ушел, и это главное, не правда ли?

Ну что я могла ответить ему? Ничего. Я даже не знала, одобрить его поступок или нет. Но Алексей смотрел на меня, вероятно ожидая ответа. По-хорошему, мне нужно было сказать ему что-то. Хоть что-то.

– Разве можно вот так легко взять и уйти из церкви? – спросила я, наконец.

– Нет, это совсем не легко. Духовная жизнь затягивает. Это кажется тебе странным? – Алексей начал пристально смотреть на меня.

Чего он от меня хочет? Не буду отвечать! На этот раз точно не буду отвечать, сколько бы ни длилась пауза.

Алексей смотрел на меня некоторое время, словно выуживая ответ. Но, видя, что я намерена молчать как партизан, сказал:

– Обычно те, кто попадает в эту среду, уже никогда не покидают ее.

– А ты?

– Что я? Ты разве не поняла, что я не похож на остальных?

– Ты особенный?

– Считаю, да, – серьезно ответил Алексей.

– А тебя не пугает проклятие со стороны других служителей церкви?

– Проклятия не будет, – уверенно сказал Алексей. – Зачем им меня проклинать? Не такая я заметная фигура, чтобы обращать внимание на мой уход и, тем более, предавать меня проклятию. Но даже если кому-то захочется проклясть меня – пусть это делает. Меня уже ничто не пугает. Я – свободный человек. С сегодняшнего дня я вдыхаю воздух как свободный человек. – Алексей продемонстрировал свои слова, глубоко вздохнув. Затем улыбнулся и посмотрел на меня.

Наверно, его слова произвели на меня впечатление. Потому что он перестал улыбаться.

– Что за испуг в твоих глазах? Это я тебя напугал?

– Да нет... – Я тряхнула головой. – Вокруг никого нет. Мы давно стоим на этой улице, а вокруг никого нет.

Алексей оглянулся.

– Твое зрение подводит тебя. На улице есть люди.

Я посмотрела по сторонам. Точно – вокруг были люди. Пока мы разговаривали с Алексеем, их даже много появилось.

– А стоять на одном месте, пожалуй, действительно, не стоит, – сказал Алексей.

И мы пошли дальше.

– Ты изменился в церкви? – спросила я, когда мы прошли уже приличное расстояние. До этого мы шли задумчивые. И меня, и Алексея затронула ситуация с его уходом из церкви. Алексея, понятное дело, почему. Он ведь – инициатор и участник. А меня... не знаю почему.

– О да! Поначалу я сильно изменился! – сказал Алексей с некоторым пафосом. – Церковь не может не изменить тех, кто в нее приходит. Даже простых прихожан она изменяет. А что говорить о нас, священнослужителях! Вернее, о бывших... Вернее, обо мне, – поправился Алексей. – Придя в церковь, я начал по-другому воспринимать мир. Стал другим человеком. Однако... со временем я вернулся к прежним представлениям того, что есть что в этом мире. Я решил, что мне лучше снова стать обыкновенным человеком, которому позволено все. Вернее, почти все. Во всяком случае, то, что

не позволено священнику. Для меня запреты были слишком тяжелой ношей. Теперь этой ноши нет. Я снова почувствовал себя свободным человеком.

Алексей теперь и потянулся как свободный человек. Честно-честно, я сразу обратила на это внимание, что он потянулся свободно, не «по-священски».

– Я сейчас нахожусь в таком же состоянии, в котором ты находилась, когда отказалась от вечности, – продолжил он. – Это состояние, я думаю, возникает у тех, кто сделал правильное, очень правильное решение. Представляешь, мне нужно было побывать в церкви, чтобы понять, что мое счастье – в обыкновенной жизни, которой я жил всегда. Выходит, чтобы стать счастливым, не нужно уходить от жизни. Нужно просто жить! Я еще раз убедился, что все гениальное просто.

«Философ! – крикнула одна из мыслей и передразнила Алексея противным голосом: «Гениальное – просто, счастье – в обыкновенной жизни!» И где он такого набрался?» – «В книжках прочитал, – сказала другая мысль. – Везде об этом пишут. Ничего оригинального он не выдал. Все это известно сто и даже больше лет».

Мысли продолжали спорить, в пух и прах разбивая философию бывшего священника. Бедный Алексей! Ну и досталось ему от моих мыслей! На меня же они не обращали ровно никакого внимания.

«Что-то не выглядит он счастливым», – обсуждала Алексея какая-то мысль. «Ты думаешь? – спросила другая. – Почему ты так решила?» – «В нем нет нескрываемой радости». – «Однако каким он стал просветленным! – воскликнула еще одна. – Вы только посмотрите на него! Покинув церковь, он стал выглядеть более просветленным. Покинув духовное, он стал выглядеть более духовным. Это ли не парадокс?»

Я посмотрела на Алексея. Действительно, что-то наподобие просветленности я увидела в его облике. Что-то похожее было. «Хотя, наверняка, это состояние будет у него недолгим, – высказала мысль, заметившая, что я начала с интересом смотреть на Алексея. – Затем он привыкнет к тому, что свободен от церкви, и перестанет испытывать приятное состояние. Ведь приятные состояния не бывают слишком долгими». – Мысль замолчала. Если бы она имела видимую форму, то в эту минуту выглядела бы, наверно, очень важной – какие мудрые слова она произнесла только что! «Ну и ладно, – сказала я. – Пусть недолго будет длиться это его состояние. Главное он сейчас – смотрите какой!»

Глаза Алексея стали прозрачнее обычного, а лицо просто светилось. Он прямо на глазах становился все более и более просветленным. Куда дальше-то просветляться!

– Ты начнешь работать? – спросила я, заставив его вспомнить об обязанностях возжеленной «обыкновенной» жизни. «Вот он сейчас испугается! – подумала я. – Про то, что на хлеб нужно зарабатывать, он, конечно, забыл».

– Да, конечно, – несколько не испугался Алексей. – Я начну работать. А как иначе? Кто ж меня будет кормить? Только я сам. Я ведь программист, а эта специальность позволяла мне совсем неплохо жить и, надеюсь, дальше позволит также жить. Да что там говорить! Еще лучше жить. Правда, я кое-что, наверно, подзабыл в своем деле, немного отстал от новых достижений. Но это не страшно. Я все вспомню и наверстаю. Может, мы отметим это событие? – неожиданно предложил Алексей. – Мое освобождение и возвращение к настоящей жизни.

– Как отметим? – не поняла я.

– Очень просто! Купим бутылку шампанского и отметим.

– Ах, вон ты про что! – Я улыбнулась.

«Ага! – выдавила подслушавшая нас мысль. – Это он таким образом тебя к себе приглашает, в свой дом». – «Ой! – испугалась я. – Что же делать?» – «Что-что! Сама думай! Но если зайдешь к нему, то с иконами тебе придется столкнуться. Он, поди, их не убрал еще. Не успел пока. Такое огромное количество икон, которое у него висит, и за неделю не убрать». – «А ты откуда знаешь? Ты их видела?» – «Нет, не видела. Но это и так ясно, что икон у Алексея очень-очень много». – «Почему ясно?»

Мысль не ответила. Она, наверно, улетела проверять, действительно ли в Алексеевом доме так много икон, что их и за неделю не снять со стен. Но почему я решила, что эта мысль улетела? Да потому что сколько ни задавала я ей разных новых вопросов, она не отвечала мне.

Но мне нужно было ответить на предложение Алексея! Он даже остановился и стал ждать, что же я скажу.

– Ну что ж, давай, отметим, – ответила я, пересилив чуть было не одолевший меня страх. Надо же мне, наконец, зайти к нему домой! Тем более что он уже больше не священник.

Алексей обрадовался. Его лицо расплылось в улыбке. Он, наверно, так долго ждал этого дня, когда я, наконец, зайду к нему в гости.

А я вот снова испугалась. Перед моими глазами живо возникли те самые многочисленные святые лики по всем стенам. Как мне на них смотреть?

На ум стало приходиться разное. Например, что иконы обладают силой. Этого я больше всего боюсь! У меня ведь нет подобной силы. Я беспомощна против икон. Алексей, наверно, тоже. Если раньше ему церковь давала силу, то теперь он обесточен. И что мы будем с ним делать? Ой, не выдержу я этих святых взглядов!

Наверно, страх так и сочился из меня. Потому что Алексей спросил:

– Что с тобой?

– Ничего. – Я очнулась и попыталась ответить как можно спокойнее.

– Нет-нет, давай не скрывай! Ты встала как вкопанная.

– Это ты встал. Я еще подумала, что это ты вдруг остановился.

Ходили-ходили, и вдруг ты остановился.

– Ты явно не в себе. Не так все было. Ты сказала: «Ах, вон ты про что!». И тут же остановилась и принялась испуганно смотреть на меня. А мне, ясное дело, тоже пришлось остановиться. Затем ты буквально выдавила из себя: «Ну что ж, давай, отметим».

Вот оно что! Это, оказывается, из-за меня Алексей остановился.

– Так что будем делать? Отмечать? Или нет? – спросил Алексей.

– Наверно, отмечать. Событие-то важное, отметить его обязательно нужно.

«Кстати! – подумала я. – Алексей ведь не сказал, где будем отмечать. Он же не сказал, что он меня к себе домой приглашает. Может, тогда у меня отметим?»

– Может, у меня отметим? – предложила я.

– Это почему еще? – Алексей даже обиделся. – Событие-то мое, значит, у меня его и надо отмечать. К тому же, ты у меня еще ни разу не была. А я-то у тебя был! Почему ты не хочешь ко мне заходить? Сколько ни приглашал тебя, ты никогда не соглашалась. Боишься что ли?

– Да, боюсь, – вылетело из меня. Я совсем не хотела так отвечать. Эти слова независимо от меня вылетели. А с вами бывает такое?

– Боишься? – непонимающе спросил Алексей. – Ты серьезно?

– Очень.

– Что очень?

– Очень серьезно. Очень боюсь к тебе заходить.

– Почему?

– Боюсь твоих икон.
– Чего-о? – Алексей даже присел от удивления.
– У тебя дома много икон? – спросила я. – Только честно отвечай!

Алексей сначала молчал, не в состоянии вымолвить ни слова, а потом захохотал. Он хохотал так сильно, что его тело аж тряслось. А на лице застыла чуть ли не страдальческая гримаса – так он смеялся! Иногда он вроде бы постепенно успокаивался, но, посмотрев на меня, снова начинал хохотать. Даже слезы на глазах выступали. Неужели я так смешно выгляжу? Надо бы изменить выражение лица. А, может, позу сменить?

Я отвернулась, а руки засунула в карманы джинсов. Пусть смеется, сколько хочет, я не буду больше смотреть на этот его приступ. Ему смешно – пусть и смеется. А мне, почему-то, не очень весело.

Наконец, Алексей стал затихать. Последние спазмы смеха у него шли через силу – так он ослаб, пока смеялся! Затем он совсем стих и принялся вытирать руками слезы с глаз и щек. – Это все я увидела краем глаза.

Я повернулась и вопросительно посмотрела на него. На мой-то вопрос он еще не ответил! Он вытер последние слезы и тоже посмотрел на меня.

– Ну, как? – спросила я. – Ты не ответил на мой вопрос.
– Ах, да! – воскликнул он, но смеяться его уже, видимо, не тянуло. – Нет у меня икон на стенах.
– Ты их убрал?
Алексей задумался.
– Да, убрал, – ответил он не сразу. – А зачем они мне сейчас? Я ведь больше не священник.
– А молиться ты разве не будешь?
– Знаешь, я сколько молился? Много, очень много! На всю жизнь хватит. Все! Не будем об этом! – резко сказал Алексей. – Мы ведь мое освобождение собрались отмечать. А иконы здесь не при чем. Так идем ко мне?

– Ну, раз у тебя нет икон, тогда идем. Я, в принципе, не против них. Но когда их много...

– Не переживай, у меня ты ни одной не найдешь. Мои стены пустые. На них даже обыкновенных картин нет.

Мы зашли в ближайший магазин и вышли из него с большим пакетом для предстоящего праздника.

«И откуда у него столько денег? – подумала я. – Вроде бы еще не работает, а уже покупки дорогие делает. Хотя, наверно, когда он работал в церкви, то получал какую-то зарплату. А сейчас ему дали за последний отработанный месяц, и все свои отпускные он получил – а что? вполне солидная сумма может набраться».

Так я рассуждала и сама себе поражалась. Разве можно думать о зарплате священника? Такие вопросы вообще не задают, и думать на эти темы тоже не принято. А я вот думаю. Ну, кто я после этого? К тому же, священники, наверно, вообще зарплат не получают. Живут на пожертвования. А пожертвования эти маленькие. А зачем священникам большие деньги? – Я еще больше удивилась себе – полное святотатство!

– Я живу недалеко, – сказал Алексей, когда мы вышли из магазина.

– Это не важно, где ты живешь, – сказала я. – Даже если бы ты жил далеко, меня это не испугало бы. Главное... – Я замолчала.

– Да нет их у меня. Ты про иконы хотела сказать?

Я кивнула.

– Хотя парочка меня не испугала бы. Даже наоборот. Представляешь, на нас смотрят два святых лика. Мы зажигаем свечи и ставим их возле икон. А затем начинаем пить шампанское. Помоему, довольно экстравагантно, тебе не кажется? Две иконы – не страшно. Страшно – когда их много, и они со всех сторон на тебя смотрят и дают смиренными взглядами. Кем я могу себя ощущать в таком окружении? – только грешницей. А если учесть, что я с Дьяволом общаюсь...

– Надеюсь, у меня ты про Дьявола ни слова не скажешь? – серьезно спросил Алексей.

– Как хочешь, – согласилась я.

– Еще есть вопросы? Я имею в виду, тебя больше ничего не пугает?

– Полки! – воскликнула я. Как только Алексей произнес свой последний вопрос, меня осенило. – Полки меня пугают.

– Какие еще полки?

– Они у тебя, поди, заставлены духовными книгами?

– Нет, – удивленно сказал Алексей. – А с чего это они должны быть заставлены духовными книгами?

– Но ты же священником был.

– Вон ты про что! – понимающе воскликнул Алексей. – Спешу тебя успокоить, все книги остались в церковной библиотеке. У меня вообще никогда не было тех книг, которые ты имеешь в виду. Зачем

они, если в любое время можно заглянуть в библиотеку и прочитать что надо?

Я согласилась. Очень разумно. Библиотека – великолепное изобретение человечества.

– Все? – спросил Алексей. – Я думаю, твои вопросы исчерпались?

– Нет.

– Мама Миа! – Алексей закатил глаза.

– Знаешь что... – сказала я. – Все нужно обговорить заранее.

– Ну почему?!

– Потому что ты еще священник для меня. Я пока не воспринимаю тебя вероотступником. А раз назвался когда-то груздем, то, будь добр, полезай в корзину.

– Ну, хорошо, – согласился Алексей. – Спрашивай. Только немного. – В его голосе прозвучали умоляющие нотки.

– Ладно, постараюсь. Я поняла, икон у тебя нет.

– Нет, – подтвердил Алексей.

– Значит, святые лики нас не осудят.

Что я такое сказала? – Что-то совсем неграмотное! Разве лики осуждают? Осуждать могут святые, но не их лики. Да ладно! Я думаю, Алексей понял, что я хотела сказать.

– Ты имеешь в виду святых? – спросил Алексей (все-таки поправил меня!).

– Да, конечно. Я имею в виду святых, лики которых изображены на иконах. Они, значит, нас не осудят?

– За что?

– За то, что мы шампанское будем пить. Ты ведь купил его, чтобы выпить у тебя дома?

– Но не на улице же!

– И я про то же. Короче, иконы нас не осудят. И Бог нас не осудит – я так полагаю.

– С какой это стати нас должен осуждать Бог?

– И я про то же. Бог ведь не осуждает. Тогда все прекрасно!

Идем!

– Слава Богу! – вздохнул Алексей. – Ну, ты даешь! Какая ты!.. Все-то тебе надо выяснить.

Алексей еще раз вздохнул и пошел. Я тоже поплелась вслед за ним.

Я обо всем, что меня волновало, спросила. Даже если Алексей обманул меня, и у него дома все это есть – и иконы, и полки, заставленные духовной литературой, – то я, как только увижу их, тут

же повернусь и уйду. И уже ничто не заставит меня ступить в его дом во второй раз!

Вот только про Демо я забыла! Про иконы все разузнала, про духовные книги выяснила, даже про Бога спросила. А про Дьявола не подумала. А он-то меня осудит? Кстати, я даже не знаю, осуждает ли Дьявол? И если да, то за что? Я же про него так мало знаю. Хоть и вижусь с ним каждый день.

За что может осудить меня Дьявол (он же – Демо)? Он такой умный, такой уступающий во всем, такой исполняющий все мои желания... «А ревность? – крикнула в ухо примчавшаяся мысль. – Ты про нее забыла. Ведь Демо может тебя просто-напросто приревновать к этому бывшему священнику». – «За что приревновать?» – «Как за что? Алексей ведь мужчина».

Про это я как раз и не подумала! Значит, Демо меня вряд ли осудит. Но приревновать может. Что же делать? «Ничего, – сказала та же мысль. – Просто веди себя в Алексеевом доме прилично. И все. Больше от тебя ничего не требуется». – «Скажешь тоже! – обиделась я. – Я всегда с Алексеем веду себя прилично. С чего это вдруг у него дома я буду вести себя непристойно?» – «Посмотрим-посмотрим», – ехидно сказала мысль. «И почему она так ехидно говорит? – подумала я. – Она что, знает, как я буду вести себя у Алексея? Мысли умеют видеть будущее?! Ну и мысли меня посещают! – они, оказывается, еще и будущее знают! Хотя зачем я злорадствую? Увидим. Позже все выяснится. Позже я узнаю, действительно ли мысли умеют заглядывать в будущее».

Так, за размышлениями, я даже не заметила, как мы подошли к пункту нашего следования.

– А вот и мой дом, – сказал Алексей и благородно вытянул руку по направлению к серому невзрачному дому (совсем такому же, как у меня). «И как это у него так получилось – благородно вытянуть руку? – подумала я. – Я так не умею».

– Видишь, я совсем недалеко живу от тебя. – Алексей опустил руку (тоже вполне благородно – я и так не умею).

Он, по-моему, сказал, что живет совсем недалеко от меня. А я, надо сказать, думая всякие думы, совсем не заметила, сколько времени мы шли. Может, и недолго, вполне возможно.

Мы вошли в подъезд и поднялись по лестнице.

– А вот и моя квартира. – Алексей вставил ключ в замок, сделал им оборот и толкнул дверь.

Так! Я ведь Алексею еще один вопрос хотела задать. Но теперь это не требуется. А вопрос мой должен был звучать так: «Ты живешь в

доме или в обыкновенной квартире?» Теперь вижу, что в квартире. Хотя, если честно, я представляла Алексея в доме с печкой. Никто не тревожит его покой, и он всегда находится в духовном уединении. И в печку дрова иногда подбрасывает. В доме тепло, дрова трещат, уютно, тихо.

Опять дом?! Домик. Избушка. Но ведь это уже было! Это я уже слышала. Демо живет в домике, посреди густого, непроходимого леса. «Где же он сейчас?» – подумала я. Мне стало грустно и захотелось уйти. Не заходить к Алексею, а уйти куда-нибудь. Куда? Да хоть куда. Хоть в избушку, в которой живет Демо. Только в избушку. Я ведь там никогда не была. Хоть мысли и трещали, что якобы я была там. Может, и была, но не помню этого. Я очень хочу в избушку! Очень! Просто сил нет, как хочу. Что там делает Демо? Мне стало тоскливо. И зачем я согласилась зайти к Алексею?

Но было уже поздно. Алексей широко раскрыл дверь, приглашая меня войти. Делать нечего – нужно заходить!

Или повернуться и, что есть силы, побежать? В избушку, где сидит Демо и ждет меня. Пока не поздно, может, побежать? Я буду бежать, бежать, а потом взлечу. Мне ведь говорили мысли, что я умею взлетать. И, может, даже летать я немного умею. Если я умею взлетать, то и летать я, наверно, умею. А что? Я взлечу, а потом полечу. Полетаю немного, устану, спущусь. Отдышусь. Затем снова взлечу и снова полечу. Затем появится непроходимый лес. Перед ним я в последний раз отдышусь и взлечу, высоко-высоко. Осмотрюсь вокруг – где же избушка? Может, сразу я и не найду ее – она ведь в самой глубине леса находится. Но я все равно полечу – куда сердце подскажет, полечу. Я буду летать, летать и смотреть по сторонам. Затем я устану, но не буду замечать усталости. Я буду летать, пока вдали не увижу – совсем смутно сначала – что-то наподобие маленькой пустыньки в этом сплошном лесу. От этого у меня появятся новые силы, и я полечу еще быстрее. Быстрее, к той пустыньке. Вскоре окажется, что это – полянка, та самая, на которой стоит избушка Демо. А вон и Демо – сидит на крылечке и смотрит на цветущий картофель. Картофель? Почему я решила, что он смотрит на картофель? Откуда картофель? Какой картофель?

– Эй! – Алексей потрянул меня. – Что с тобой? Опять испугалась? Да ты заходи, посмотри – нет у меня икон. И дались же они тебе! И книг нет. Да ты заходи, не стесняйся!

– Я и не стесняюсь, – сказала я и ступила за порог. – Я, что ли, маленькая, чтобы стесняться?

– Никто не говорит, что ты маленькая. Пугливая только.

– Не пугливая, а осторожная, – поправила я.

Я оглядела небольшую прихожую. Никаких икон! – правду сказал Алексей. «Какие могут быть иконы в прихожей! – сказала мысль. – Не место им в прихожей. Они – в комнате. Зайди в комнату». – «Хорошо, зайду, – ответила я. – Раз зашла в прихожую, то в комнату мне точно придется зайти. А то неудобно получится».

Знаете, на что я обратила внимание, как только ступила в Алексееву квартиру? – на особый запах. Так пахнет холостяцкая квартира. «И часто ты бывала в холостяцких квартирах?» – спросила меня мысль, сообщившая, что в прихожих иконы не висят. «Ну и зануда ты!» – сказала я и не стала отвечать на вопрос.

Ясное дело, мысли больше меня знают, где я бываю, а где нет. Я уже смирилась с этим. А сейчашняя специально сказала про холостяцкие квартиры, потому что язвительная она. Ну и мысли у меня бывают! Надо бы генуборку в голове устроить.

Я сняла кроссовки и поставила их возле стены. Никакой специальной полки у Алексея не было, вся его обувь лежала прямо на полу, под вешалкой для верхней одежды.

Теперь пора в комнату. Сейчас я увижу самое главное! Через секунду я узнаю, как живет Алексей. Я сделала первый шаг в сторону комнаты.

Надо сказать, что на одном шаге все и завершилось! Больше шагов мне не потребовалось делать в прихожей. Потому что между ней и комнатой было расстояние, равное ровно одному шагу. Вот какая маленькая прихожая у Алексея!

И что это я так удивилась? У меня ведь такая же маленькая прихожая. И наши дома очень похожи, и маленькие квартиры в них тоже похожи друг на друга. Грустно, грустно, что все у нас такое маленькое! – Я вздохнула. (Алексей, вроде, не заметил этого моего вздоха, а то опять начал бы спрашивать, что со мной и почему я такой испуганной или грустной выгляжу! Слава Богу, что не заметил!)

У Алексея такая же однокомнатная квартира, что и у меня. С такой же маленькой прихожей и такой же небольшой комнатой в семнадцать квадратных метров. Зато окно большое. А посреди окна дверь – на балкон. Все, как у меня.

И, самое главное, я даже забыла, я не обратила сразу на это внимания. Никаких икон в комнате не было! Ни одной. И ни одной полки, ни одной книги. Абсолютно пустые стены. Никакой атмосферы духовности! Никакого культа духовности!

Из мебели в комнате стояли лишь старенький шкаф, старенький диванчик, небольшой потертый журнальный столик и почти новое кресло возле окна.

«Вся мебель у него древняя, – усмехнулась тут же подскочившая мысль. – С чего бы это? Он же хвастался, что до церкви имел неплохой доход, что девушке своей делал подарки (наверно, дорогие). А себе, значит, мебель нормальную не мог купить?» – «Потому и не смог, что все деньги на подарки тратил. Ох, уж эти девушки! Ох, уж эти расточительницы!» – сказала другая мысль. «Зачем гадать! Ты лучше спроси его о мебели», – предложили мне обе мысли. «Хорошо, спрошу».

– Почему у тебя вся мебель старая? – так и спросила я. – Ты же говорил, что до церкви ты получал неплохую зарплату.

– Все объясняется просто – я почти совсем не обращаю внимания на быт. Меня вполне устраивает эта мебель, которая досталась мне в наследство от бабушки. Кстати, ты не заметила? – Алексей показал мне на пол возле шкафа. – Обманул я тебя немного. Есть у меня книги. Но они не духовные. И место им не на полках, а на полу, как видишь.

Действительно, книги лежали на полу. Разве им место там?

– Тебе трудно прибить полку?

– Не трудно, а неохота. Зачем полка, если книгам и на полу неплохо?

На полу так на полу. Его же книги, ему и решать, где им находиться – на полке или на полу. Хотя не эстетично это.

– Но они же пылятся там.

– Ну и пусть. Я все равно их редко читаю. Надо что-то узнать из них – достаю книжку и сдуваю с нее вековую пыль. Вот так. – Алексей поднял верхнюю книгу и дунул на нее. На меня полетела густая пыль. Сразу же зачесало в носу, я чихнула.

– Будь здорова! – с улыбкой пожелал Алексей. – Защитница книг. (Признаюсь, никто меня так еще не называл).

– А ты что не чихнул? – возмутилась я.

– Ветер-то на тебя был направлен, а не на меня.

– Какой еще ветер?

– Мой, – Алексей невинно улыбнулся. – Я же на тебя дунул.

– Почему на меня? – обиделась я.

– Чтобы ты наглядно увидела, как я расправляюсь с пылью на книгах. – Алексей снова улыбнулся (как ни в чем ни бывало!). – Все осмотрела?

– Ничего я не осматривала. – Я опять обиделась.

– Ладно, не обижайся! – Алексей по-товарищески похлопал меня по плечу. – Я же это так сказал, не для того, чтобы тебя обидеть. Просто характер у меня такой – люблю иногда поулыбаться над кем-нибудь. Однако мы забыли про стол.

– Про этот что ли, журнальный?

– Да нет же.

– А про какой же тогда? – Я начала шарить глазами по комнате в поисках стола. Я, наверно, выглядела наивной.

– Ты еще вверх посмотри, – пошутил Алексей. – Может, к потолку он подвешен.

Я подняла голову. Никакого стола там и в помине не было. Потолок у Алексея был голым, как и стены. Только лампочка висела на проводке и паутинки – по углам. Больше ничего. А что еще можно ожидать от потолка?

Я опустила голову. Алексей смеялся.

– Ладно-ладно, – снова успокоил он меня. – Я про другой стол сказал. Мы же собрались отмечать событие.

– А-а!

Алексей пододвинул к дивану журнальный столик и принялся выкладывать на него шампанское и всякие свертки, купленные в магазине.

– Извини, – немного оправдываясь, сказал он, – Я, наверно, продукты выбрал неправильно. Кстати, ты знаешь, с чем пьют шампанское?

– Нет, – растерялась я. – Не знаю.

Единственное, что я смогла вспомнить, – чем закусывают водку. Может, это потому, что про пьяниц и их закуски сказано много анекдотов. Или потому, что у русских водка исключительно популярна. А вот с чем принято пить шампанское – этого я не знала.

– Тем лучше, – обрадовался Алексей. – Мне будет не слишком стыдно, что я такой неграмотный по части этого напитка. Хотя, я слышал, что к шампанскому подают шоколадку, но мне лично такое сочетание не очень нравится.

– А я вообще не люблю шоколад, – поддержала я его.

– Не любишь? – удивился Алексей. – А я думал, все девушки любят шоколад.

– Не все, оказывается.

– И ладно! Тем более что у меня его нет – не додумался я шоколад купить. Итак, вопрос о том, с чем пить шампанское, отпадает, – радостно сказал Алексей. – Значит, будем кушать то, что у нас имеется.

Он принялся распаковывать пакеты и свертки и раскладывать их содержимое по тарелочкам. В результате журнальный столик приобрел вполне праздничный и аппетитный вид. Не было, правда, белой скатерти и множества непонятных столовых приборов, но нас это нисколько не беспокоило. Однако Алексей все же спросил меня:

– Ничего, что на нашем праздничном столе нет белой скатерти и кучи столовых приборов?

– Ничего, – поторопилась ответить я, – конечно, ничего.

– Тогда к столу! – Алексей вытянул руку – жест, полный благородства. И где он этому научился?

– Как это у тебя так получается? – спросила я и попыталась также благородно вытянуть руку. Но ничего у меня не получилось – просто вытянула руку, без всякого благородства.

Алексей недоуменно посмотрел на мою конечность. Наверно, он ничего не понял. Потому что он тут же перевел взгляд на шампанское. Наверно, оно его интересовало куда больше, чем моя вытянутая рука. Скорее, он все же нигде не учился по-особому вытягивать руку. Это у него всегда так получалось.

– Откроем шампанское? – Алексей поднял тяжелую бутылку.

– Открывай!

Пробка ударилась о потолок, бокалы наполнились пеной.

«Как здорово устраивать иногда такие вот маленькие праздники, – подумала я. – Пусть и повод сейчас странный. Но повод – не главное».

Я сделала глоток. Затем еще глоток. Затем еще...

– Замечательно, – сказала я, поставив пустой бокал. – Замечательно, что у тебя все замечательно.

– Нет, – покачал головой Алексей. – Не все замечательно.

Я засмеялась:

– Ты выдумываешь – что не все замечательно.

Шампанское быстро подействовало на меня. Вместе с легким головокружением пришло и легкое восприятие всего. То, что трудно было выговорить трезвой, сейчас произносилось легко.

– Может, и выдумываю, – согласился Алексей.

– Ты, вообще, все выдумываешь, – сказала я.

– Ты права, – снова согласился Алексей.

Какой он стал! – что ни скажу, со всем соглашается. И это от одного-то бокала шампанского! Ой-ей-ей! Что дальше будет!

– Ты права, – повторил Алексей. – Я все выдумываю. Абсолютно все!

– И хорошо, – сказала я. – Если не выдумывать, хоть что-нибудь, скучно будет жить.

– Ты так считаешь?

– Конечно.

Какой воздушный мир! Я только сейчас обратила на это внимание, что мир – и вокруг, и внутри меня – стал невесомым. Все взлетело на парах шампанского. Все на свете стало заодно со мной. И Алексей тоже стал заодно со мной. Мы очень хорошо понимали друг друга. Он говорит – я соглашаюсь. Я говорю – он соглашается. Что может быть лучше? Не беседа, а игра! Не просто игра, а веселая игра.

– Еще шампанского!

Алексей тут же налил в бокалы шипучего напитка.

Голова закружилась сильнее.

– Хочешь сигарету? – предложил Алексей.

– Сто лет не курила, – кокетливо сказала я. – Я даже забыла, как это делается.

Я даже не знала, что я могу быть кокетливой. И это с Алексеем-то! Чем он мне понравился, что я вздумала с ним кокетничать? Ах, шампанское! Да это же шампанское!

Алексей принес две пачки: одну себе, другую, с тоненькими женскими сигаретами, мне – и бросил их на стол. Небрежным движением бросил. Без всякого благородства. «Это он только руку умеет благородно вытягивать, а все остальное у него обычно получается», – подумала я.

– Ты знал, что я буду курить? – удивилась я.

– Нет, – также удивленно ответил Алексей. – С чего ты решила?

– Откуда у тебя женские сигареты? Ты их специально купил?

– Ах, вон ты про что! – улыбнулся Алексей. Немного пьяно улыбнулся.

«Сама-то я тоже пьяная, – подумала я, – а замечаю, что с Алексеем происходит. Не знала, что могу быть внимательной в таком вот состоянии. А, может, это не я? Может, это мысли мои такие внимательные? «Конечно, мы! Конечно, мы!» – тут же загалдели они. Но почему я решила, что мысли могут быть внимательными? Они ведь лишь мысли. Им не положено быть внимательными. Более того, им не положено даже думать. Думает человек, а мысли – продукт деятельности его мозга. А когда начинают думать мысли, значит, со мной что-то не так. «Все так! Все с тобой так! – заторопились успокоить меня мысли. – Мысли все могут. И думать могут, и внимательными быть могут. Мысли много чего могут». Нет-нет, это шампанское!

– Я их купил на всякий случай, – сказал Алексей. – Вдруг ты куришь?

– Ты разве не видел, что я не курю? Ты хоть раз видел, как я курила?

– Мало ли! Может, после шампанского тебя потянет на это дело.

– Здесь ты прав. – Я потянулась за пачкой.

– Честно говоря, сейчас я закурю впервые за много лет. – Алексей тоже потянулся за пачкой.

Он щелкнул зажигалкой и поднес ее ко мне. Я затянулась, а затем грациозно отвела сигарету от губ. Я тоже умею делать красивые движения!

Алексей закурил вслед за мной.

– Красиво! – сказал он. – Как это у тебя получается так! – Он тоже попытался, как и я, отвести сигарету от губ. Но ничего у него не получилось. Все обыкновенно он сделал, как все. Это только я так умею – грациозно отводить сигарету от губ. А он только благородно руку вытягивать умеет.

Я засмеялась. Я вдруг почувствовала себя такой легкомысленной!

Выкуренная сигарета, если учесть, что я давно не курила, добавила еще одну порцию головокружения и потери контроля над собой. Я вальяжно откинулась на спинке дивана и скрестила ноги перед собой. Хорошо, однако, расслабляться вот так!

В какой-то миг я почувствовала на себе крепкое объятие Алексея и мокрое прикосновение его губ.

Я моментально отрезвела. Я оттолкнула его и вскочила. Алексей продолжал сидеть на диване. Его руки, недавно обнимавшие меня, висели в воздухе – они застыли.

Я стояла и возмущенно смотрела на Алексея, а он сидел на диване с повисшими руками и смотрел на меня снизу вверх.

Первой шевельнулась я. Я возмущенно отвернулась от Алексея, затем снова повернулась к нему. Алексей опустил руки. Он тоже отрезвел и был явно смущен.

– Извини, – пролепетал он. – Я просто...

– Что просто?

– А зачем ты ноги скрестила перед собой?! – Алексей, видимо, решил перейти от оправдательной позиции к обвинительной. Конечно! Конечно! Это я, оказывается, во всем виновата. Уж и ноги скрестить нельзя. К тому же, я ведь в джинсах, колени голые не торчат у меня. Чем он недоволен?

– Разве нельзя скрещивать ноги? Я и не знала этого. Что ж ты не предупредил меня об этом?

– Нельзя так раскованно это делать.

– Ну, ты даешь! Значит, я должна все скованно делать? Так?

Алексей не нашелся, что ответить. А что отвечать, если и так все ясно?

– Я так часто вижу тебя во снах, – вдруг сказал он.

Что бы это значило? Что-то новенькое он выдает.

– С тех пор, как я увидел твои колени, я потерял покой, – продолжал он. – Они снятся мне каждую ночь.

Да! С юмором у него все в порядке! Коленки ему мои снятся! Я бы не додумалась до такого. Опять он, наверно, все выдумывает.

– И вот тогда я решил, что все! Пора поставить точку, то есть уйти из церкви.

– Когда решил?

– Когда колени твои увидел.

Ну и ну!

– Тогда я окончательно понял, что служение Богу – не для меня.

– Хочешь, я посвящу тебе всю свою жизнь? – неожиданно предложил Алексей.

Ой-ей-ей! Опять новенькое. К такому я уж точно не готова! Что же делать?

– Я буду любить только тебя. Ты будешь богиней. Ты будешь счастливой со мной. Зачем тебе Дьявол? А? Скажи, зачем он тебе? Ведь рядом я. Я здесь, я реальный, меня можно потрогать, а Дьявол эфемерный. Он – из другой сказки.

Снова он об этом! Ну, сколько можно спрашивать, зачем мне Дьявол?!

Не спорю, в чем-то он прав. В чем-то, но не во всем. Прав, например, в том, что он, Алексей, рядом. И в том, что он реальный, тоже прав. А вот с тем, что он про Дьявола сказал, я не совсем согласна. Например, что он – из другой сказки. С чего это Алексей решил, что Дьявол – из другой сказки? Он же ко мне приходит, значит, Дьявол – из моей сказки. Хотя, не спорю, что-то в его словах есть. Да-да, что-то есть. Может, стоит серьезнее отнестись к тому, что он сказал – и к нему самому, Алексею, тоже? Надо бы подумать над этим.

Алексей вопросительно смотрел на меня. Вероятно, он ждал ответа. Не вероятно, а точно. Что-то надо ответить. Ну и ситуация!

– Это все так неожиданно для меня. Я не могу ответить тебе прямо сейчас.

Я посмотрела Алексею в глаза. Они по-прежнему были прозрачными. «Когда глаза слишком прозрачные, тоже не очень хорошо», – мелькнуло почему-то в моей голове.

– Когда же тогда? – спросил Алексей. – Когда ты ответишь?

– Когда-нибудь, но не сейчас. Сейчас, после шампанского, трудно сказать что-то вразумительное.

– Да-да, конечно. – Алексей поник. – Я напугал тебя. Мне не стоило вести себя так. Это шампанское. Оно ударило мне в голову.

Слава Богу, хоть меня теперь не выставляет виноватой. Правильно, на шампанское надо все валить!

– Да-да! Это шампанское! – поддержала я Алексея. – Мы же его ничем не закусывали. Рассуждали, рассуждали, с чем его пьют, а в результате так ничего и не поели.

– Точно! – ударил себя кулаком по голове Алексей. – Мы ничего не ели.

Мы вдруг почувствовали себя такими голодными! и накинулись на еду.

Мы сметали все, что было на столе: и кусочки копченой курицы, и колбасу, и хлеб, по которому размазывали толстые куски масла, и фрукты разные. Затем Алексей сбегал на кухню и заварил чай. И мы принялись пить его и уплетать плюшки и пирожные. Мы ели много и жадно, и с каждым кусочком еды в нас проникало спокойствие и правильное, трезвое восприятие мира.

А когда мы все доели, я собрала посуду и отнесла ее на кухню, чтобы помыть. Алексей хотел было отговорить меня это делать, но я сказала, что мне это не трудно. Я ведь пока не богиня, чтобы посуду не мыть.

Я помыла посуду и разложила ее на висячей полочке (все-таки была у Алексея одна полка – на кухне). Затем с чувством выполненного долга вернулась в комнату.

Алексей сидел на диване и задумчиво курил сигарету. Наверно, обдумывал свой недавний проступок. Я тоже присоединилась к церемонии дымогонения.

– Ты хоть книги свои читаешь? – спросила я, сделав несколько затяжек. – Те, что пылятся на полу.

– Редко. Раньше читал. Все подряд. И духовные в том числе. Но они не давали мне ощущение полноты жизни. Затем интерес к книгам у меня пропал. – Алексей продолжал оставаться задумчивым.

Стало грустно. Докурив сигарету, я сразу же взялась за другую. Алексей тоже курил непрерывно. Он курил, курил, а в какой-то момент тяжело вздохнул.

Ощущение праздника закончилось. Я, наученная горьким опытом, уже не скрещивала ноги перед собой, а сидела скромно.

– Я пойду, – сказала я, встала и направилась к выходу.

– Я провожу тебя.

Я промолчала. Но Алексей, все равно, встал и пошел вслед за мной.

Мы медленно шли по улице. Была теплая, мягкая ночь. Но хорошего настроения не было. Вот так закончился наш праздник.

Только у подъезда своего дома я подошла к Алексею и поцеловала его в щеку. Все-таки праздник у него сегодня.

22. Валя и Рома

Сегодня я не звала Демо. Я не шептала его имя.

Лучше бы я не пила шампанского, лучше бы не было этого странного праздника! Лучше бы я никогда не встречала Алексея.

Откуда он появился? Никогда его не было раньше. А тут он взял и появился. Словно поджидал, когда мне явится Дьявол.

И сегодня из-за него я не могу позвать Демо! Стыдно потому что.

Утро. Будильник еще не прозвенел, но это должно произойти через минуту. Я выключила его. Затем встала, оделась, выпила чашечку утреннего кофе и вышла из дома.

Начинался новый день. Я шла на работу. Навстречу шли прохожие. Но среди них не было молоденького священника в длинной черной рясе.

Вечером я решила заглянуть к своим друзьям. Это семейная пара – Валя и Рома. Когда-то мы вместе учились. Но это было давно – несколько лет назад.

Еще днем я пыталась вспомнить, когда же я была у них в последний раз. Порывшись в памяти, пришла к заключению, что ровно год назад. Игорешка, их сын, тогда первые слова произносил. Я еще удивилась: такой большой и всего-то лишь отдельные слова говорит, и то невнятно. А Валя сказала, что все нормально – в два года дети говорят только слова. А предложения позже начинают выдавать. Я помню, поразила тогда, как все-таки долго развивается человек.

Надо бы навестить их. Они, наверно, тоже не прочь увидеть меня. С Валею я все-таки жила в одной комнате, когда мы учились в институте. Затем она вышла замуж, родила ребенка, и мы с ней почти перестали встречаться.

Вот расскажу им о Демо – не поверят же они мне! Еще и уму разуму начнут учить. Но зайти к ним все равно надо. Тем более что я

не хочу сегодня встречаться с Алексеем – это после вчерашнего. И с Демо встречаться не хочу – стыдно, тоже после вчерашнего. И дома сидеть одна не хочу. Так что – вперед, к старым друзьям.

И вот я уже у них.

– Давно ты к нам не заходила, мы даже стали тебя забывать.

– Дела, понимаете. Не в институте же учусь, а работаю. А работа, она столько времени отнимает! Прихожу домой и сразу спать. Даже не ем, представляете? Сразу спать. Вот так-то у меня теперь.

– Хватит врать! Это у тебя мало времени? Его у тебя до фига и больше. Нам уже доложили, как ты по вечерам с каким-то молоденьким прогуливаешься.

– Не очень-то он и молоденький, на год старше меня. А кто вам доложил про него, интересно?

– Неважно. Сами видели.

Мы еще о чем-то поговорили. Игорешка позабавил нас своими детскими, но очень правильными высказываниями. Затем мы попили чаю, а после наш разговор почему-то плавно перешел к извечным темам. Начали с Бога, а закончили... Догадайтесь! Конечно же! Дьяволом. С моей подачи, естественно.

О Боге, правда, мы немного говорили, в основном обсуждали Дьявола. Вернее, я и Рома. А Валя почти молчала. Потому что она, как призналась, с детства боится чертей. А вот Рома с явным интересом говорил. Никогда не ожидала от него такого! Оказалось, что к Дьяволу он относится даже лучше, чем я!

– Тебе обязательно нужно хотя бы послушать про Дьявола, – убеждал Рома Вальку. – Детские страхи нужно проговаривать. Или хотя бы прослушивать. Ты ведь сама об этом говорила. – А затем, повернувшись ко мне: – Ты еще не знаешь, Валька в свободное время психологией занимается, второе высшее образование получает. Ее любимая тема – как раз детские страхи. А сама до сих пор с ними справиться не может.

– Разве можно избавиться от страхов, проговаривая или прослушивая их? – удивилась я.

– Нет, конечно. Валя все методы испробовала на себе, чем только не выводила эти свои страхи. Результат – никакой. Страхи не вывелись. Они просто приобрели другую форму. Вот такие они оказались, приспособляющиеся. Валька, воспринимай то, что мы сейчас будем говорить, как один из методов психологии. Слушай о том, что тебя пугает. Слушай и слушай... Может, поможет.

– А может, не будем? – попыталась убедить нас Валя. – Вы даже не представляете, что мне по ночам мерещится! Давайте не будем! А ну их, эти методы. Давайте о чем-нибудь другом поболтаем.

– Тем более нужно, – не уступал Рома. – Только после того, как ты смело слушаешь то, о чем мы будем говорить, тебе перестанет мерещиться всякая ерунда.

«И что это с Ромой? – удивилась я. – Никогда раньше не замечала за ним такого рвения обсуждать Дьявола. А, может, мы все постепенно становимся такими – интересующимися Дьяволом?»

Валя постепенно сдалась и согласилась послушать наш разговор, но с ее лица все же не сходило испуганно-умоляющее выражение.

– Знаешь, из-за чего твои страхи? – сказал Рома. – Из-за того, что мы почти ничего не знаем о Дьяволе. А если и знаем, то откуда? – из детских сказок и страшилок. Разве это серьезно? Разделение на Бога и Дьявола – это все равно, что разделение на белое и черное. Нельзя так делать, нельзя противопоставлять друг другу Бога и Дьявола. Они – единое целое.

Рома еще много чего говорил в этом духе. Ну и ну! Ай, да Рома! И когда он успел стать таким? Никогда ведь его не интересовали высшие материи. И Дьяволом он никогда не увлекался. Он всегда был крайне приземленным человеком.

– Рома, откуда у тебя все это? – спросила я. – Где ты успел начитаться всего этого?

– Я сам до этого дошел, – без тени гордости ответил Рома.

Валя уже забыла (или почти забыла) свои детские страхи и, открыв рот, слушала Рому. Она, видно, тоже не ожидала от него подобного. Несколько лет жить с человеком под одной крышей и не знать, что в его душе и голове зреет!

– Все, что принято говорить о Боге и Дьяволе, надуманное, – продолжал ораторствовать Рома. – Тем более что у разных народов и народностей представления об этих высших существах – разные. А в некоторых религиях вообще нет Дьявола. Или же с ним связывают не что-то ужасное, а наоборот, сильное, могущественное и совсем неплохое. Мы не имеем права ругать Дьявола. Во-первых, это несправедливо по отношению к нему. Во-вторых, разве можно ругать того, кого мы не знаем?

Рома продолжал удивлять нас.

– Так все-таки, – спросила я еще раз, – где ты начитался всего этого? Что в одних религиях вообще нет Дьявола, а в других он – чуть ли не положительный персонаж. Где ты это вычитал?

– Ты что, в степи родилась? Полки в магазинах сплошь пестрят такими книгами.

– Что-то я не замечала, чтобы ты читал такие книги, – ехидно заметила Валя.

– А зачем мне их дома читать? Тем более что ты не позволишь мне этого делать, я же знаю. Поэтому такие книги я читаю прямо в магазинах. Пятнадцати минут в день достаточно, чтобы многое узнать. Но я не только из книг беру знания. Я до многого сам дохожу.

Мы с Валею снова были потрясены. Знает, что дома жена не позволит читать книги, так он в магазине приспособился это делать. А что, логично!

Рома замолчал. Мы с Валею тоже. Валя – понятное дело, почему молчала – из-за страхов перед нечистью. А я? Я-то почему молчу? Мне разве нечего сказать про Дьявола?

– А вы знаете, что у Дьявола есть имя? – спросила я.

– Знаем, – ответил Рома. – У него даже много имен. Но от этого его суть не меняется.

– А я знаю еще одно имя – Демо.

– Демон? – переспросил Рома.

– Демо, – поправила я.

– Не оригинально, – сказал Рома. – Подумаешь, убрала последнюю букву! Впрочем, я уже сказал – его можно называть как угодно. Он будет продолжать оставаться тем, кем является. Пусть Демо. И что ты этим хочешь сказать?

– Да ничего, собственно. Просто я знаю еще одно имя Дьявола, вот и все. Кстати, он, оказывается, умеет любить. И даже страдать. И ему иногда надоедает та вечность, в которой он живет. И он хочет стать человеком – чтобы любить женщину.

– Лирика! – сказал Рома. – Ничего, кроме лирики в твоих словах нет. Хотя, что можно еще ожидать от женщины? – или страха, как у Вали, или сентиментальности, как у тебя. Впрочем, даже то, что ты сказала, подтверждает мои слова: Дьявол – неоднозначен. К нему по-разному можно относиться. Если к Богу принято только хорошо относиться, то к Дьяволу – нет. Дьявол – это личность. Он – сверхличность. И умалять его нельзя – как ты сейчас это делала.

– Да разве я умаляю его? – возмутилась я. – Я возвышаю его.

– И это тоже лирика – возвышать Дьявола. А почему это ты вдруг начала возвышать его? – Рома внимательно посмотрел на меня. – Что-то ты скрываешь!

– Ничего я не скрываю. А вот ты не договариваешь, – перешла я в наступление.

- И что же я не договариваю?
- Например, почему нельзя умалять Дьявола. Он же неоднозначен. Значит, его можно и умалять, и возносить.
- Нет, – твердо сказал Рома, – умалять Дьявола нельзя. Потому что он могущественный. Все остальное с ним можно делать, а умалять нельзя.
- Потрясающе! Надо бы запомнить это – умалять Дьявола нельзя!
- Ты тоже не договариваешь. – Теперь Рома перешел в наступление. – Ты не ответила, почему ты вдруг так сентиментально начала говорить о Дьяволе? Влюбилась в него, что ли?
- Почему бы и нет?
- Рома хмыкнул. Валя продолжала молчать.
- Это не серьезно, – сказал Рома. – Ты по-прежнему идеалистка. Лет-то тебе сколько? Скоро бабусей станешь, а все еще в облаках витаешь – идеального мужчину ждешь.
- До бабуси мне, допустим, далеко. А то, что я идеалистка, разве плохо?
- Конечно, плохо. Ничего хорошего в этом нет. Оглянись – вокруг тебя не так уж и мало хороших людей.
- Да-да, – подала голос Валя, – хотя бы тот молоденький, с которым ты прогуливаешься.
- Этот молоденький, как ты его назвала, между прочим, бывший священник.
- Ну и что, – заступилась за него Валя. – Священники – тоже люди.
- Ну вот! И она об этом! Алексей то же самое говорил. Только он утверждал, что священники – прежде всего люди. А Валя – что они тоже люди.
- А ты, кстати, видела его в нашей церкви?
- Нет, – призналась Валя. – Я вообще на священников не обращаю внимания. Зачем они мне, если у меня Рома есть? А вот ты можешь смотреть на них сколько угодно, тебе разрешено, потому что у тебя никого нет. Короче, перестань раздумывать и тащи его.
- Куда?
- Под венец, конечно.
- К чему такая спешка?
- Потому что лет тебе много, – сказал Рома.
- И что они прикопались к моему возрасту? Хороший возраст. Всего двадцать шесть. Не восемьдесят шесть ведь.
- Но мне ведь не восемьдесят шесть, а всего-навсего двадцать шесть, – сказала я.

– Ты нас просто поражаешь! – сказал Рома. – Ну, кто пойдет с тобой под венец в восемьдесят шесть? – Никто.

Здесь они, наверно, правы, в восемьдесят шесть никто не захочет пойти со мной под венец.

– Уговорили, – сказала я.

– Слава Богу! – вздохнула Валя. – И когда?

– Что когда?

– Когда нас пригласишь на свой праздник?

– А-а! Вы про это!

– А ты что имела в виду, когда сказала «уговорили!»?

– Я имела в виду, что подумаю над вашим предложением.

– Ну вот! Опять за старое. Ладно, думай, но не долго, – сказал Рома. – А про Дьявола ты забудь.

– То есть как забыть? Ты же сам только что много хорошего про него говорил.

– Я не про это. Я про то, чтобы ты зря не влюблялась в него. Это все равно, что влюбиться в свои фантазии. Он не является людям. Но даже если и является? Подумай сама, зачем ты ему нужна? Что в тебе есть такого, из-за чего на тебя обратил бы внимание сам Дьявол?

– Не знаю, – призналась я.

– Вот и я про то же.

А, может, им рассказать все? Что Дьявол является мне по первому зову. Что он исполняет все мои желания. Что он все мои капризы выслушивает и спокойно выслушивает, без гримасы недовольства. Поверят они мне? Нет, сто процентов – нет. Если Алексей не поверил, то они тем более не поверят. Алексей целых три года изучал Библию и про Дьявола знает, наверно, немало – а все равно не поверил мне. Господи! Иногда мне кажется, что никто никому не верит!

Ну как, как убедить Рому, что Дьявол является людям? А, может, не надо? Не надо никого убеждать?

– Хорошо, – решила я перевести разговор немного на другую тему. – Ты вот говоришь, что Дьявол могущественный, Дьявола нельзя умалять. А кто он – мужчина или женщина?

Рома помолчал немного, посмотрел на нас с Валею, а затем ответил:

– Мужчина. Я его воспринимаю мужчиной. А Бога – женщиной.

У нас с Валею челюсти отвисли.

– Кем? – хором воскликнули мы. – Бога – кем?

– Женщиной, – повторил Рома. – Бога я воспринимаю женщиной. Причем, мягкой и безвольной.

– Получается, что все мы поклоняемся женщине, да еще и безвольной? – спросила Валя.

– Выходит, так, – ответил Рома. – Вернее, это ты поклоняешься. А я в церковь не хожу.

– А кому ты поклоняешься в таком случае? – спросила я. – Дьяволу?

– Никому. А зачем кому-то поклоняться?

«Тоже верно, – подумала я. – Я, кстати, тоже никому не поклоняюсь. Только не скажу об этом. Иначе начнутся вопросы: «А зачем тебе Дьявол тогда?» и тому подобное. Оправдываться придется. Не-не, не нужно это!».

Мы с Валею принялись молчать. Все вопросы враз исчерпались. Бог – женщина, Дьявола нельзя умалять, а Рома вообще никому не поклоняется. Ну, какие могут вопросы? Никакие! Все и так понятно. Но Рома, похоже, так не считал. Он нарушил наше женское молчание.

– Ну, хорошо, – сказал он. – Пусть Бог – не женщина. Тогда получается, он бесполой. Ни мужчина и не женщина. Это вас устраивает?

– Конечно, нет, – сказала Валя. – Пусть ты не ходишь в церковь, но я-то хожу. Я, как раз, и в церковь хожу, и Богу молюсь, и свечку ему ставлю.

– Но это тебе, я вижу, тоже не помогает, – усмехнулся Рома. – Страхи-то твои все равно не прошли. И психологию изучаешь, и в церковь ходишь, а страхи не проходят.

– А, может, к бабке тебе сходить? – посоветовала я. – Говорят, есть такие, которые заговаривают что-то угодно, и страхи тоже.

– Мда, – только и сказал Рома, а Валя промолчала. Я поняла, она и это попробовала. Тоже безрезультатно.

– Неужели это такая сложная проблема – от страхов избавиться? – спросила я. – Вроде в институте ты не страдала этим.

– И в институте страдала, ты разве не помнишь, как я темноты боялась? Вот и сегодня, после нашего разговора я полночи не смогу заснуть. А когда засну, сны кошмарные будут сниться. Знаешь, мне до туалета страшно дойти ночью. Только встану, страх сковывает. Мне кажется, из темноты всякие чудовища рождаются – самые жуткие и мерзкие. Я чуть сознание не теряю. Едва владея собой, выбегаю в прихожую и как можно быстрее включаю свет. Но даже при свете сердце продолжает сильно колотиться. И чудовища не спешат исчезать.

– Мда, – сказала теперь я. – Но ты же взрослая! Неужели ты не понимаешь, что нет этих чудовищ?

– Понимаю, – вздохнула Валя. – Но в темноте сознание отключается. И бесполезно убеждать себя, что никого нет. От этого еще страшнее становится.

– Валя, – сказала я. – Чудовищ нет. Поверь мне. Я живу одна и не боюсь ночью ходить в темноте. Потому что бояться некого и нечего.

– Я бы одна не смогла.

– Еще скажи, что замуж за меня вышла, потому что боялась одна жить, – сказал Рома.

– Почему бы и нет? – заступилась я за Валю. – Разве это важно, почему она вышла за тебя замуж?

– Уже нет.

– Вот видишь, – сказала я. – А с Валею надо что-то делать. Нельзя же жить со страхами и от этого мучиться постоянно.

– Нельзя, – сказала Валя. – Но если честно, я к своим страхам уже привыкла.

Роме, видимо, надоело слушать про Валькины страхи (он про них, наверно, наизусть все уже знает).

– Я не договорил свою мысль, – сказал он. – Вам, значит, не понравилось, что Бог – женщина. Вам, я вижу, не понравилось и то, что он может быть бесполом. Так ведь?

– Так, – сказала Валя.

– Ну так слушайте меня. Хватит о страхах! Сколько можно о них? Если бы хоть польза какая-то была от этих разговоров. Так нет же никакой пользы. Поэтому слушайте меня. Разве может мужчина быть мягкосердечным и всепрощающим, каким представляют Бога? Это ведь женские качества. А если подобными качествами обладает мужчина? Кто он тогда, такой мужчина? Это не мужчина. Мужчина должен быть решительным, если надо – грубым и, если надо, – уметь отомстить. Дьявол, даже согласно сказкам, как раз и обладает таким характером. Дьявол – но не Бог. Какой вывод отсюда следует? Бог – женщина, а Дьявол – мужчина.

– А я тебе что говорила? – Сама не заметив того, я сделала еще одну попытку убедить Рому в своей правоте. – Я тебе то же самое говорила: Дьявол – это мужчина, который умеет любить.

– Ты опять? Ну, ладно. Пусть Дьявол умеет любить, как ты говоришь обычную смертную женщину. Но если он и будет ее любить, то по-мужски. Вернее, по-дьявольски. Он не будет страдать. Страдать – это не по-дьявольски. Что ты еще про него наговорила? Что ему иногда надоедает вечность, в которой он живет? Полная ерунда. Вечность никогда не может надоесть. Это нам, смертным

кажется, что она может надоест. Потому что мы не знаем, что это такое. Получается, у тебя Дьявол не такой, каким он должен быть. Выходит, ты его выдумала.

Спасибо! И ты не веришь мне! Зачем нужны твои разглагольствования о Дьяволе, если ты очевидцу не веришь? Своей старой знакомой не веришь.

– Однако мы ушли совсем в другую сторону, – сказал Рома. – Это все типично женская сентиментальность – говорить о любви. У мужчины любовь не должна стоять на первом месте. Тем более, у Дьявола. Ведь он правит миром. А если он будет думать о любви, то кто тогда будет править миром?

– Бог, – ответила Валя. – Потому что миром правит Бог, а не Дьявол.

Я вспомнила бабуся с внучкой, что приходили ко мне. Они так же, как и Рома, говорили, что миром сейчас правит Дьявол. А Бог чуть позже придет. Кто же прав? Кто же сейчас правит миром?

– Тогда почему Бог допустил твои страхи? – спросил Рома.

– Трудно править всем миром и пытаться уследить за каждым, – сказала Валя.

– Значит, он не всемогущий, раз не может уследить за каждым.

– А, может, это у меня карма такая? Может, я в прошлых жизнях своих что-то натворила? Вот и получаю за это.

– Чего? – Такого ответа Рома, видимо, не ожидал. – Ты православная или нет?

– Православная.

– Не похоже, – сказал Рома. – Если назвалась православной, то уж будь последовательной в своей вере. Или не называй себя такой. Ты хоть знаешь, что в Библии нет понятий типа «карма» или «прошлые жизни»? Это – из другой религии. Кстати, ты хоть знаешь, из какой?

– Из какой-то индийской.

– Ты читала об этом?

– Нет, об этом рассказал мне как-то – год или два назад – один паренек на улице. Он продавал книги по этой самой религии. Я поинтересовалась, что в них написано. Он меня и просветил немного. Сказал, что наши беды из прошлых жизней тянутся. Помню, я спросила его, что же нам делать, чтобы изжить их. Он ответил, что Богу надо служить – денно и ночью. Вот я и пошла в христианки. Правда, денно и ночью не служу Богу. У меня ведь семья все-таки.

– Так он про какого Бога тебе говорил? – спросил Рома.

– Как про какого? Бог-то один.

– Бог, может, и один. Но в каждой религии он – свой. Тот парень, наверно, хотел тебя в свою секту затащить. А ты в другую пошла.

– К Богу-то мы все равно одному и тому же обращаемся. Разве это имеет значение, в какую секту ходить?

– Для меня никакого значения не имеет, потому что я никуда не хожу. Но если про карму или прошлые жизни ты скажешь в православном храме, тебя никто не поддержит. Это чужие слова для христианства. И вообще, с вами, женщинами скучно говорить. И трудно. Вы все не так понимаете.

На этом наш разговор закончился. Рома вышел из комнаты. Мы с Валею остались одни.

– Не обращай на него внимания, – сказала Валя. – Ты же знаешь его. На самом деле, он не такой категоричный в суждениях. Просто сегодня с ним что-то случилось – какая-то муха укусила. А так он мягкий и уступчивый. А таким, как сегодня, он редко бывает.

– А про то, что он книги в магазинах читает, ты только сейчас узнала?

– Да уж! Я и не думала, что он интересуется всяким.

– Но почему он дома не читает?

– Некогда. Дома всегда какие-то дела находятся, особенно если ребенок есть.

– Вот поэтому он и читает в магазине. Да ты не обижайся на него – он ведь всего пятнадцать минут на это тратит.

Валя махнула рукой.

– Да хватит о Роме. Давай лучше о тебе.

– И что ты хочешь про меня узнать? У меня все, как и раньше.

Почти все.

– Я вот все хочу спросить тебя, что произошло с тобой?

– Ты о чем?

– Вроде бы красивей стала. Или мне это показалось? Мне кажется, ты раньше хуже выглядела.

– Ты забыла, как я выглядела раньше?

Валя принялась внимательно разглядывать меня.

– Нет, правда! Раньше хуже выглядела. Сейчас тебя даже красавицей можно назвать. И фигура появилась. А раньше доходягой была – косточки во все стороны торчали. Скажи, в чем дело? Что ты с собой такого сделала, что лучше выглядеть стала? Я, например, смотрю на себя в зеркало и думаю: «О Боже! Неужели это я?» Лицо – замученное-презамученное, серое какое-то. Наверно, быт заел.

– Наверно. Да не очень-то ты замученной выглядишь. Только чуть-чуть сонной.

– Это точно. Я не помню, когда высыпалась. Мне б хоть недельку отдохнуть и, я думаю, сразу стану лучше выглядеть.

– Конечно. Съездите с Ромой куда-нибудь. А с Игорешкой бабушки посидят.

– Так, наверно, и придется сделать, – согласилась Валя.

На этом разговор о моей внешности закончился, чему я была очень рада. Не хотелось мне объясняться. Ведь пришлось бы врать. С Валиной внешностью тоже разобрались – отдохнуть Вале надо, хотя бы недельку.

– Не обижайся на Рому, – сказала Валя.

– С чего ты взяла, что я обижаюсь на него?

– Упрекнул тебя, что ты умаляешь Дьявола. Придумал же! Да еще Бога женщиной назвал. Не ожидала я от него такого.

– В каждом мужчине есть женщина, а в каждой женщине – мужчина, – сказала я, сама не поняв, что сказала.

Но Валя неожиданно согласилась со мной.

– Полностью с тобой согласна, – сказала она. – Мы, женщины, должны ведь быть мягкими и уступчивыми. А разве мы не бываем решительными и мужественными, если это потребуется?

– Бываем, – согласилась я. – И Рома часто бывает мягким и уступчивым.

– Он не только мягким и уступчивым бывает. Он в душе еще очень ранимый.

– А ведь Рома – просто супермен, если посмотреть на него. И фигурой, и рассуждениями – супермен.

– Так что непонятно, кем на самом деле является Бог – мужчиной или женщиной, – резюмировала Валя. – И вообще, не стоит воспринимать Ромкины слова всерьез.

– Он – в поиске, – сказала я, снова не поняв, что хотела этим сказать.

– Все мы – в поиске, – снова согласилась со мной Валя.

Рома все еще не возвращался.

– Он, наверно, обиделся на нас, – сказала я.

– Да нет! Просто к Игорешке пошел – бедный ребенок сидит один в своей комнате и в кубики играет. Совсем забыли мы про него.

– Мне пора домой, – сказала я и засобиралась.

– Ты бы почаще заглядывала к нам. А то вечера однообразными стали. А раньше, когда в институте учились... Помнишь?

– Помню, конечно.

– Жизнь казалась сплошным праздником. Хотя учеба напряженной была. А мы и не замечали тогда этого – что все прекрасно. Думали, так и должно быть. А дальше еще лучше будет. А дальше быт начал заедать. И работа все силы выжимать. На себя времени не хватает.

Валя повздыхала еще немного, я – тоже. Хотя я, скорее, за компанию. Мне не казалось, что жизнь сейчас тяжелее стала. У меня такие события закручиваются! Не до скуки. И усталости нет. Я на себя только и трачу свободное время.

Я обулась, накинула курточку и ушла.

«И зачем я куртку взяла? – подумала я, выходя. – Июль все еще на улице, ночи – теплые».

Как оказалось позже, не зря я прихватила ее с собой.

23. Озеро

«Может, все же я выдумала Демо? – рассуждала я про себя, возвращаясь от Ромы с Валеи. – Может, его нет? Может, Рома прав? Дьявол – в моем воображении».

Я живу одна. Я – мечтательница. Я – идеалистка. Разве этого недостаточно, чтобы создать свой мир и жить в нем? Другие не захотят впускать в свой мир Дьявола. А я впустила. И впустив его, я вмиг стала счастливой. Просто не сразу поняла это счастье.

А еще в моем мире появился Алексей. Может, и он только в моем воображении? А если это так, то для чего я его выдумала? Он-то для чего нужен, этот непутевый священник?

Хотя нет! Алексея я не выдумала. Я вспомнила, как Валя говорила мне про «молоденького». Она ведь Алексея имела в виду. С кем я еще могла гулять по вечерам? Значит, он – не выдуманный. А Демо вполне может быть выдуманным. Его ведь никто, кроме меня, не видел. А к «вещественным доказательствам» в пользу существования Демо Алексей серьезно не отнесся. Выходит, Дьявол остается пока сочиненным.

А, может, я схожу с ума? Как тот китаец, что ночью превращался в бабочку, а днем снова становился человеком. И, говорят, он сам не знал, кем он был на самом деле – бабочкой или человеком. Так и со мной нечто похожее происходит. Не разделяю я реальности с Дьяволом и без него. Может быть такое? Вполне.

Или, может, главная причина всего этого в том, что я – идеалистка? Наверно, хватит мне быть такой. Жизнь-то не идеальная, и люди не идеальные. Людей идеальных вообще нет – прописная истина. Более того, даже у принцев есть недостатки. Так что пора! Пора мне что-то делать с собой. Иначе вся жизнь так пройдет, а я все буду ждать, ждать, ждать чего-то... Тоска!

Но мысли снова и снова возвращали меня к Демо. Некоторые из них говорили, что Демо реален, и реальнее ничего на свете нет. Другие, наоборот, что он – плод моего воображения. «У тебя слишком

много фантазий, – говорили эти мысли. – То ты равнодушный мир за спиной придумала, то пропасть – впереди себя. Ох, и намаялись мы с этими твоими выдумками! Теперь Демо! А мы все расхлебываем. Одним словом, проблемы любишь сочинять на пустом месте».

Я уже расстроилась было совсем, услышав такое, но тут на защиту меня встали другие мысли, те, что фантазии мои любил. У меня даже возникло подозрение, что именно они и помогали мне придумывать их. Услышат где-то что-то, принесутся ко мне и давай рассказывать наперебой. А сейчас эти мысли-фантазерки вступили в словесный бой со своими противоположностями. «Разве это плохо – иметь много фантазий? – говорили они. – Без фантазий скучно жить. Разве это не так?» Так, конечно, так.

Я незаметно дошла до дома. И мне вдруг стало так стыдно! Вот найду я в квартиру, позову Демо. Он явится, обязательно явится (разве может быть иначе?). Я дотронусь до него – он не исчезнет. С чего это вдруг ему исчезать? И мне станет стыдно! – что я сомневалась в его реальности. Он ведь есть. Вот он, передо мной. Смотрит на меня и улыбается. Я уже привыкла к его улыбке. Мне даже кажется, что дьяволы очень неплохо улыбаются. Пусть непривычно, но зато маняще. Они ведь в вечности живут. А в вечности все по-другому. Там даже улыбаются по-другому.

Я уже собралась открыть дверь подъезда, но в последний момент передумала.

Дело было даже не в том, что мне стало стыдно из-за моих сомнений по поводу Демо. Мало ли какие мысли меня посещают! Если на них на всех обращать внимание, то слишком трудно станет жить. Нет-нет, дело было не в мыслях, а в другом.

Стоял замечательный вечер – вот в чем было дело. Я только сейчас это заметила. Июль подошел к своему закату. После этого месяца самый жаркий сезон быстро идет на спад. А сейчас пока лето как лето – с теплыми вечерами. Таких вечеров затем целый год не будет. Придется зимовать в пустой квартире, и темные холодные вечера будут тянуться так долго, так утомительно... То ли вечер, то ли ночь – не поймешь. Скуотища беспросветная!

Завтра, к тому же, суббота, снова суббота! Никуда не нужно торопиться. И если ночь провести без сна, то на следующий день никто и ничто не помешает тебе всласть поспать и отоспаться. Не жизнь, а сплошное удовольствие!

Эти ночи, эти теплые июльские ночи. Они так и зовут к себе, так и манят... Прогуляться бы!..

Но где? По городку? – надоело. Да и с Алексеем я могу столкнуться. А с ним-то я как раз не хочу сегодня встречаться.

Внезапная мысль предложила мне прогуляться до озера. И не просто прогуляться, а еще и провести там ночь. Хорошая мысль! А что? Разве не идея? У нас в городке есть чудесное озеро, а я этим летом была там лишь раз или два и то днем, чтобы искупаться и позагорать. А ночное озеро я никогда не видела. Какое упущение!

Вот только далеко оно находится. До него нужно топать и топать, пока ноги не устанут. Но разве это проблема? Ну, неужели это меня остановит? Нет, конечно.

Сначала я долго брела до заброшенного парка. Наконец добрела. Когда-то он был таким красивым. До позднего вечера галдела в нем детвора. А сейчас? – сломанные качели, карусели, навсегда застывшее колесо обозрения, поросшие травой клумбы. Грустно, грустно на все это смотреть.

Какой он унылый сейчас! Днем хоть несколько ребятишек здесь бегают, на сломанных качелях как-то катаются. А вечером почти никого не остается. Может, только бездомные собаки. Но сейчас даже их нет. Только деревья, разросшиеся кусты, покореженный ржавый металл бывших аттракционов и сумерки. Брр, немного жутковато даже.

Я невольно вздрогнула. Мне действительно стало страшно. «А Валька бы вообще оцепенела от ужаса, – подумала я. – Не стоит ей сюда ходить. Но она и не ходит. Она – не я. И что это вдруг взбрело мне в голову идти в даль непонятную на ночь глядя!»

Мой первоначальный пыл – идти на озеро – немного остыл. Но я, все равно, продолжала шагать по заросшей дикой травой дорожке. Вперед – к ночной цели.

«Этот парк – хорошая обстановочка для страшной сказочки, – почему-то подумалось мне. – Никого здесь нет, и все сломано. Именно в подобных местах разворачивается что-нибудь сверхъестественное. Ой-ей-ей! Быстрее отсюда!» Мне стало еще страшней.

Я прибавила шаг. И ради чего я устремилась на такой жуткий подвиг – пересекать пустынный парк? Как ради чего? Ради озера. А оно мне на что? Что я на нем буду делать? Что вообще на нем можно делать ночью? И как обратно возвращаться? Опять через этот же парк? На обратном пути здесь точно призраки встретятся. О, ужас!

Я пошла еще быстрее. Быстрее, быстрее, подальше от этого места.

А, может, все же вернуться? «Уже поздно!» – хором зашумели все мысли сразу. Им, видимо, тоже стало страшно. Они ведь, по сути, – часть меня. Им за себя страшно, а значит, и за меня.

Я прислушалась к мыслям. Действительно, возвращаться не стоит. Я почти весь парк прошла, а если решу прямо сейчас вернуться домой, то обязательно встречу призраков. Так что лучше не возвращаться.

Я почти побежала.

«Уф!» – вырвалось из меня, когда я, наконец, выбежала из парка. Назад – ни за что! Только после рассвета.

Но впереди меня ждали еще кое-какие испытания. Сразу же за парком начинался пустырь, большой и совсем пустой. Даже трава на нем не росла. Мне снова стало страшно. Почему даже трава здесь не растет? Что-то неладное, наверно, творится в этих краях! Наверно, в полночь здесь что-то происходит.

Пока не полночь. Но все равно страшно. Бежать, надо бежать! И какая это сила заставила меня идти через все это?

Бежать пришлось долго. Наверно, даже очень долго. Потому что пустырь был огромным. «И почему такое обширное пространство вдруг пустое? – подумала я. – Хоть бы дома здесь понастроили. Люди бы в них жили. А главное, место-то неплохое. Озеро рядом. И деревья выкорчевывать не надо. Строй да строй дома».

Из меня снова вырвалось «Уф!» – я благополучно прошла и через пустырь. Может, оглянуться?

«Это еще зачем?! – снова возмутились все мысли разом. – Не надо оглядываться. Вперед надо идти». И что они так гонят меня к озеру? Еще непонятно, что меня там ожидает! Мне стало совсем страшно. «Ага! – сказала какая-то мысль. – Вот так, наверно, чувствует себя Валя, когда ночью встает. Хм... Надо с этим что-то делать!» – «С чем? – спросила я. – С чем надо что-то делать?» – «Со страхом твоим, разве не понятно?».

Ну что сейчас можно сделать с моим страхом? Легко сказать, нужно что-то сделать. А вот что? Что, собственно говоря, нужно сделать? «К бабке сходить», – посоветовала одна мысль. Они еще и шутят! Мои мысли изволят шутить в такой ситуации. Значит, не все потеряно!

Конечно, не все потеряно. Потому что мне осталось пройти лишь через реденький лесок – и все. Дальше – озеро.

Уж этот лесок я быстро пробегу. Он ведь небольшой.

И я пробежала его. Пару раз мне померещилось что-то. Но я старалась не придавать этому значения. «Мало ли что может

показаться со страху!» – вот такими мыслями успокаивала я себя, пока бежала.

Я выскочила из леса и оказалась на возвышенности. Все испытания позади. Моему взору открылось озеро.

О, Боже! Какая красота! Я замерла от вида пламенеющего неба.

Закат на озере! Лучшее вряд ли можно придумать – прямо сейчас, после бега, когда дыхание еще не успокоилось. И не нужно ничего придумывать! Потому что лучше заката на вечернем озере ничего и быть не может! Когда горит небо, горит озеро – самыми невообразимыми красками.

Я, наконец, отвела взгляд от горящего великолепия и посмотрела на берег.

Он не был безлюдным! Меня это поразило. Оказывается, я не одна такая, со странным желанием шастать по озеру ночью.

Кто-то собирал ветки для костра, кто-то устанавливал палатки – это уже серьезно! Значит, эти люди собирались провести здесь ночь – как и я?

Я спустилась к озеру. Берег был песчаным, а возле самой воды местами рос камыш. Я снова посмотрела на заходящее солнце – от него остался небольшой краешек. Нужно бы сказать ему «До свидания!». Я так и сделала. И помахала рукой.

А еще на берегу было тихо. И это несмотря на то, что на нем гостило много людей! Лишь легкий плеск волн и приглушенные разговоры.

Одним словом, гармония. Таящий закат завораживал. Тишина успокаивала. А озеро выглядело точно невеста перед первой ночью любви – мерцало розовыми бликами. Легкие волны наносили на него чуть заметный волшебный лоск.

Я сняла кроссовки и ступила на податливый песчаный ковер. Закат догорал, стремительно уменьшался алый леденец солнца. Вечерняя сказка заканчивалась, на смену приходила ночная. Что же она приготовила?

Я стала думать, почему это я раньше не приходила на наше замечательное озеро вечером или ночью. Ведь это, несомненно, романтично, особенно если с тобой дружная теплая компания. Разложить ветки для костра и торжественно зажечь костер. И все это – под россыпью звезд. А затем сварить кашу. Говорят, все приготовленное на костре необыкновенно вкусное. И каша, наверно, тоже. Вообще-то каши я не люблю. Но сваренную на костре, я, наверно бы, съела. И с аппетитом. И даже тарелку бы облизала. А затем вся компания начнет неспешно беседовать. Кто о чем, кто о чем

хочет. И будет очень душевно. Кто-то захочет искупаться – пожалуйста, рядом озеро. Бултых – и плыви в теплой воде. Она ведь будет теплой после жаркого дня? А затем выныривай и беги обратно. И со всего размаху прыгай прямо в костер. И уютно усаживайся на нем. Это даже не я придумала. Не я же одна – выдумщица. Я выдумала своего Дьявола, а кто-то выдумывает, что можно сесть прямо на костер и при этом совсем не обжечься. А что? Я в это верю. Сейчас я во что угодно готова поверить.

Всю ночь – костер, накатывающийся шум волн, лунная дорожка на озере, песни под гитару – про нее я чуть не забыла, про гитару. Как без нее-то?

Жаль, я раньше не додумалась до этого – собрать всех друзей, какие у меня есть, и отправится вместе на озеро. Ничего, ничего! Лето еще не закончилось. Еще можно наверстать упущенное.

Я подошла к самому озеру. Больше меня ничто не пугало, ведь вокруг столько людей! Ни один призрак сюда близко не подойдет. Призраки боятся скопления народа.

Солнце закатилось за горизонт освещать другую половину планеты, оставив ту, на которой находилась я, отдыхать от света и суеты. В первую очередь, от суеты. Я села на песок, волны плескались у самых ног. Я задумалась о суете – от нее трудно спрятаться. Даже находясь дома и отгородившись, вроде бы, от внешнего мира, я, как ни странно, никогда не чувствовала себя полностью свободной от нее. Стены в моей квартире пропускают все звуки. По ночам я слышу, как храпит старый сосед. Так громко, что мне приходится зарывать голову под подушку, чтобы заснуть. И другие звуки доносятся до меня, до самой глубокой ночи. Не может быть погружения во вселенский покой в наших домах. Только – вне, далеко от всех и всего.

Заполыхали первые костры. Кто-то запел под гитару знакомую песню, хорошо так запел. Я поняла, покой – понятие многогранное. Это не только тишина и безлюдность. Покой – это и мокрое дыхание волн, тихая песня, согревающий огонь костра, ночное небо. Разве это не покой? Еще какой!

Ко мне подошел молодой человек и предложил присоединиться к их компании. Я поблагодарила его и обещала подойти позже.

Паренек ушел. А я осталась сидеть на краю берега. Мне хотелось побыть одной, пока хотелось побыть одной.

Я сидела и смотрела на лунную дорожку, качающуюся на невысоких волнах. И незаметно погрузилась в состояние умиротворения. Суета жизни стала далекой и почти нереальной. Реальными были только покой, берег, озеро, лунная дорожка и черная

бездна над головой. И люди, что пришли сюда. Они стали вдруг такими милыми и родными.

Немного похолодало. Я застегнула курточку. Ах, вот почему я прихватила ее с собой! Оказывается, я знала, что отправлюсь на озеро. А у воды всегда прохладнее. Наверно, позже я продрогну еще сильнее. И вот тогда я присоединюсь к той компании, куда пригласил меня паренек. Там костер, там тепло, там я согреюсь. А пока мне не очень холодно. И хочется побыть одной. Подумать о чем-нибудь. Уж очень хороша ночь.

Я подняла голову – вселенная оголилась предо мной. Мерцали далекие светила. Они такие неподвижные, эти звезды в безмолвии.

Но это только кажется. Вселенная не безмолвная! Она сама рассказала мне об этом. Она жарко шептала мне, что звезды летают, очень быстро летают. Быстрее всех на свете. Это только кажется, что они неподвижные, потому что слишком далеки от нас.

Я легла на песок и стала смотреть вверх. Чем-то похоже это небо на пропасть, которая появлялась, когда в спину бесцеремонно давил равнодушный мир.

«Так чем похоже это небо на пропасть?» – спросила тихо приземлившаяся мысль. «Наверно тем, что оно такое же манящее», – ответила я.

Я не заметила, как оказалась в черной бездне. Смотрела, смотрела в небо и вдруг оказалась в окружении звезд!

Все же вселенная безмолвная, а звезды – неподвижные! Она так противоречива, эта вечность. «Вселенная лишь минутка в вечности, а не сама вечность, – шепнула откуда-то взявшаяся мысль. – А вечность – это...» – «Вселенная – минутка? – переспросила я. – Так, значит, время имеет протяженность? И вселенная имеет протяженность в вечности? А Демо говорил...» – «Это для Дьявола время не имеет протяженности, потому что он – в вечности. Но ты же не Дьявол. Для тебя все по-другому происходит».

Пусть будет так. Я – не Дьявол. И для меня вселенная кажется вечностью. Мне и минутка под названием «вселенная» кажется вечностью. А звезды – неподвижными.

Да! Звезды неподвижные! Я еще раз говорю это. Я повторяю – звезды неподвижные. Вы не верите?

Я старалась лететь как можно быстрее. Только б умчаться от этой неподвижности звезд, от этой невыносимой неподвижности звезд! Только б не оглохнуть в абсолютном безмолвии. Я крикнула – это невозможно было сделать. Это было так же невозможно, как

улететь от неподвижных звезд. Звуки тонули. Они тонули, не успев вырваться из губ.

И это была вселенная! Такой она предстала мне. И от нее невозможно было спрятаться. Я оказалась совершенно беспомощной в этом бесконечном, безмолвном мире.

Но надо было что-то делать! Опять, опять надо было что-то делать! Что?

И я придумала! Я ведь уже покоряла вечность. Правда, чуть-чуть. Но покоряла! Все очень просто. Нужно придумать крик. И все. Тот крик, который поможет мне. Только быстрее, это нужно сделать как можно быстрее.

И я крикнула. Я смогла это сделать! И этого оказалось достаточно. Я очнулась.

Оказывается, я спала. Никуда я не погрузалась, я просто уснула. Время-то позднее, и я не смогла противиться сну. Красивым, однако, оказался он. Но страшноватым. «Ничего, в следующий раз я буду смелее!» – подумала я и удивилась себе.

Я вдруг вспомнила, что испытывала нечто подобное несколько лет назад.

24. Воспоминания

Под общим наркозом мне удалили аппендикс. Операция прошла нормально, и вскоре меня выписали из местной больницы. Но через несколько дней со мной произошло нечто необычное.

Я тогда училась в институте и жила в общежитии. Соседкой по комнате как раз была Валя. Но ее в тот день не было – куда-то уехала. Я находилась в комнате одна.

Наступила ночь. Я легла спать. Но мне не спалось. Мысли крутились одна за другой. Они так настойчиво жужжали и летали по запутанному кругу, что не до сна было. Вроде бы обдумала уже мысль, а она, повертевшись в каком-то лабиринте, вдруг снова возвращалась ко мне. Часто эти мысли были ни о чем, и они были так похожи на назойливых мух! И непонятно, как от них избавиться – особенно когда засыпаешь.

Но затем все же мысли потихоньку уgomонились, наверно, потому что я стала засыпать.

Наступило расслабление. Но я еще не спала, я только погружалась в сон.

И вот как раз в это время я вдруг увидела звезды. Конечно, они были не настоящими. Конечно, они были какими-то другими. Какими угодно, но только не настоящими. Даже, погружаясь в сон, я поняла это.

Но откуда они? Раньше звезды не появлялись в моем засыпающем воображении. Более того, они даже во снах моих не возникали. А тут вот внезапно вспыхнули! Я их увидела так отчетливо! И они были так похожи на реальные звезды. Я даже засомневалась на секунду – а вдруг они все же настоящие?

Сначала было несколько звездочек – маленьких таких, невзрачных, почти незаметных... Затем их стало больше. Засияла горстка, а потом и целый поток звезд. Целый поток звезд! Вы только вдумайтесь – целый поток! В том-то и дело, что, оказывается, бывает еще и звездный поток. А я раньше об этом и не знала.

Дальше было больше. Такого я совсем не ожидала! Я вдруг поняла, что могу управлять этим потоком! Невероятно, но я могу управлять потоком, а значит, и звездами! Вот тогда-то я впервые почувствовала, что такое всемогущество. Я еще до Демо знала, что это такое.

Звезды оказались такими послушными! Они чувствовали каждую мою мысль, каждое мое желание. И немедленно все исполняли! Исполняли все, чего бы я ни захотела! Они улавливали даже самые смутные мои желания, даже те желания, о которых я не догадывалась. Они улавливали все мои звездные желания.

Я захотела, чтобы звезды извергались фейерверком. И они стали извергаться фейерверком! Им совсем не трудно было это делать! Какие это были фейерверки! Невероятные, невообразимые...

Не успевала я представить очередную картину, как она оживала – с легкостью. Звезды все делали с легкостью, просто непередаваемой легкостью, и беспрекословно слушались меня.

Затем они закружились в неземном хороводе. И снова им управляла я – свободно, без усилий. Мне даже не надо было напрягать мысль. Все происходило само собой. Каждое сказочное действие происходило само собой.

Все было странно и легко. И, конечно, красиво, очень красиво. Звезды не могут быть не красивыми. Особенно когда они такие уступчивые...

Я не заметила, как заснула. Наверно, звездная феерия отняла у меня последние силы.

Говорят, сны, особенно те, что снятся при засыпании, забываются. Но мой сон не забылся! Может, потому что это был все же не сон?

Когда я проснулась, я сразу же вспомнила, что ночью видела звезды. Их было очень много. И я делала с ними что хотела. Что на ум приходило, то и делала с ними.

Но когда я проснулась, я также поняла, я почувствовала, что мир изменился. Он стал таким нереальным! Все вокруг стало таким нереальным!

Я посмотрела на руки – они были нереальными. Посмотрела на ноги – они тоже были нереальными. Я огляделась – все, абсолютно все вокруг было нереальным.

И лишь во рту стоял очень реальный привкус ушедшей сказки.

К счастью, это состояние длилось недолго, лишь несколько минут. Затем чувство нереальности ушло. А я вновь вернулась к

своему привычному состоянию. Но память осталась – о том, что произошло со мной. И какое-то время беспокоила меня.

Позже, спустя месяц, я встретила соседку по больничной палате. Это была женщина средних лет. Я рассказала ей о том, что испытала. Она внимательно выслушала меня. За свою жизнь она перенесла несколько операций. И, по ее словам, нечто подобное с ней тоже случалось, тоже после операций. Звездами она не управляла, но не в этом суть. «Вероятно, это последствия наркоза», – успокоила она меня.

Ну что ж, последствия – так последствия.

После я забыла обо всем том.

Но сейчас вспомнила – хоровод звезд, волшебную феерию... Все было так легко тогда. А только что – по-другому. Только что я испытала совсем другое. Я не правила звездным балом. Напротив, звезды показали мне мое бессилие. Я даже не смогла улететь от них! Когда-то я управляла ими, а сегодня они управляли мной. Видите, как бывает. Какими разными, оказывается, бывают звезды!

Тихо шуршали волны, накатываясь на берег. По-прежнему сияли звезды в небе. Но я уже не смотрела на них. А то, чего доброго, опять увлекут меня в свою бездну. Не верю я этим безднам. Что та пропасть, являвшаяся мне, что черное небо, полное звезд – все они так манят, что просто сил нет устоять против их притяжения. А на деле они обманчивы. Как только ступишь в них – хоть на полшага – сразу же начинаешь понимать, что они обманывают тебя. Всегда обманывают. Они не могут не обманывать. Такова уж суть этих бездн и пропастей. И заманивают они, чтобы обмануть. С ними ухо нужно держать востро, а чувства – в узде. Редко, очень редко они позволяют управлять собой, например, после оставшегося в прошлом наркоза. А так они такие, какими должны быть. Лучше не связываться с ними лишней раз.

Я вспомнила одного человека. Потянуло же меня на воспоминания! Мне казалось, я забыла его, а нет – сегодня вспомнила. Такая уж эта вещь, память – иногда выдает то, что, казалось бы, очень далеко запрятано. Стоило мне лечь на песок возле озера и посмотреть в самую глубину неба, как – на тебе, вспомни давно минувшее! И это давно минувшее оживает, словно только что произошло.

Звали его Александром. Он был моим ровесником – восемнадцать лет, ну может, чуть больше. Но, несмотря на свою молодость, он жил прошлым – потому что там были наркотики.

Когда я познакомилась с ним, он, хоть и не принимал уже наркотики, но продолжал находиться в их плену. Бывает такое.

– Они не нужны мне сейчас, – говорил он. – Я уже получил от них то, что мне нужно было.

– Как ты мог знать, что тебе нужно от них? – Я была крайне удивлена услышанным.

– Когда я начинал принимать их, я еще не понимал этого. Я был школьником и почти ничего не знал о наркотиках. Это взрослые предложили мне попробовать их. Я не стал отказываться – тем более, взрослые обещали, что наркотики подарят мне нечто очень-очень приятное. «Ты хотел, маленьким, оказаться в сказке?» – спросили они меня. Я ответил, что да. А кто из нас не хотел хоть раз в жизни оказаться в самой настоящей сказке? «Твоя мечта может исполниться прямо сейчас, – сказали они. – Для этого достаточно принять вот это».

Я хоть и был уже подростком, но все еще верил взрослым, прямо как ребенок. И на этот раз я им поверил, что они хотят мне помочь попасть в сказку.

Взрослые, как всегда, оказались правы. Наркотики подарили мне сказку. И не одну, а много. После этого я уже не мог отказаться от наркотиков. От сказок трудно отказываться – в любом возрасте.

Так я узнал, что такое яркий мир. И понял, что мне нужно. Именно через наркотики я понял, что мне нужен яркий мир. В котором хорошо, очень хорошо. Так хорошо, что лучшее придумать почти невозможно. И в этом ярком мире много других миров. Каждый раз, принимая наркотики, я попадал в новый. Они были разными. И все они были прекрасны. А ты знаешь, что такое миры?

Я помотала головой. Я не знала, о каких таких мирах он говорит. Я вообще с трудом понимала, о чем он говорит.

– Миры – это состояния. А состояния – это миры, – сказал он.

Понятно! Понятно, что ничего не понятно. По-прежнему, ничего не понятно.

– Так я начал жить в своих состояниях, – продолжал Александр. – Я и сейчас в них живу. Но сейчас я могу входить в них сам, без помощи наркотиков. Ты представляешь, что такое жизнь в состояниях?

Я снова помотала головой. Я определенно не понимала, что представляют собой эти состояния. И, тем более, не представляла, что значит жить в этих самых состояниях. Просто бред какой-то! Все, о чем говорил Александр, мне казалось бредом.

– Понимаешь... – Александр заволновался. – Как бы тебе объяснить это... – На его лице появилась страдальческое выражение. Он помолчал немного, а потом вдруг горько воскликнул: – Как мало слов у нас! Наш язык беден. Я не смогу, используя его, объяснить

тебе, что такое состояние. Я не смогу описать тебе ни одно состояние. И я совсем не смогу рассказать тебе, что такое жизнь в состояниях.

Александр ткнул себя в лоб большим и указательным пальцами правой руки. Он думал, он пытался найти в бедной кладовой нашего языка хоть какие-то слова, нужные слова. Ох, как трудно ему было!

Сначала он держал пальцы на лбу неподвижно. Затем начал тереть ими лоб. Затем всей ладонью – одним сильным движением – прочесал всю голову. Он был в напряжении – это было видно, я это чувствовала.

«Неужели наш язык действительно беден?» – впервые подумала я.

– Состояния – это как бы чувства, – наконец сказал Александр. – Но это не те чувства, которые испытывает обычный человек. – Он снова провел ладонью по голове. – Это особые чувства, неземные. А жизнь в состояниях – это жизнь в этих чувствах. Как убого! Как убого это звучит! – На лице Александра снова появилось страдальческое выражение. Он помолчал немного, а затем продолжил говорить на убогом языке. – Я испытываю эти состояния, я живу в них – и чувствую себя избранным. Когда я говорю кому-то о них, меня не понимают. И, знаешь, почему?

Александр посмотрел на меня. Я посмотрела на него. Я впервые обратила внимание на то, что глаза-то у него – мутные. Зеленые и мутные. «Как такими глазами он может видеть яркий мир?» – почему-то подумала я.

Александр смотрел на меня некоторое время. А потом ответил на свой же вопрос. Он, наверно, думал, что я отвечу. А я не стала отвечать. Потому что не знала ответов ни один из его вопросов.

– Потому что все – ниже меня, – сказал он. – А я – избранный. Я чувствую то, что недоступно другим.

– Но почему ты говоришь об этом мне? – спросила я. – Я ведь тоже обычная. Я – как все.

– Это тебе только кажется, что ты обычная. Ты не обычная. Ты просто не знаешь об этом. Я чувствую, что ты избранная.

– Но я не принимаю наркотиков.

– И не надо. Тебе не надо.

– Почему? Может, они тоже подарят мне яркий мир?

Александр посмотрел куда-то в сторону, затем на меня. И сказал:

– Я еще не рассказал тебе, что происходило со мной дальше, после того, как заканчивалось действие наркотиков.

Александр снова посмотрел в сторону, затем снова на меня. И после этого продолжил:

– Когда закончилось действие самого первого наркотика, я вернулся в прежний мир. Это оказалось испытанием! Я вдруг заметил – впервые! – что тот мир, в котором я жил всегда, с самого рождения, ужасен. Я не знал этого раньше. Я не знал, что мир, в котором я живу, – серый и мерзкий.

С тех пор он стал противен мне. С тех пор я перестал хотеть жить в нем. С тех пор я всегда хотел вернуться в яркие, красочные состояния, которые появлялись, когда я принимал наркотики. Именно благодаря наркотикам я понял, что мой настоящий дом – не этот серый, убогий и мерзкий мир. – Александр описал рукой небольшую дугу и слегка окинул взглядом то место, где мы стояли, таким образом, показывая, о каком мире он говорит. – Мой настоящий дом – там, в тех ярких состояниях. И я хочу вернуться туда. Потому что там мой дом. Понимаешь?

Я, конечно же, по-прежнему ничего не понимала. И почему он решил, что я необычная?

– Все это я понял уже после первого приема, – продолжал Александр. – Поэтому я принял наркотик во второй раз – я хотел вернуться в свой дом. Я ни минуты не хотел оставаться в этом пустом, ненавистном мне мире.

Закончилось действие второго наркотика, и мне еще сильнее захотелось вернуться в свой дом. И я снова погрузился в необычный мир. Он был уже другим, не таким, как прежние два. Но он тоже был прекрасным, не менее прекрасным. И в нем я был не менее счастлив, чем в предыдущих. Я снова вернулся в свой дом и снова забыл, что где-то, за пределами наркотиков, есть другой мир – отвратительный, блеклый.

И все же я снова вернулся в этот ужасный мир. Я вынужден был вернуться. Потому что действие наркотиков не вечно, оно когда-нибудь заканчивается. Я снова вернулся в обычный мир, и он показался мне еще более тошнотворным, чем раньше. Он был нереальным. Реальными были только мои миры-состояния. И поэтому я снова погружался в них. А когда заканчивалось действие очередного наркотика, меня снова жестоко сбрасывали в этот невыносимый мир. Сбрасывали как ненужный хлам.

Но я снова хотел вернуться туда! И поэтому я снова принимал наркотики. И снова в каждую мою клеточку проникал прелестный мир.

Но мои посещения тех миров не проходили безнаказанно. Я за это платил, и не только деньгами.

Но знаешь, что оказалось самым ужасным? Мои миры стали тускнеть. С каждым разом я попадал во все более тусклые миры. Это было жестоко!

Наконец, они стали такими же серыми, как и наш мир. Это было невыносимо. Я принимал наркотики и попадал в серые миры! Что могло быть хуже?

Но наркотики овладели мной. Я не мог их не принимать. Я не знал, как спастись. Я не хотел жить!

– Но что же спасло тебя? Ты ведь спасся? – спросила я. – Раз ты стоишь рядом со мной, значит, спасся как-то?

– Все произошло безболезненно, как ни странно. Я вернулся домой и перестал принимать наркотики. Все лето я отдыхал у бабушки, в другом городе. По старости она не замечала каких-либо изменений во мне. И я безнаказанно тратил деньги, которые родители дали мне с собой на летний отдых. Тратил их на наркотики. Я не покупал себе ничего из того, что могло бы радовать обычного подростка – ни мороженое, ни жвачки. Я не тратил их на качели-карусели... Я тратил их на наркотики.

Но лето закончилось. Закончились и мои деньги, которые щедро отсыпали мне родители. Они хотели, чтобы я хорошо отдохнул и покупал себе все, что хотел.

Я вернулся домой и забыл о наркотиках. Да-да, все так и произошло. Может, они были из того разряда, которые не вызывают сильной зависимости? В то время я не интересовался, какими бывают наркотики, и какие из них я принимал.

– Но ты ведь до сих пор помнишь о тех мирах.

– Их невозможно забыть. Я думаю, они божественны. Только попадающие к Богу могут жить там всегда. А те, кто принимает наркотики, грубо вторгаются в них. И их оттуда сбрасывают, жестоко наказав. Путь к Богу не должен быть коротким и бесцеремонным.

– То есть ты считаешь себя бесцеремонным вторженцем в божественные миры? Но в то же время ты говоришь, что они и есть твой дом.

– Мир Бога и есть наш родной дом. И все мы стремимся в него вернуться – просто не знаем об этом. Это заложено в нас. Это в нашей душе.

Вот такой был Александр – слишком влюбленный в свои яркие миры. Только о них он мне и говорил. Он был очень ограниченным, но

в то же время тонким и впечатлительным человеком. С какой-то искрой. Но какой? – божьей ли?

– Какие они, эти миры? – допытывалась я у Александра. Он все-таки зажег меня. Я заинтересовалась его состояниями.

– Я же говорил тебе, их невозможно описать словами. Чтобы их понять, нужно их испытать. Любые слова бессильны. Они способны создать лишь жалкое подобие тех состояний. Хотя, я думаю, когда-нибудь будет найден особый язык, который поможет точно описать все состояния, даже воспроизвести их.

Почему бы и нет? Может, и будет найден такой язык. Не язык, а мечта любого поэта!

– Но такого языка пока нет, – сказала я. – Расскажи о тех мирах хотя бы убого.

– Попробую. Убого, так убого. – Александр даже попытался улыбнуться.

Кстати, я еще не сказала – Александр почти никогда не улыбался. На его лице время от времени возникала страдальческая гримаса. Иногда она становилась слабой, почти не заметной. И иногда – очень даже выразительной. Но обычно его лицо вообще ничего не выражало.

– Например, в одном из миров постоянно идет дождь. Приятный, теплый дождь. Я стою под ним, и мне невероятно хорошо. Где-то рядом – маленький домик. Он тоже мокнет под дождем. Я не вижу его. Но я знаю, что он есть – где-то там, сбоку. Если я повернусь, то увижу его.

– Но почему ты не поворачиваешься?

– Понимаешь, мне настолько хорошо, что я совсем не хочу поворачиваться. Я не в силах это сделать. Мне настолько хорошо, что я не в силах повернуться. Ты понимаешь меня? Но я подружился с этим домиком. В нем никто не живет. Только иногда залетает в него ветер и тихо стонет и звенит стеклами. Я могу находиться в этом мире вечно.

«Так-так, – подумала я, ненадолго оторвавшись от воспоминаний. – Значит, Александр тоже говорил про какой-то домик и вечность. Прямо магия какая-то в этих словах – «домик» и «вечность»! И Дьявол твердит об этом, и Александр».

– Я все-таки не понимаю, в чем же твои состояния? – Я снова вернулась к своим воспоминаниям. – Что можно испытывать, постоянно находясь под дождем?

– А это как раз то, что совсем невозможно выразить словами. Этот мир, в котором дождь и дождь, и есть мое состояние. Мое состояние также и то, что я испытываю, находясь в этом мире.

– Еще какие состояния у тебя бывают?

– Например, я общаюсь с вещами. Это еще одно мое состояние – когда я общаюсь с вещами.

– Что? Прости... Но ведь это явный признак пошатнувшегося сознания!

– Это не так. Вернее, другие, наверно, и сочли бы меня сумасшедшим, если бы узнали об этом моем состоянии. Но я действительно разговариваю с вещами.

– И как же это происходит?

– Сначала все обычно. Я самым обычным образом вижу и воспринимаю мир. Но затем... Затем что-то происходит. Я вдруг обращаю внимание на какую-то вещь. Это может быть, например чашка, обыкновенная чашка. Она замечает, что я смотрю на нее, и очень радуется этому. А затем мы начинаем общаться. Все вещи – они такие чуткие, и очень радуются, когда на них бросают хотя бы беглый взгляд.

– Ужас! – воскликнула я. – Я бы точно не выдержала и упала в обморок, если бы кто-то (уже язык не поворачивается говорить “что-то”) из вещей мне хоть слово сказал.

– Я тоже испугался в первый раз, очень сильно испугался. Так испугался, что даже покрылся холодным потом. Но затем привык. Теперь мне даже нравится беседовать с вещами. Но слова не нужны в таком общении. Все происходит на другом, гораздо более высоком уровне. И еще! Когда вещи разговаривают, они становятся такими живыми. Самыми живыми.

Уж нет! Какими бы вещи не были живыми, общаться с ними я не хочу! Не хочу и точка.

– У меня много миров, – сказал Александр. – И мне никогда не бывает скучно, потому что я живу в них. Теперь я умею попадать в них без наркотиков.

– Я бы тоже хотела, – слетело у меня с языка.

– Чего?

– Жить в ярком мире.

– Но ты же не поняла мои миры! Ты только и делала, что удивлялась: «И это ты называешь ярким миром? Разве может быть хорошо в таком мире?»

– Ну и что, – невозмутимо сказала я. – Я бы сочинила свои миры. И наркотики для этого мне не нужны! Кстати! – Я внимательно

посмотрела на Александра. – Ты сказал, что теперь тыходишь в свои состояния без наркотиков. Это правда?

– Да, – ответил Александр и вздохнул. – Хотя моя способность погружаться в них постепенно утрачивается. – Он снова вздохнул. А через секунду вдруг резко изменился. Его глаза обезумели, тело напряглось: – Знаешь, мне иногда хочется наркотиков. Возникает такое состояние, когда очень хочется наркотиков! Это еще одно мое состояние – когда очень сильно хочется наркотиков!

Мне стало все труднее и труднее общаться с ним. Все разговоры он переводил на рассказ о своих состояниях и о том, что он хочет вернуться в свой дом. Если сначала мне было интересно узнавать про его миры, то со временем монологи о них стали невыносимо скучными. Иногда мне казалось, что речь Александра похожа на бессвязный лепет сумасшедшего. И я перестала встречаться с ним.

Примерно год спустя я случайно увидела его.

В его глазах не было слез, но он плакал.

– Почему ты ушла, тогда?

– Потому что... – Я не знала, что ответить. Сказать правду? Но зачем? Правда не всегда бывает уместной.

Александр опустил голову. Но затем поднял ее и, издевательски усмехнувшись, произнес:

– А ты мне, впрочем, и не нужна. Потому что ты появляешься в моих состояниях. В них ты прекрасна – прекраснее, чем в этом тусклом мире. – Александр сделал уже знакомый жест рукой, описав ею небольшую дугу. – Ты всегда смеешься – звонко и весело. Я тебе говорю что-то, и ты смеешься – потому что тебе хорошо со мной. Но ты такая только в моих состояниях. А здесь, в этом сером мире ты гадкая. Ты думаешь, ты хорошая? А ты гадкая!

Александр с отвращением посмотрел на меня. Он ненавидел меня.

Я случайно опустила взгляд и увидела исколотые вены на его руках. Он даже не прятал их под рукавами.

– Ты снова вернулся к наркотикам?

Его губы расплзлись в бессмысленной улыбке:

– Мне нужно было вернуть тебя. И ты вернулась.

Это была наша последняя встреча. Больше я его не видела. Лишь позже узнала, что он переехал в другой город.

Я сидела на коленях и легонько водила по воде рукой. Маленькие волны накатывались на нее.

Мне стало грустно от воспоминаний. Где сейчас Александр? Что с ним происходит?

«Но почему я вдруг вспомнила о нем? – удивилась я. – Почти забыла его и вдруг вспомнила».

Звезды... Ах, звезды! Это же они, они всколыхнули мои воспоминания.

Я вспомнила, что фантастический хоровод был у меня как раз в то время, когда я общалась с Александром.

– Теперь ты поняла, что такое состояние? – спросил он меня, когда я рассказала ему о произошедшем со мной.

– Ты хочешь сказать, что звездная феерия была состоянием?

– Конечно. – На лице Александра появилась так редко посещающая его улыбка. – Тебе ведь было хорошо?

– Да, – ответила я неуверенно. – Было хорошо и необычно.

– А наутро ты испытала чувство нереальности?

– Да, – удивленно ответила я. – Но откуда ты знаешь про это? (Про состояние нереальности я ему не рассказывала).

– Знаю, – ответил он.

– Но это состояние длилось у меня недолго, – поторопилась добавить я.

– А у меня долго.

«Может, и сейчас я испытала какое-то состояние – когда погрузилась в звезды? – подумала я. – Но ведь я не принимала наркотиков, и под наркозом была давно – еще тогда, при Александре. Как же тогда могло спонтанно возникнуть это состояние?»

Наверно, это ночь, плеск волн, мерцание звезд, лунная дорожка на водной глади... Это они ввели меня в состояние вселенского покоя и незаметно погрузили в бездну. Все-таки хорошо на озере ночью!

Я продолжала сидеть на коленях и водить рукой по воде. Затем случайно оглянулась и увидела Демо.

– Ты здесь? – только это и смогла произнести я. Он молча кивнул.

Он разжег костер, совсем как обыкновенный человек. Набрал сухих веток, попросил у кого-то спички и зажег костер. Было тепло и спокойно. Мы сидели и молча смотрели на огонь. Ночная сказка продолжалась.

Подошел паренек, который недавно приглашал меня присоединиться к его компании. Увидев, что я уже не одна, деликатно повернулся и ушел.

– Скажи, вечность так же прекрасна, как эта ночь? – спросила я Демо.

– Наверно.

– Ты любишь звезды?

– Да. Особенно люблю смотреть на них по ночам, сидя на крылечке избушки.

– А звезды над избушкой какие?

– Настоящие. В мире, где полянка с избушкой, только вечность сочиненная. А все остальное там – настоящее.

– А сочиненная вечность разве не настоящая?

– Тоже настоящая.

– Перед тем, как ты явился сюда, я увидела звезды. Они были слишком неподвижными. Я хотела улететь от них, но не смогла. Я была бессильной.

– Звезды тоже бывают бессильными. Не только ты.

– Но я хочу стать сильнее звезд!

И зачем я такое сказала? Была ведь я однажды сильнее звезд – и достаточно.

– Но для этого нужна вечность.

Опять вечность! Везде-то она нужна.

– Я готова к вечности, лишь бы стать сильнее звезд.

– Зачем это тебе?

– Я хочу всемогущества.

– Вот оно, бери, – спокойно ответил Демо.

Наверно, это был все же сон.

Затем я проснулась. Но не на берегу озера, а у себя дома, на диване. Было утро. А в вазочке стоял свежий букет лесных цветов.

25. Вместе

Я сидела на крылечке. Рядом сидел Дьявол. Было очень хорошо. Мы смотрели на цветущий картофель – он стал еще выше с тех пор, как я была здесь в последний раз. Пели птицы, тихо шумели деревья.

Дьявол спросил, как быть с вечностью – придумала ли я что-нибудь. Я сказала, что нет, пока не придумала. А потом спросила: «Разве избушка – не вечность?» Он сказал, что она тоже вечность, но не вся. Вечность гораздо больше. К тому же, на поляне – сочиненная вечность, им сочиненная. Я сказала: «Но ведь сочиненная вечность – тоже настоящая?». Дьявол кивнул.

Затем он спросил: «А как быть с балом? У тебя ведь все для него есть: и серьги красивые, и диадема драгоценная, и даже платье прозрачное. Только туфелек нет. Но ты сама отказалась от них – спутала эту сказку с другой». Я спросила: «Так, значит, все это – сказка?» Он сказал: «Разве когда тебе хорошо, это не сказка?» Любит же он отвечать вопросами. Я ответила, что, конечно, сказка. Когда хорошо, это сказка.

Он еще раз спросил про бал. Я сказала, что нет, не хочу.

– Но ведь это будет любой бал! Какой ты захочешь.

– Все равно не хочу. Непривычная я к балам.

Дьявол заплакал. Он так хотел, чтобы я появилась на балу. А я взяла и отказалась.

Я испугалась. Я никогда не видела, как плачет Дьявол. Я впервые увидела на его глазах слезы. Мой могущественный Дьявол плакал. Почему? Из-за чего может плакать Дьявол? Наверно, от бессилия. Только от бессилия.

Я хотела что-то сказать, чтобы успокоить его. Но ничего не придумала. Я не знала, что сказать Дьяволу, чтобы он перестал плакать.

– Почему ты плачешь? – только и спросила я.

– Я боюсь потерять то, что у меня есть. Я это понял только сейчас. Ты думаешь, Дьявол все сразу понимает? Нет. Некоторые вещи я до сих пор не понимаю. Например, почему ты не хочешь вечности. И не понимаю, почему ты хочешь жить лишь миг. Ведь жизнь людей – лишь миг.

– Но ведь в вечности я стану холодной бессердечной богиней. Ты этого хочешь?

Дьявол промолчал. Наверно, потому что не знал, как ответить на этот вопрос. Ведь Дьявол не на все вопросы знает ответы.

– Я боюсь потерять, – снова сказал Дьявол. – Мне казалось, я ничего не боюсь. А оказалось, боюсь. И почему ты так боишься вечности? – Дьявол снова заплакал.

– Я не смогу там жить, – сказала я и тоже заплакала.

Мы сидели рядом, на крылечке и плакали. Смотрели на стену непроходимого леса, на цветущий картофель, тянущийся ввысь, друг на друга и плакали. Мне казалось, мы будем плакать вечно.

Затем он снова посмотрел на меня. Я – на него. И мы потянулись друг к другу. Его губы оказались такими солеными! Мои, наверно, тоже.

Тихо подул ветерок. Он, наверно, дул из вечности. Но об этом я не думала в ту минуту. Я подумала, что истосковалась по взлетам.

И мы взлетели в едином порыве. Я увидела под собой полянку, избушку и, мне показалось, даже цветущий картофель. Все было таким маленьким. Я удивилась, что полянка и избушка – очень маленькие. И полянка маленькая – как пятнышко. И избушка маленькая – почти невидимая. А про картофель мне вообще показалось. Ну откуда на полянке взяться картофелю?

Затем мы спустились. Снова сели на крылечко и стали смотреть на лес, в котором деревья крепко схватились друг за друга ветвями. Иногда поднимали голову и смотрели вверх – куда мы еще раз должны были взлететь.

Затем я спросила про Веру:

– Она приходила?

Он удивился и ответил, что нет. Ведь сразу же было ясно, что больше она не придет. Второй раз через лес она не пробежит. Это только один раз у нее так получилось. Второй раз у нее не получится. Я спросила почему. Он ответил, что второй раз через этот лес никто никогда не проходил. Даже один раз никто не проходил (кроме Веры). А второй раз – тем более. Я тогда спросила:

– А ты? Ты ведь много раз через него проходил, когда в деревню ходил.

Он ответил, что нет. В деревне он в мгновение ока оказывался. Он по дьявольски там оказывался.

Я спросила его, и где он такой лес выискал? Он ответил, что не знает. Он просто увидел его с высоты и подумал: «Это как раз то, что мне нужно». Посмотрел на понравившийся ему кусочек леса – под его взглядом образовалась полянка. Ему осталось только приземлиться на нее. Он лишь домик построил не по дьявольски, подсмотрев, как это делают крестьяне. И картофель посадил, как и все. Ах да, еще и кровать со столом и стульями сам сделал – догадался, как их мастерить.

Дьявол сказал, что ему очень нравится здесь – в домике, на полянке, среди непроходимого леса. Здесь тихо. И никто не тревожит. Только здесь он отдыхает от всемогущества.

Я спросила:

– А я? Разве я не тревожу тебя здесь?

Он улыбнулся в ответ своей дьявольской улыбкой и сказал, что я могу находиться здесь сколько захочу. Хоть целую вечность. И картофель он посадил для меня. Чтобы я любовалась тем, как он цветет, и спрашивала постоянно, для чего же Дьявол посадил его.

Я засмеялась. А потом спросила:

– А от всемогущества зачем отдыхать?

Теперь засмеялся он. Он сказал:

– Ты, наверно, забыла, что была всемогущей?

– А разве я была такой? – удивилась я.

– Тогда, на озере, – напомнил он мне.

– Ах, да! – сказала я.

– А как ты сказала: «Я устала!» – это ты помнишь?

– Я такое сказала? – снова удивилась я.

– Вот для этого мне и нужна избушка.

«Все-таки странный он какой-то, Дьявол, – подумала я. – Разве бывают такие дьяволы – устающие от своей роли?» Я так и сказала ему:

– Странный ты какой-то.

Он ответил:

– Какой уж есть.

Я спросила:

– А разве бывают такие дьяволы?

Он вздохнул:

– Наверно, бывают. Раз я есть – значит, бывают.

Я согласилась. И действительно: раз что-то есть, значит, это бывает.

Затем мы взлетели еще раз. Сидели-сидели на крылечке. А потом вдруг взяли и взлетели, не сговариваясь. Волосы прилипли к моей спине – так быстро мы взлетели. А в ушах свистнул воздух – тоже от сильной быстроты.

А когда взлетели, все стало обычно – волосы развевались от высокого ветерка, и в ушах ничего не свистело.

Было тихо. Недалеко светило солнце. Совсем рядом летел Дьявол и улыбался мне. А внизу был лес. Полянку мы уже пролетели, и теперь под нами был только лес. Он тянулся до самого горизонта.

Дьявол спросил:

– Тебе нравится? Тебе нравится летать?

Я кивнула. Я хотела сказать «да». Но как только шевельнула губами, мои волосы тут же бросились мне в рот. Это ветер туда их загнал. Я засмеялась, убрала волосы и снова кивнула Дьяволу.

Затем мы повернулись и полетели обратно к полянке. Сколько ж можно летать над лесом! И подлетев, плавно спустились. И снова сели на крылечко.

Я подумала, что, оказывается, я еще и летать умею. Не только взлетать, но и летать умею. Хотя, что в этом удивительного?

Я спросила Дьявола о чем-то. Он ответил. Затем мы еще о чем-то говорили. Мы ведь находились в вечности. И никуда не нужно было торопиться.

26. Не Алексей?

А Алексей? Про него-то я совсем забыла. С тех пор, как мы пили шампанское, я про него не вспоминала. Я о нем вообще почти никогда не вспоминала. Обычно он, опережая мои мысли о нем, сам подходил к моему дому и начинал ждать меня, сидя на лавочке. А когда я выходила из дома, он вставал, улыбался и шел мне навстречу. И тут я вспоминала, что есть еще и Алексей! Не только Демю, но и Алексея.

А сейчас я вдруг подумала про него. Ни с того ни с сего – утром, проснувшись, подумала.

Но нужно было идти на работу.

Сияло последнее июльское утро. Лето закончилось (август у нас – уже не лето). Я вдруг вспомнила, что мои встречи с Демю и Алексеем длились всего месяц, а, может, и меньше. А мне казалось, я знакома с ними давно.

Я шла по дороге, мимо меня проходили люди. Начинался обычный будничнй день. Он так и должен начинаться. Ты просыпаешься, встаешь, пьешь кофе, выходишь на улицу и идешь на работу. Мимо тебя идут люди. Так, вроде, и должно быть. Только вот впереди появился знакомый силуэт. Кого же он мне напоминает?

Я даже остановилась. Это же Алексей! Идет навстречу – в черной одежде священника. Как так? Он же сам говорил... Он ведь ушел из церкви. Мы даже пили шампанское в честь этого. Разве может быть такое? А, может, это не Алексей?

Священник подошел ближе. Да нет же! Это Алексей! Просто слов нет!

«Так-так, – подумала я. – Посмотрим, как он поведет себя, когда увидит меня! Я буду смотреть ему прямо в глаза – так, чтобы ему стыдно стало. Разве можно так – сказать, что ушел из церкви, а на самом деле не уйти?»

Священник подошел еще ближе и заметил меня. Он посмотрел на меня – внимательно так посмотрел. Мне даже показалось, в его

глазах что-то вспыхнуло – где-то глубоко-глубоко. Он словно обрадовался мне, но эта радость осталась где-то внутри. Он скрыл ее. Он не хотел показывать ее.

Это длилось недолго, совсем недолго. Он отвел от меня взгляд – с внутренним, молчаливым страданием.

Жаль, на мне не было коротенькой юбочки! А так бы он еще и на коленки мои посмотрел, прежде чем отвести свой взгляд. А я бы посмеялась в ответ. Издевательски посмеялась бы.

Вот он подошел совсем близко, почти вплотную и... У меня аж дыхание перехватило! – он прошел мимо меня!

Я посмотрела ему вслед. А он и не думал оглядываться на меня! Я, значит, смотрю ему вслед, а он и не думает оглядываться! Как это? Как все это понимать?! Я взбесилась. Он по-прежнему решил играть в ту же игру? – что когда он в одежде священника, то нам обоим следует делать вид, будто мы не знаем друг друга. Фигушки! Не пойду я больше на это!

Я сорвалась с места и побежала за Алексеем. Сейчас я ему покажу, как притворяться!

Я подбежала к нему и схватилась за широкую складку его одежды. Он остановился и повернулся.

Я не выпускала его. Пусть ему станет стыдно, что я вот так, при всех, держу его платье, не выпуская!

Он посмотрел на меня. В его глазах застыл ужас, смешанный с удивлением – глубоко-глубоко в глазах застыл ужас, смешанный с удивлением. Не замечала я такого за Алексеем – чтобы он любил так глубоко прятать чувства.

И чему это он удивился? Не ожидал, что я могу так поступить? При всех схватить его за платье?

Он по-прежнему смотрел на меня и молчал. Глубоко-глубоко в его глазах шевельнулись какие-то другие чувства. Так-так! Опять все глубоко прячешь? А я вот не буду ничего прятать. Надоело мне в эти игры играть. Ты их придумал, ты и выпутывайся!

– Ну? – сказала я первая.

В ответ он продолжал молчать, лишь сделал слабую попытку высвободиться.

Я еще сильнее сжала в кулаке складку одежды. Теперь он не вырвется. А если и вырвется, то порвет свое платье. Тогда ему станет совсем стыдно. А мне – нет! Мне не станет стыдно. Мне станет весело, что я так лихо его проучила! Пусть не обманывает больше! Священник, а еще и обманывает!

– Что вы делаете? – наконец тихо спросил он меня.

– Разве не видишь? – ехидно сказала я. – Почему я должна делать вид, что не знаю тебя?

– Вы разве знаете меня? – В его глазах блеснуло удивление – на этот раз отчетливо блеснуло, на поверхности глаз.

– Знаю я тебя, Леша, знаю.

Священник вздохнул. Я отпустила его одежду. Не очень-то мне это и нужно, держаться за нее! Это ведь на минуту я позволила себе так поступить. А вообще-то мне этот цирк не нравится. С чего он мне должен нравиться?

Священник снова вздохнул, облегченно.

– Вы все перепутали, – сказала он мне. – Я не Алексей. Я – Дмитрий. А Алексей – мой брат. Мы с ним близнецы.

– Как близнецы? – не поверила я своим ушам. – То есть вы – не Алексей?

– Конечно, нет. Мы с ним хоть и близнецы, но очень разные. Жили мы в одной семье, воспитание получали одинаковое. Но он стал программистом, а я – священником. И, к сожалению, из-за разных взглядов мы с ним перестали общаться.

Теперь вздохнула я – горько. Не ожидала я такого, никак не ожидала. Ну, ты даешь, Леша! Разве можно так?

– Разве можно так? – сказала я.

– Вы про Алексея?

– Про него, конечно, а про кого же еще. Как он меня разыграл! Назвал себя священником. Хотя никогда им не был.

– Вы не обижайтесь на него, – мягко произнес Дмитрий. – Он, наверно, не со зла это сделал. Он добрый парень. А вы... – Дмитрий немного смутился. – Я вас видел иногда. Когда возвращался со службы.

– Я вас тоже видела.

В его глазах что-то вспыхнуло – опять глубоко-глубоко. Другой бы не увидел этого – что глубоко в его глазах что-то вспыхнуло. А я увидела. В его глазах что-то вспыхнуло и погасло. Дмитрий опустил голову.

– Ай да Алексей! – сказала я. – Ну и Алексей! Значит, вы не Алексей?

Дмитрий поднял голову и помотал ею.

– Но почему вы разные? Я слышала, что все близнецы очень похожи друг на друга – во всем или почти во всем.

– А мы вот не похожи, не считая внешнего сходства. Только внешне мы и похожи. А в остальном мы разные.

– Парадокс близнецов? – Я улыбнулась, впервые за это утро.

– Что? – сначала непонимающе спросил Дмитрий, а потом улыбнулся. Тоже улыбнулся и сказал: – Да, именно парадокс.

Затем он посмотрел вверх моего плеча и тихо вымолвил:

– А вот и он, Алексей.

Я оглянулась.

– Да не туда вы смотрите. Вон туда смотрите.

Дмитрий вытянул руку. Благородно так вытянул, прямо как Алексей. Я посмотрела в ту сторону, куда он указал.

Мне показалось, за угол шмыгнул знакомый силуэт.

– Ушел! Только что за угол зашел. Вы идите вон за тот дом, может, и догоните его.

Никого я не хотела догонять, тем более, Алексея. Я повернулась и ушла.

27. Вся правда

Такое нельзя оставлять просто так! Он, значит, обманывал меня, а я ему верила. Я обязательно все выскажу ему. Я же знаю, где он живет. Вот и пойду к нему. Постучу в дверь. Он откроет. И прямо с порога я все скажу ему. Я даже в квартиру его заходить не буду. А затем развернусь и уйду. А когда я буду говорить, то буду смотреть ему прямо в глаза. Он не выдержит моего взгляда и опустит голову, потому что стыдно ему станет. И когда он опустит голову, я скажу: «Что, стыдно?». Он кивнет, но не поднимет головы. Как маленький будет вести себя.

Я так и сделала. Собралась и пошла к Алексею.

Сначала я попала не в тот дом. Но меня это не остановило. Я стала искать его дом. И, наконец, нашла. И почему я сразу его не заметила? Вот же он, на виду! Это его дом, без сомнений.

Через минуту я стучала в дверь. Послышались шаги, дверь открылась.

– Это ты? – Алексей удивленно смотрел на меня. Затем он потер глаза и снова посмотрел на меня. Словно желал убедиться в моей реальности.

– Да, это я. Ты еще потрогай меня. Тогда точно убедишься, что не ошибаешься.

– А я думал, что у нас все, – сказал он.

– Что все? – не поняла я.

– Я думал, что после того вечера... ты рассердилась на меня и не хочешь со мной общаться.

– Пустяки.

Возле соседней двери остановилась бабушка с авоськой и стала доставать ключ.

– Может, зайдешь? – предложил Алексей.

Я зашла. А что мне оставалось делать? Разговор, может, будет не коротким. А соседки, наверно, уже уши приложили к замочным скважинам, слушая нас. Нет, этого не надо! Пусть Алексей и

обманщик. Но зачем его выставлять на всеобщее посмешище? Я только вначале так хотела – прямо на лестничной площадке ему все сказать. Но это же я сгоряча. Сейчас я посмотрела на него, и мне даже жаль его стало. Заврался, бедный, совсем, от этого, наверно, страдает.

Я вошла в прихожую. Все так же пахло холостяцкой квартирой. Я разулась и прошла в комнату. Алексей закрыл дверь.

Я села на диван. Алексей – на кресло.

– Значит, ты считаешь, что шампанское и прочее, что было тогда – пустяки? – спросил он.

– Да, пустяки, – подтвердила я. – Не пустяки – другое.

– Что?

– Оказывается, ты все время мне врал.

Алексей испуганно посмотрел на меня. Поймала я тебя, голубчик!

– Почему ты называл себя священником? Ты же не священник и никогда им не был.

Алексей отвел взгляд. Все-таки отвел!

– Но ты ведь сама назвала меня священником, – вдруг сказал он, снова посмотрев на меня.

– Я?

– Да, ты. Разве не помнишь? В самый первый раз, когда мы пиво с тобой пили на лавочке.

– Ну и что? Откуда мне было знать, что ты не священник, а лишь близнец того, с кем я тебя перепутала?

– А зачем мне нужно было тебя переубеждать? Я решил, что тебе это даже понравилось – сидеть рядом со священником, пить с ним пиво и болтать о таких вещах, о которых ни у одного духовника язык не повернется говорить.

– Может, и понравилось. Я уже не помню. Но зачем ты потом мне об этом не сказал – что ты врал, называя себя священником?

– Я собирался это сделать. Но постепенно. Начал с того, что сообщил тебе о моем предстоящем уходе из церкви – кстати, почти сразу сообщил – при первой же встрече. А затем и вовсе сказал, что ушел. Мы даже отметили это событие. А потом я хотел сказать тебе всю правду. Но ты опередила меня. Да что ты расстраиваешься? Считай, что все было игрой.

Ишь, как повернул! Мы с ним, значит, в игру играли! А я и не знала про это. Я, конечно, не против всяких игр, но предупреждать ведь надо!

Однако я уже не сердилась на Алексея. Ведь у него это игра была. Мне, может, даже и нравилась она, вот Алексей и поддерживал

ее. Может, он и не хотел в нее играть, а приходилось. Это я требовала продолжения игры, своим поведением. Не увидь он, что мне понравилось со священником пиво пить, он, может, и не стал бы во все это впутываться. Так что, может, это я во всем виновата.

– Ну ладно, – сказала я. – Игра так игра. Так, значит, у тебя есть брат-близнец?

– Есть.

– И вы такие разные?

– Так получилось. Парадокс близнецов. Я не разделяю интересов Димы. В свое время даже пытался убедить его не вставать на духовный путь.

– И как?

– Как видишь! – безрезультатно. Я даже Библию прочитал и про всяких святых, чтобы аргументировано с ним говорить. Но, увы, мои старания не принесли успеха.

– Теперь понятно, почему я поверила тебе. Ты говорил про священников так, будто знал их проблемы не понаслышке, словно был знаком с ними.

– Пришлось познакомиться – через книжки. Пока брата пытался убедить, многое узнал.

– А ему-то нравится?

– Быть священником? Наверно, нравится, раз он им является.

– Помнишь, во время первой встречи ты рассказал про священника, который помог тебе в минуту отчаяния. И благодаря нему ты якобы встал на духовный путь. Это ты про брата своего говорил?

Алексей посмотрел на меня, пытаясь вспомнить, что же он говорил тогда. Но не вспомнил. Скорее всего, не вспомнил.

– Наверно, про брата, – ответил он. – А, может, и не про него. Я уже не помню, что говорил тогда. На ходу приходилось сочинять.

– И про то, что тебе сейчас двадцать семь, а когда в церковь пришел, было двадцать четыре, ты тоже сочинил?

– Почти. Это с братом так было. Ему, а значит, и мне, сейчас двадцать семь. А когда он ушел в церковь, двадцать четыре было.

– А про девушку? Которая подарки любила больше, чем тебя. Про нее ты тоже сочинил?

Алексей вздрогнул.

– Нет, про нее не сочинил. Была такая. На самом деле была. Лучше бы ее не было!

– Почему?

– Как почему? – раздраженно сказал Алексей. – Потому! Из-за нее я на целый год заключил себя в монастырь.

– В какой еще монастырь? – Я чуть не упала с дивана. – Так ты все-таки такой?..

– Какой такой?

– Ну... Как и твой брат. Даже круче – в монастыре побывал. Так это ты про себя рассказывал, когда про монаха говорил? Ну, того самого, у которого сосед по келье влюбился в Таню, что рыбу в монастырской кухне чистила.

Алексей рассмеялся.

– Нет, конечно! Никогда я не был в монастыре. Еще чего! А вот приятель – бывший монах – у меня действительно был. Да и сейчас есть. Редко, правда, мы с ним видимся. Хотя надо бы чаще встречаться – веселый мужик – с позитивным мышлением. Ушел из монастыря и соседу своему, страдающему по кухарке, хороший совет дал. Новую жизнь ему посоветовал начать. Разве это не пример позитивного мышления!

– А та согласилась бы? Таня согласилась бы уйти с ним из монастыря? Она ведь по другому сохла.

– Согласилась бы! А куда ей деваться? Тот ее возлюбленный, по-моему, кремень – что мой брат Дмитрий. Ни за что не уйдет из заточения.

– Я не поняла, так ты был в монастыре или нет? – спросила я.

– Нет, – удивленно произнес Алексей. – Я же сказал тебе, что не был я в монастыре. С чего это ты решила, что я был там?

– Ты сам сказал.

– Быть такого не может! Когда я такое говорил?

– Когда про девушку свою рассказывал. Что из-за нее ты себя на целый год в монастырь заключил.

– Ах вон ты про что! – засмеялся Алексей. – Не перестаю тебе удивляться. Какая ты, однако!

– Какая? – обиделась я.

– Все буквально понимающая. Я ведь тебе не про тот монастырь говорил, про который ты думаешь.

– А про какой же тогда?

– Про иммунитет.

– Про какой еще иммунитет? Что ты несешь?

– После той девушки у меня выработался иммунитет на всех женщин сразу. Я возненавидел их. Мне казалось, что все они – меркантильные. Для них главное подарки, а не любовь.

– А-а, – сказала я, сочувственно посмотрев на Алексея.

– Да ты не смотри на меня так! Этот иммунитет продержался недолго – всего-то год. До тех пор, пока тебя не увидел. Вернее, твои

коленки. Когда я подсел к тебе в скверике, я еще не воспринимал тебя всерьез. Но когда ты про коленки свои сказала, что на них Дмитрий посмотрел... Когда ты такое сказала, я подумал: «Ну, если даже Дмитрий на них посмотрел!..» И тоже посмотрел на твои коленки. И понял – все! И мой иммунитет не выдержал.

Что я могла еще сказать Алексею? Ничего. Игра-то закончилась! Все карты раскрыты. Никаких загадок не осталось.

– Может, выпьем чего-нибудь? – предложила я.

– Почему бы и нет? – согласился Алексей. – Теперь за что?

– Как за что? За завершение игры.

– Правильно, – обрадовался Алексей. – За это обязательно нужно выпить.

Он встал, сходил на кухню и вернулся оттуда с бутылкой водки.

– Только это у меня есть, – сказал он, тряся бутылкой. – Будешь?

– Ого! – только и воскликнула я. Не ожидала я, что Алексей водочку пьет.

– Я редко пью, – сказал Алексей, услышав мое «ого!». – В основном, когда настроение плохое. Так ты будешь пить?

– Да, – ответила я. И я умею пить крепкие напитки.

– У меня даже огурчики соленые есть, – улыбнулся Алексей. – Все по правилам. Не так, как в прошлый раз.

Он еще раз сходил на кухню и принес рюмки, тарелку с нарезанными огурчиками и поставил все на журнальный столик.

Мы выпили. И огурчиком закусили. Затем еще выпили.

В какой-то момент нам стало весело. Мы начали говорить о чем-то и хохотать при этом. «А он неплохой парень, – подумала я, хохоча. – Не такой, конечно, как Демо, но тоже неплохой».

Вдруг Алексей перестал хохотать. Я тоже замолчала. Ну не хохотать же мне одной!

Он встал, подошел к шкафу, открыл скрипучую дверку и достал что-то. Я наблюдала. Голова кружилась – водка сделала свое дело.

Алексей подошел к стене и повесил «что-то» на гвоздик, торчащий из стены.

«Боже, да это же икона! – осенило меня. – Но зачем он ее повесил?»

Я постаралась напрячь все свое внимание, хотя сделать это было нелегко. Мне очень хотелось лечь, но любопытство, которое так и прыгало во мне, заставляло меня неотрывно следить за Алексеем.

Непослушной пьяной рукой Алексей поправил икону и, шатаясь, отошел от нее.

Я продолжала наблюдать.

Конечно же! Ну что можно делать возле только что повешенной иконы? Креститься. Это и начал делать Алексей – едва держась на ногах и читая молитву.

Это выглядело забавно и жутковато одновременно. Алексей, качаясь и пытаясь правильно накладывать крест, так диковинно читал молитву, что у меня стало исчезать ощущение реальности.

Он шатался, но изо всех сил пытался устоять на ногах. Завывающим голосом он пел молитву-песню. А рука чертила крест мимо тела. Он пытался совладать с непослушной рукой, но ему это никак не удавалось – рука проскальзывала мимо нужного рисунка.

Перед моими глазами все стало плыть: и Алексей, и икона, и комната. Я закрыла глаза и упала на диван.

Когда я проснулась, было раннее утро. Я лежала на диване одетая. Алексей спал на полу, рядом.

Я попыталась вспомнить, что же произошло вчера.

Я пришла к Алексею. Мы с ним поговорили, все выяснили. Затем мы пили водку. И вдруг начали хохотать. Это я помню. Затем Алексей встал, направился к шкафу, открыл дверку – она еще противно скрипела – и достал икону. Вот с этого-то все и началось! Вернее, закончилось. Зачем он достал икону? Да еще и повесил на гвоздик. Да еще и креститься начал. И не только. Самое жуткое – он стал при этом петь молитву. Это вконец затуманило мои и без того опьяневшие мозги, и я отключилась. «Нельзя так напиваться», – решила я про себя.

Осторожно, стараясь не задеть Алексея, я встала. Мне было чрезвычайно любопытно узнать, на кого же он молился.

Божья мать с ребенком. Вот что было на иконе.

«Бедная, – подумала я про Богоматерь, – смиренно молчала, пока пьяный Алексей перед ней молился. Вот уж точно небесное терпение. Хотя это ведь всего лишь икона, как сказал бы Демо. Картина все стерпит. А стерпела бы настоящая Божья мать такое поведение?»

Я постояла еще немного перед иконой, затем ушла, тихо закрыв за собой дверь.

28. Моя стихия

Утром было тепло и светило солнце, а к вечеру погода испортилась. Когда я возвращалась с работы, небо стало серым и начал дуть ветер. Все предвещало грозу. Я шла быстро, стараясь дойти до дома еще до того, как начнется ливень с молниями. Ужасно боюсь молний и грома. Когда вижу на небе огненную полосу, цепенею. Недалеко, наверно, я ушла от первобытных людей, испытывавших первозданный страх перед этим природным явлением.

Только я вошла в подъезд, грянул гром. Успела-таки! Больше всего я не хотела, чтобы стихия застала меня на улице. Из дома на грозу все же легче смотреть.

Я повернула ключ и открыла дверь. В этот же момент сквозняком раскрыло все окна. Неугомонная стихия пыталась ворваться в мой дом.

Я, не понимая от страха, что происходит, инстинктивно схватилась за ручку двери и быстро закрыла ее. Щелкнула два раза ключом.

Теперь нужно было закрыть окна. У меня их всего-то два – на кухне и в комнате. Сначала я закрыла окно на кухне, потому что оно ближе всего ко мне было. Затем вбежала в комнату и закрыла второе. Ни дырочки не оставила для разбушевавшейся стихии. И только после этого буквально свалилась на диван. Я почувствовала себя такой усталой!

А в это время гроза набирала силу. После того как я закрыла окно в комнате, я взглянула на улицу и подумала, что это и есть стихия во всей своей мощи. Но оказалось, не так. Она тогда только начиналась.

Небо сверкало все чаще и чаще. Зажигались молнии, и сразу же начинал грохотать гром. Снова зажигались молнии, и снова сразу же начинал грохотать гром. Мне казалось, молнии горели прямо за моим окном. Откуда они взялись? Никогда раньше не видела молний прямо за окном.

Они ослепительно загорались и, сгорев, исчезали. А вместо них вспыхивали новые. И эти, новые, молнии еще ближе подкрадывались к окну – все ближе и ближе подкрадывались к окну, почти вплотную.

С грохотом падали деревья. Оглушительно гремел гром. Ослепляли молнии.

Вдруг стало темно. Абсолютно темно. Стало трудно дышать. Я принялась судорожно хватать ртом те остатки воздуха, которые были возле меня.

Но вот снова сверкнула молния, на миг осветив комнату. Снова загремел гром. И только сейчас я поняла, что происходит. Именно в такую погоду является Дьявол!

И я вспомнила Дьявола. Ведь у меня есть он. И это его время! Как это я сразу не поняла, что именно сейчас, в такую погоду нужно звать его. Только в такую погоду он покажет всю свою силу, все свое всемогущество.

И я позвала его. Я прошептала его имя – едва шевеля губами.

Он не явился.

Я чуть громче шепнула, чуть сильнее шевельнула губами.

Он опять не явился.

И тогда я поняла. Дьявол не слышит меня! Разве можно в такую стихию услышать тихий шепот? Конечно, нет. Нужно громче говорить. Не говорить, а кричать. Что есть силы кричать.

И я закричала – изо всех сил. Затем еще раз закричала. Еще раз.

Я кричала и кричала. А молнии все сверкали и сверкали. Гром гремел и гремел, не переставая и перекрикивая меня. Затем на мгновение все темнело и стихало – всего лишь на мгновение все вокруг темнело и стихало. Затем снова начинал грохотать гром. И снова начинали сверкать молнии, разрезая мое окно. Все наоборот стало получаться – сначала грохотал гром, и только затем молнии разрезали мое окно.

Уже ничего не осталось от моего окна, а молнии все продолжали и продолжали резать его своими огненными ножницами. «Ну и жадные, эти молнии, – возмутилась залетевшая из голого окна мысль. – Им все мало! Уже все разрезали, а им все мало!»

Я поняла, что Дьявол меня все равно не слышит. Как быть? Что делать? Громче я все равно не крикну. Глотка-то у меня человеческая, а не громовая.

И я снова поняла что-то. Дьявол не хочет меня слышать. Он не хочет ко мне являться. Потому что я от всего отказалась – от всего того, что он предложил мне. Диадема, серьги и платье – мелочи. Они ничего не стоят для Дьявола. Вечность, всемогущество – вот что для него многое значит. И еще любовь. Любовь, наверно, тоже имеет ценность для Дьявола. А иначе, зачем ему надо было становиться человеком?

А я отказалась от всего. Как я могла!

Теперь мне все стало ясно. Все ясно. Дьявол прощался со мной. Эта стихия была его последним подарком. А я и не поняла это сразу. Только когда молнии начали резать голое окно, я поняла.

Нужно было что-то делать. Я не хотела прощаться с Дьяволом. Я, может, только начала входить во вкус, а он уже решил со мной проститься. С чего это он? Из-за того, что я от всего отказалась? Или из-за Алексея?

Меня уже не пугала стихия. Я знала, это моя стихия.

Я встала, еще раз – уже невозмутимо – посмотрела на голое окно и подошла к шкафу. Открыла его и достала розовое платье. Спокойно, без единого лишнего движения сняла с себя все, что было на мне, и также спокойно надела на себя прозрачную сказку. Это платье так замечательно поблескивало в свете молний. Затем достала серьги и диадему. Положила их на ладони и полюбовалась тем, как они ломают в себе золото огненных линий. Более восхитительного зрелища я не видела. Что может быть великолепнее горящих в молниях бриллиантов и изумрудов! Пусть это не духовное зрелище, но это подарок Дьявола!

Я надела серьги, любуясь при этом своим отражением – молнии прыгали прямо в зеркало. Затем надела диадему – зеркало загорелось.

Я знала. Я уже все знала – что мне нужно делать. Я должна была войти прямо в сердце стихии. Только там я могла найти своего Дьявола.

Я подошла к двери и щелкнула ключом – дверь распахнулась.

На пороге стояла до ниточки мокрая Валя и испуганно смотрела на меня. Вслед за ней бежал Рома. Он тоже был весь мокрый.

– Вы ко мне? – удивилась я.

– К тебе, – выдохнула Валя и стала переводить дух. Видно, быстро она бежала.

Подбежал Рома:

– Я ей кричу: «Ты куда?» А она: «К ней!» – и побежала. Я ей: «Ливень!». Но она еще быстрее побежала.

– Так что же случилось? – спросила я.

– Тебя молоденький везде ищет, – сказала Валя.

– Какой молоденький?

– Да тот, с которым ты гуляла по вечерам. Он бежит под дождем и всех спрашивает: «Вы не видели ее?» Я как раз мимо проходила. Он и меня спросил, видела ли я тебя. Я ответила, что знаю тебя, и что недавно ты была у нас. Так он вообще упал передо мной на колени. И просит: «Позовите ее! Она вас послушает. Меня не послушает, а вас

послушает. Ее Дьявол украл. Она моя, а он ее у меня украл». Я подумала, может, что-то не то с ним, но он еще сильнее начал просить меня. Мне жалко его стало. Вот и побежала к тебе. А Рома как раз навстречу идет. И спрашивает: «Ты куда?» Я говорю: «К ней». И как раз в это время непогода еще сильнее разыгралась. Совсем разыгралась. Он схватил меня. Но я вырвалась и побежала к тебе.

– Еле догнал, – сказал Рома. – Не понимаю, и что понесло ее к тебе в такую грозу?

– Так молоденький по-прежнему по улице бегаёт, ищет тебя.

– Да не молоденький он, – сказала я. – Он на год старше меня.

Но почему ты побежала ко мне? Неужели из жалости к нему?

– Потому что глаза его заставили меня это сделать – к тебе побежать. Глаза у него прозрачные, а внутри огонь горит. Он говорит, что нельзя ему сейчас к тебе заходить. У тебя – Дьявол, и он сильнее его. Он его сожжет. Он и тебя сожжет, если захочет. А ему спастись тебе надо. Он по-прежнему где-то бегаёт.

– Кто? Алексей?

– Так его Алексеем зовут?

Валя, наконец, обратила внимание на мое одеяние и украшения.

– Куда ты так вырядилась? Корону зачем нацепила? И откуда она у тебя такая, блестящая? И серьги такие же. А платье-то совсем прозрачное.

– У тебя есть кто дома? – вмешался Рома.

– Нет, – ответила я.

– А почему тогда Алексей про Дьявола твердил Вале?

– Не знаю. Откуда мне знать? Никого у меня нет. Я сама собралась уходить из дома.

– Куда? На улице гроза.

– Ну и что! Если вы хотите, то заходите ко мне – дождь переждете. Правда, окна молнии перерезали. Нет у меня сейчас окон.

– Нет, мы лучше пойдем.

– Я тоже пойду, – сказала я и закрыла дверь. Все то время, пока мы говорили, дверь была открытой. Мы стояли у порога, и нас сдувало сквозным ветром.

Рома с Валею ушли. Я тоже.

Когда мы вышли из дома, гроза стала еще сильнее. Всех нас стало сносить сильным ветром. Мы едва держались на ногах. Валя крикнула: «Мы побежали!», и они побежали. Вернее, я не услышала, что она крикнула, а догадалась.

Я стояла и смотрела, как они удалялись, держа друг друга. Сначала я испугалась, что их может ветром унести, но потом

успокоилась. – Это ведь моя стихия разгулялась, значит, ничего им не будет. Добегут они до своего дома в целости и невредимости. И Алексей добежит. Постоит, постоит на улице, поспрашивает у прохожих, не видели ли они меня, и тоже побежит домой. Он тоже поймет, что это моя стихия разыгралась.

А мне надо идти. Молиться. Пока стихия не закончилась.

Я сделала шаг, мое платье взлетело до небес. Я руками опустила его. Сделала еще шаг. Затем еще... Больше платье не взлетало. Это оно только в первый раз взлетело с непривычки. А потом привыкло. Ко всему сразу привыкло. И к тому, что я в стихию в нем пошла, и к тому, что я молиться в нем буду. Красивое платье. А я сразу и не заметила этого. Оно еще блестит, отражая молнии. И совсем не мокнет от дождя – легким и воздушным остается.

Я шла, а вокруг лил дождь – отовсюду: с неба, с деревьев, с крыш всех домов... Ветер рвал воздух. Этот ветер и платье бы мое порвал, если бы мог. Но не мог. Такой ветер только воздух может рвать, да деревья валить, а мое платье даже тронуть не может. Потому что оно из такого же ветра сделано.

Я шла, а вокруг падали деревья. Какое-то упало прямо позади меня. Как раз на то место, где я была секунду назад. Только легкие ветки задели мою руку. Деревья падали везде – и сзади, и справа, и слева, и еще где-то. Только впереди меня не было ни одного упавшего.

Я шла и шла. А вокруг бушевала стихия, она даже не думала заканчиваться. Потому что молитву свою я еще не прочитала.

Наконец, я упала. Не от усталости, нет. Не было во мне ни капли слабости. Я упала, потому что должна была упасть как раз на том месте. И я упала – на колени.

Я посмотрела на небо – оно продолжало извергать гром и молнии. Гром грохотал так, что оглохнуть можно было. Молнии разрезали небо насквозь. Ветер валил деревья. Деревья все падали и падали. А я смотрела на все это и смотрела. Затем начала читать молитву.

Мне не нужно было кричать – я все равно не перекричала бы стихию. Поэтому я читала тихо. Я положила руки на грудь, чтобы молитва получилась искренней, и, стоя на коленях, принялась шептать.

Я никогда не знала этой молитвы прежде. Я в первый раз ее произносила. Я читала ее и не знала, откуда идут эти слова. Просто подступала к горлу молитва, и ее читала.

Она вырывалась из моих губ и тонула в стихии. Она уносилась этой стихией. Кружась ветром, падая дождем, звуча в грохоте грома и сверкая в молниях. Моя молитва становилась всей стихией сразу.

В какой-то момент еще ослепительнее вспыхнули молнии. Я подняла лицо к небу. Зажглось лицо Дьявола. А, может, это мне показалось?

Снова шел дождь, снова гремел гром, снова сверкали молнии и снова с треском падали деревья. А я продолжала молиться.

О чем же я молилась? Я решила прислушаться к своим словам. До этого слова вырывались из меня в стихию, а я даже не знала, о чем они. А я, оказывается, говорила что-то очень важное. Я это сейчас поняла, когда прислушалась к молитве.

Конечно же, я говорила про избушку. Что где-то есть она. Ждет меня, и мне в ней хорошо. Она стоит на полянке. Рядом цветет высокий картофель, а вокруг непроходимый лес. И пусть вечность там – сочиненная. Разве это важно, сочиненная вечность или нет?

А еще я говорила, что снова хочу взлетать. Мне это очень понравилось – взлетать. Взмахивать руками и сразу же оказываться в небесах, прямо под солнцем. И светило, оказывается, не горячее. Это только отсюда нам кажется, что оно нещадное и может обжечь любого, кто приблизится к нему. А там, куда взлетела я, солнце совсем близко, и оно даже не думало меня обжигать.

А еще я говорила, что не боюсь вечности. Это только Дьяволу я говорила, что боюсь ее – из-за скромности так говорила. А на самом деле я не боюсь ее. Я же бывала в ней много раз. И избушка в вечности – а в избушке мне нравится. Как я могу бояться избушки, если мне в ней хорошо?

Еще я говорила, что и всемогущества я не боюсь. Если бы я боялась всемогущества, то и Дьявола боялась бы. А Дьявола я не боюсь.

Еще я просила Дьявола вернуться. Может, он и не ушел вовсе, но я, все равно, просила его вернуться. Я просила и плакала. Просила и плакала. И слезы стекали по моим щекам. А когда я поднимала голову к небу, то слезы стекали по моим сережкам. А, может, это все же дождь стекал по щекам и сережкам? В этой стихии все перепуталось.

Я молилась и молилась. Молилась и молилась. Я решила, что буду молиться, пока бушует стихия. Пока бушует стихия, я буду молиться.

А затем настанет утро. Как всегда, настанет утро.

Оглавление

1. Мечта	3
2. Бедный дьявол.....	6
3. Явление Дьявола.....	19
4. Боль	30
5. Священник.....	36
6. Преображение	49
7. Страстное желание	53
8. Воспоминание	58
9. Откровенный разговор.....	61
10. Дьявольские украшения.....	71
11. В детстве.....	80
12. Другое лицо священника	87
13. Вещественные доказательства	91
14. Когда-нибудь, лет через двадцать.....	107
15. Взлёт	113
16. Допрос.....	117
17. Я – маленькая!.....	130
18. Жизнь изменилась	144
19. Происшествие	150
20. Сон Дьявола	156
21. Уход из церкви.....	161
22. Валя и Рома	180
23. Озеро.....	192
24. Воспоминания	200
25. Вместе.....	212
26. Не Алексей?.....	216
27. Вся правда	220
28. Моя стихия	226